

S E R I E S M I N O R

ВЕРБАЛЬНАЯ
И НЕВЕРБАЛЬНАЯ ОПОРЫ
ПРОСТРАНСТВА
МЕЖФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ

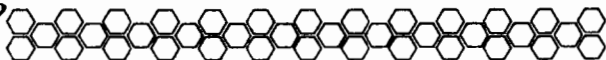
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
CENTRE NATIONALE DE LA RECHERCHE SCIENTIFIQUE (FRANCE)

ВЕРБАЛЬНАЯ
И НЕВЕРБАЛЬНАЯ ОПОРЫ
ПРОСТРАНСТВА
МЕЖФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Ответственный редактор
Т. М. Николаева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 81.031
В 31

В 31 Вербальная и невербальная опоры пространства межфра-
зовых связей: Коллективная монография / Рос. акад. наук;
Ин-т славяноведения; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова;
Centre nationale de la recherche scientifique; Отв. ред.
Т. М. Николаева. — М.: Языки славянской культуры, 2004. —
256 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-177-2

Авторы коллективной монографии обращаются к как будто бы давно решенным вопросам о типах связи внутри сложного предложения. Новые данные получены благодаря изучению таких «коннекторов», как частицы, интонация бессоюзия, порядок слов, выделение темы и ремы и т. д. Определенные правила выявились при различении *хотя* и *хоть*, привычно считающихся вариантами.

Особое место в книге занимает выявление «скрытой семантики» русского местоимения *Я*, которое, как оказалось, ведет исследователя в далекие индоевропейские глубины, к сложной составной конструкции, которая и определяет употребление/неупотребление *Я* в русском языке, сохранившем эту скрытую категорию.

Работа велась в течение нескольких лет силами ученых РАН (лингвисты — В. С. Ефимова, Р. Ф. Касаткина, Т. М. Николаева и физиолог-акустик А. В. Венцов) и лингвистом из Франции профессором Ириной Фужерон, автором книг по русской интонации и порядку слов. Одна из частей книги написана И. Фужерон совместно с Ж. Брейаром.

Все исследование в целом проходило в рамках совместного проекта РАН (Россия) — CNRS (Франция).

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-94457-177-2

9 785944 1571779

© Авторы, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Часть I. Союзы и межфразовые связи.....	13
Глава I. Союзы и союзная связь.....	13
Сочинительные союзы <i>а, но, и</i> : история, сходства и различия (<i>Т. М. Николаева</i>).....	13
О сочинительных союзах в старославянском языке — где место союзу <i>а?</i> (<i>В. С. Ефимова</i>).....	47
Еще раз к вопросу о сочинительных союзах (<i>И. И. Фужерон</i>).....	57
Частица <i>же</i> в роли текстового коннектора (на материале русской диалектной речи) (<i>Р. Ф. Касаткина</i>).....	71
Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (<i>а, но, ну</i>) (<i>Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин</i>).....	83
Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами (<i>Т. М. Николаева, И. И. Фужерон</i>).....	99
Глава II. Межфразовые связи и их бессоюзное выражение.....	135
Семантика межфразовых связей и/или грамматика сложного предложения (<i>Т. М. Николаева</i>).....	135
Часть II. Скрытая семантика «я».....	147
Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке (<i>И. И. Фужерон, Ж. Брейар</i>)..	147
Функции русского «я» в индоевропейской перспективе (<i>Т. М. Николаева</i>).....	167
Местоимение первого лица в старославянском языке — свидетельства евангельских текстов (<i>В. С. Ефимова</i>).....	179

Часть III. Межфразовые связи и интонация.....	189
Интонация, порядок слов и межфразовые связи (И. И. Фужерон).....	189
Межфразовые связи в тексте спонтанной речи (Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин).....	201
Исследование мелодических изменений в речи: вос- приятие общего вопроса (А. В. Венцов, И. И. Фуже- рон).....	215
Принятые сокращения.....	239
Библиография.....	241

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография, по замыслу ее авторов, вполне соответствует той исследовательской работе — иногда совместной, иногда индивидуальной, но всегда в рамках общего и всем интересного российско-французского проекта, — которую мы ведем в течение почти десяти лет. За эти годы нами опубликовано много статей, проведено несколько «круглых столов», однако именно в этой книге мы хотим обобщить, интерпретировать и сложить вместе все полученные нами данные.

Итак, все эти исследования обращены, как мы считаем, к лингвистике нового этапа — не к той лингвистике, которая описывается и описывает в терминологии «можно/нельзя», а к той, которая при первоначальной кажущейся свободе в выборе того или иного варианта, в употреблении той или иной категориальной формы, позволяет, при пристальном внимании лингвиста-исследователя, разглядеть не описанные ранее категориальные разграничения. Эти категориальные отличия могут быть продуктом нового времени, формироваться сейчас. Они могут также быть отпечатком, «следом» былых, почти нейтрализованных, оппозиций. Тогда они связаны с тем, что предлагается назвать «скрытой памятью» языка.

Что же такое «скрытая память» языка? Как можно предположить, она существует в нескольких видах.

Первый ее вид можно надлюдовать в тех случаях, когда в языковом употреблении сосуществуют два как будто бы свободно заменяющихся в коммуникации варианта: лексемы, грамматические формы, синтаксические модели и т. д., и при этом носитель языка не может ответить на вопрос, чем они различаются в употреблении. Не может на него ответить и лингвист-кодификатор (в описании языка

представлены лишь пометы вроде *вариант, разг.* и под). И только исследование большого массива данных позволяет выявить интерпретацию их различия, существующую в виде «тенденции», а не грамматикализованной обязательной модели. Эта интерпретация ведет к диахроническим феноменам, иногда очень глубоким по хронологии.

Таким образом, в исследование вводится и фигура лингвиста-синхрониста, который не знает пока об этих «скрытых» тенденциях, вводится и то понимание, что наблюдаемые тенденции не сообщаются студентам-филологам, аспирантам, проще говоря — не являются на сегодняшний день фактами обыденного научного знания. В психолингвистике как особой области языкознания уже давно активно фигурирует личность носителя языка. Введение в интерпретацию также и лингвиста представляется в настоящее время тоже концептуально оправданным. Таким образом, в анализ языковых фактов можно ввести еще один компонент: это данные лингвистики же, то есть показания-описания самих лингвистов. Правда, ситуация может оказаться сложной, когда некие факты знает историк языка, но никак не соотносит с современным состоянием, не видя в нем рефлексов прошлого, и наоборот. Естественно, что когда «скрытая память» языка оказывается «раскрытой», она тоже становится фактом обыденного научного знания.

Диагностическим для «скрытой памяти» первого типа феноменом может быть признана «наивная» (в буквальном смысле) реакция носителя языка (и даже филолога) в таком духе, что «можно сказать ведь и так, и так» или «а если вместо В сказать А, то ведь тоже будет правильно» и т. д.

Существует и второй тип «скрытой памяти». Когда, например, категориальные формы одной и той же лексики может различать некий формант, который не воспринимается и не описывается в грамматиках как носитель какого-то самостоятельного значения. Между тем обращение к диахронии показывает, что именно этот формант предопределяет отмеченные различия данных категориальных форм.

Тип третий «скрытой памяти» — это когда для синхронного состояния предполагается, что все языковые воплощения одной и той же единицы языка, лексемы например, определяются ее современным обликом. Переход к иному виду ее манифестации, воплощению на другом языковом уровне или в облике близкого по родству языка, неожиданно показывает, что в этой единице таится образ предшествующего «далекого периода».

Попытки подобного «разграничения» так называемых «свободных вариантов» предпринимались в основном в лексикологии.

Итак, наша работа посвящена неявным для предшествующего описания категориям синтаксиса. Более конкретно, тем семантическим соединительным нитям, или пучку этих нитей, которые связывают в единое высказывание части сложного предложения.

В языкознании синтаксические возможности соединения простых предложений в одно сложное как будто общеизвестны. Это бессоюзное примыкание, интонационная связь, связь через «дискурсивные показатели», связь через союзы. В нашей книге рассматриваются языковые структуры «на грани» этих простых квалификаций. Так, бессоюзная связь, как выясняется, передает целый пучок отношений, меняющихся при изменении интонации и/или порядка слов. Существует также целая пограничная зона между сочинением и подчинением, хранящая в себе еще комплексность бессоюзия. При этом, как оказалось, привычные «полусоюзы» *хотя* и *хоть*, в грамматиках часто объявляемые вариантами, обладают довольно явно просвечивающим при внимательном анализе категориальным различием.

Достаточно сложная и плохо дифференцируемая по «частям речи» зона лежит и между соединением через междометия и через частицы и союзной связью. Здесь происходит и смыкание-разъединение диалектов и литературного языка.

Наконец, сам факт употребления/неупотребления личного местоимения первого лица единственного числа, то есть русского *я*, обычно никогда не рассматривавшийся в

связи с объединением фрагментов речевой цепочки в одно целое, тоже является показателем семантики связи высказываний в тексте, компонентом, нагруженным своим собственным, ранее не описанным в лингвистике значением. Значение это восходит к древнейшим средствам актуализации сообщаемого.

Оказалось, по нашим данным, что даже наиболее грамматикализованные форманты, связующие части сложного предложения, — союзы также соотносятся с древнейшими показателями, актуализаторами и коннекторами: партикулами.

Таким образом, эта книга связывает теорию с экспериментом, диалектные данные с литературным языком, а синхронию — с диахронией.

Более ранние «пробы пера» нашего авторского коллектива опубликованы в сборниках «Славянские сочинительные союзы» (М., 1997) и «Межфразовые связи: кодирование и декодирование» (М., 2000), а также в следующих статьях: *Fougeron I. A et No, deux conjonctions synonymes?* // *Les particules énonciatives en russe contemporain*. Paris, 1987. V. 3; *Fougeron I. Prosodie et organisation du message* // *Collection linguistique*. V. 76. Paris; Klincksieck, 1989; *Fougeron I. A et les rapports interphrastiques en russe contemporain* // *Revue des Études slaves*. T. LXII. Fasc. 1/2. Paris, 1990; *Fougeron I. Variations sur un thème* // *Actes du XII Congrès des sciences phonétiques*. Aix-en-Provence, 1991. V. 3; *Fougeron I. Retour sur les conjonctions adversatives A et No en russe* // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. T. XC. Fasc. 1. Paris, 1995; *Николаева Т. М. А мы швейцару: «Отворите двери!» (В развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексемы)* // *Облик слова*. М., 1997; *Фужерон И. Между сочинением и подчинением: хотя в современном русском языке* // *Доклад на XVII Международном лингвистическом конгрессе 20–25 июня 1997 г.* Париж, 1997; *Фужерон И. Не заблудиться бы в трех хотя* // *Известия АН. Серия литературы и языка*. 1998. № 3; *Николаева Т. М. Хотя и хоть в исторической*

перспективе // Славянские этюды. М., 1999; Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые соображения по поводу категории уступительности // Вопросы языкознания. 1999. № 1; Фужерон И., Брейяр Ж. Когда я нужно // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. № 4; Fougeron I. La coordination et ses opérateurs en russe moderne // Études de linguistique générale et contrastive. Hommage à Jean Perrot. Paris, 2001; Ефимова В. С. Местоимение первого лица в древнейших славянских текстах // Славяноведение. 2002. № 4; Брейяр Ж., Николаева Т., Фужерон И. Наличие/отсутствие личного местоимения — функциональная категория русского языка (в печати); Николаева Т. М. Многомерность интонационного пространства и ограниченность его отображения // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3); Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: постановка проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4.

ЧАСТЬ I

СОЮЗЫ И МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ

ГЛАВА I

СОЮЗЫ И СОЮЗНАЯ СВЯЗЬ

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ *а, но, и*: ИСТОРИЯ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Несмотря на довольно значительную литературу, посвященную этим трем русским сочинительным союзам, потребность обращаться к их «функциональной» разгадке возникает вновь и вновь — очевидно потому, что привычные для семантика-лексиколога методы и решения здесь оказываются неприменимы, хотя они должны быть применимы, ибо этого требует наша речь как наша сущность. Говоря более просто, вопросы предстают следующие:

- 1) можем ли мы говорить о полном несовпадении функциональной семантики этих союзов?
- 2) можем ли мы, напротив, говорить о полной функциональной взаимозаменяемости этих союзов?
- 3) можем ли мы говорить о каких-то частичных зонах их функционального пересечения?
- 4) в этом последнем случае идет ли речь о полной синонимической замене или только об отсутствии нарушения смысла при замене?
- 5) накладываются ли на сферы употребления этих союзов различия стилистические или, скажем иначе, различия разных речевых традиций?
- 6) различается ли интонация предложений с этими союзами и сохраняется ли это различие при возможном функциональном сближении этих союзов?

7) как влияет на указанные сходства/различия дополнительный компонент (компоненты) местоименного или партикульного характера типа *то, зато, ведь, вот* и под.?

8) как отделить то, что привносят эти компоненты, от функциональной семантики союза?

9) какова роль порядка слов и тема-рематического членения в выявленных сходствах и различиях?

10) влияет ли на функционирование этих союзов графика, то есть: располагаются ли они после точки или после «внутреннего» знака? или (если перевернуть вопрос) в каких случаях пишущий ставит точку или даже знак абзаца, а в каких запятую?

11) как быть — а именно эта задача встала перед нами — если в другом языке этим трем союзам функционально соответствует другое число единиц (например, два союза или четыре)?

12) как быть, если окажутся непереводаемыми не единицы языков, а метаединицы лингвистического описания (об этом будет сказано ниже в связи с русским словом *сопоставление*).

Постараемся постепенно и по мере возможности репрезентировать свои точки зрения по каждому из указанных выше вопросов.

I. Индоевропейская предыстория союзов *а, и, но*

1. Анализ функционирования русских (и славянских) сочинительных союзов и обращение к этимологическим разысканиям, им посвященным, как и ответ на вопрос, что же представляет собой русское *И* в диахронической перспективе (глава четвертая), оказывается поверхностным (или просто нецелесообразным) без введения в оборот некоторого пласта языка, формируемого минимальными единицами, которые в дальнейшем будут называться *партикулами*. Поэтому остановимся на них более подробно.

Таксономически партикулы обычно связаны с так называемыми «дискурсивными словами»; однако отнюдь не все дискурсивные слова соотносятся с набором партикул.

Так, например, авторы статей в сборнике «Дискурсивные слова русского языка» [Дискурсивные 1998] включают в их число такие слова, как *по меньшей мере, наоборот, еще раз, впрочем* и др., которые не состоят из партикул; но в этом же списке находятся и слова из партикулярного фонда: *только* < *to+li+ko*, *дай* < *да+и*, *не+у+же+ли*, *не+бо+сь* и под.

Подобные партикулы в грамматиках предлагают отнести к категории «незнаменательных слов», но и тут область незнаменательных слов пересекается с областью партикулярного фонда лишь частично, поскольку в этот класс входят и предлоги. Предваряя дальнейшие рассуждения, скажем заранее, что объединять партикулы и предлоги, как это часто делают, теоретически и информационно бессмысленно, так как партикулы относятся, как было сказано, к «коммуникативному фонду», а предлоги — к денотативной стороне сообщения. Предлог помогает описывать конкретный кусочек действительности, а партикулы, как и дискурсивные слова, «не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения непредметны, поэтому их можно изучать только через их употребление» [Дискурсивные 1998: 8].

Значительное число партикулярных образований входит в разряды местоимений и частиц. И здесь, однако, мы можем найти исключения и в довольно большом числе. В частности, не из партикул состоят [кто]-*нибудь, пусть, пускай, нехай, ведь*.

Например в составе «Словника частиц», представленном в «Словаре русских частиц» Э. Шимчук и М. Щур [Шимчук — Щур 1999: 24], мы находим частицы, не восходящие к партикулярному фонду: *буквально, вправду, впрямь, вообще, исключительно, попросту* и т. д. Наконец, первичные (примарные, то есть одиночные) партикулы часто выступают в роли союзов. Исключений достаточно и тут. Например, это союз *хотя*. И класс междометий тоже включает в себя значительное число партикул. И тоже не совпадает с ним. Например, *Ах!, Ох!, Увы!* И т. д.

Наконец, предельно простая фонетическая структура таких примарных партикул: а они состоят, как правило, либо из одного гласного (V), либо из комплекса: консон-

нант + вокал (CV), может привести к мысли о их соответствии слогам языка. Именно моносиллабичность подобных элементов считает их основным признаком М. Фрид [Fried 1999: 43]. Но и это неверно, так как существуют слоги, не имеющие аналога среди фонда партикул, однако знаменательные слова распадаются на них легко.

А между тем в пределах славянского континуума большинство партикул и/или их комплексов совпадает либо полностью, либо легко пересчитывается друг в друга по правилам исторической или типологической фонетики. Они могут различаться функционально. Они могут различаться по степени принадлежности к языку литературному, к диалекту, к языку жаргонному. Графически они могут быть контактными в одном языке и дистантными — в другом. Однако несомненно то, что внутри славянского языкового континуума (с возможным выходом в более глубокие индоевропейские общности, как мы постараемся показать далее) существует практически единый набор простейших партикул и довольно единообразно работающий «порождающий конструктор», создающий из них комплексы. Несомненно и то, что отрицать существование этого фонда уже невозможно.

Несомненно также, что на каком-то этапе развития славянских языков этот «порождающий конструктор» перестает функционировать, и в той зоне, где раньше были партикулы и их комплексы, появляются «застывшие» формы знаменательных слов, то есть не происходящих из партикул. Причины остановки работы порождающего конструктора пока остаются неясными, так как неиспользованных возможностей порождения остается очень много.

Очевидно также, что лингвистика в течение долгого времени просто избегала всерьез принимать этот партикулярный фонд и, как было показано выше, как бы «замешивала» партикулы в подходящие к ним по функции или по так называемой «частеречной принадлежности» классы слов не только партикулярного происхождения.

Ясно, что вопрос о возникновении таких партикул и их первичной семантике связан с еще недавно запретной темой о происхождении языка вообще и о его эволюции.

Поэтому примарные (некомплексные партикулы) в течение долгого времени было принято возводить к каким-нибудь «застывшим» формам — как правило, падежным формам местоимений.

В последние годы в мировой лингвистике интерес к происхождению языка и его самым ранним этапам растет. Естественно, что растет и интерес к первичным языковым единицам. Из этого следует, что в первую очередь при этом встает вопрос о том, что же является в языке первичным: Именование или Указание. В первом случае партикулярные компоненты «указывают» на нечто, уже названное; тем самым они вторичны. Во втором случае дейктизм партикулярных компонентов заставляет задуматься над тем, как и каким образом возникали так называемые «знаменательные слова», и над тем, что в языковом механизме работают как бы две параллельных шестеренки.

Нужно отметить, что соответственно двум языковым наборам можно говорить о двух лингвистиках, то есть метасистемах, претендующих на адекватное отражение языка. То есть вначале для одних было высказывание, а сегментная фонетика, фонология, считалась последним элементом освоения языковой структуры. Параллельно с этим развивалось все более побеждающее направление, которое господствует и сейчас, оно начинается с фонемы и идет далее «по уровням», что конечно, гораздо удобнее для метаописания. Сейчас уже можно сказать прямо, что эти две системы, вероятно, абсолютно автономны, и одну из них можно назвать ориентацией на эмпирию, а другую — ориентацией на валоризацию.

То, что эти две системы сосуществуют, и то, что между ними должна была найтись какая-то «перемычка», почувствовал практически только Э. Бенвенист, писавший прямо в своем знаменитом докладе на Лингвистическом конгрессе 1963 года: «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (*le discours*).

В самом деле, это два различных мира, хотя они охватывают одну и ту же реальность; им соответствуют две

разные лингвистики, пути которых, однако, все время пересекаются. С одной стороны, существует язык как совокупность формальных знаков, выделяемых посредством точных и строгих процедур, распределенных по иерархическим классам, комбинирующихся в структуры и системы; с другой — проявление языка в живом общении» [Бенвенист 1974: 139].

Во многих работах, в той или иной степени посвященных тем компонентам языка, которые мы здесь называем партикулами, эти языковые элементы являются предметом разного типа таксономических затруднений. В этом отношении мы должны быть благодарны русскому языку, который позволяет различать терминологически «частицы» и «партикулы» (*particles* в англоязычной литературе). Так, например, А. Звики в специальной работе [Zwicky 1985] подчеркивает тот факт, что «*particle* в своем обычном очень широком употреблении — это понятие дотеоретическое, не имеющее переводного эквивалента на язык лингвистических конструкторов, и в угоду этим конструктам оно должно быть элиминировано» [Zwicky 1985: 284]. Описывая разные таксономические подходы (так, например, Лонгакр пишет о «*mystery particles*»), Звики, твердо уверенный в том, что такой именно синтаксической категории, как *particles*, нет «а внекатегориальных слов нет. Каждое слово относится к какой-нибудь синтаксической категории, выведенной универсальной грамматической теорией» [Zwicky 1985: 294], предлагает искать выход в именовании — назвать весь этот класс «дискурсивными показателями» (*discourse markers*). Как мы старались показать выше, дело в самой теории, а не в таксономическом ярлыке.

2. Как же именно эти партикулы, любящие «слипаться» друг с другом или «прилипать» к другим словам, связаны с анализом функциональной семантики сочинительных союзов или с неупотреблением или употреблением в речи русского Я в следующей главе?

Дело в том, что указанное выше деление языков на те, которые требуют в препозиции местоимения или не требуют, при внимательном рассмотрении оказывается достаточно поверхностным в историческом плане. Диахронически мы имеем (или имели) право говорить о другой

классификации: о языках с грамматикализацией местоимения слева + справа vs. языки с местоимением справа, ибо, например, *-m* в том же польском *stuham*, как принято считать, местоименного происхождения.

Исторические разыскания, как оказывается, дают возможность найти «промежуточный» этап распределения таких местоименных показателей. Так, А. А. Зализняк [Зализняк 1995: 161] пишет, что «для 1 и 2 лиц в берестяных грамотах соблюдается следующий основной принцип: в нормальных случаях употребляется либо модель *далъ есмь* (*виноватъ есмь*), либо модель *я далъ* (*я виноватъ*), но не трехчленная модель *я есмь далъ* (*я есмь виноватъ*)». Действительно, функциональное сходство показателей «справа и слева» для 1 лица на этом периоде русского языка ощущались живо и потому достаточно было только одного из них.

При восстановлении происхождения и эволюции парадигм имени и глагола в лингвистике представлены две точки зрения (и, соответственно, две научных школы). Согласно одной из них, парадигматические словоизменительные показатели именуются «расширителями», «формантами», «аугментами» и т. д. И вопрос о наличии у них первичного автономного значения не то, что бы отрицается, но и не ставится. Например, И. М. Тронский категорически осуждал в Предисловии к книге А. Эрну [Эрну 1950] идею «местоименности» глагольных и именных флексий¹, и в своей собственной книге [Тронский 2001] он говорит о флексиях только как о «личных окончаниях».

По другой концепции, словоизменительные флексии — как глагольные, так и именные — возникли из неких добавок, которые называют по-разному. И это различие в именованиях и статусной характеристике этих добавок теперь

¹ См. примечание И. М. Тронского к с. 30 книги А. Эрну (раздел «Окончания»): «Теория “местоименного” происхождения окончаний именительного и родительного падежей множественного числа в первом и втором склонениях, предположение об исконной долготе *ѣт* в родительном падеже множественного числа вызывают серьезное сомнение» [Эрну 1950: 30].

становится все более значимым. Одни полагают, что флексии — это, как правило, застывшие местоименные элементы. Так, В. Шмальштиг, обсуждая далеко ведущую идею П. Кречмера о том, что и.-е. непрезентные глагольные форманты *-s-*, *-t-*, *-v-*, *-k-* были первоначальными показателями глагольного объекта, высказывает мысль о том, что форма медиа на **-to* «есть в действительности дейктическое местоимение **-to*, присоединенное к корню, как правило, в нулевой ступени» [Шмальштиг 1988: 267]; см. и далее: «я останавлиюсь на различных формах местоимений и на том, как они постепенно превращались в глагольные окончания» [Там же: 275].

Подробно эта идея излагается А. Н. Савченко в специальной монографии [Савченко 1960]. Как он считает, первое лицо глагола связано через окончание с личным местоимением, а второе и третье — с местоимениями указательными: **so-* / **to-*.

Комплекс основа+флексия обычно бинарен, но в действительности, как предполагается, местоименный компонент может пронизывать более протяженные отрезки. Важно, что в этом случае речь идет о соединении двух значащих, то есть имеющих свою семантику, компонентов. Например, уже К. Уленбек в 1901 г. отметил, что показатель субъекта *-s-*, по-видимому, является постпозитивным артиклем, восходящим к местоимению **so-*. А. Эрну [Эрну 1950] прямо возводит окончания именительного и родительного множественного числа второго и первого склонений латинского имени к указательным местоимениям [Эрну 1950: 49].

Но есть и другие подходы, согласно которым флексии — это не приклеившиеся местоимения, а некие первообразные частицы-партикулы с диффузным значением дейктического характера. Так, Ю. С. Степанов, автор важной теории «длинного компонента», пишет: «В современных индоевропейских языках повторяющимся элементом обычно служат разнородные члены синонимического ряда <...> В древних индоевропейских языках повторяющимся элементом часто является какая-либо специальная дейктическая частица... 1* *-v-//m-*; 2* *-t-*; 3* *-n-* дейкисисы трех лиц — участников акта речи» [Степанов 1989: 73].

Таким образом, положение о «местоименности» глагольных флексий есть в этой теории чистая условность описательности: более точно, нужно говорить о том, что и местоимения, и глагольные флексии восходят к общему для них протоэлементу, являющемуся, как правило, действительным показателем (см. такую точку зрения: [Shields 1997]). Подобный взгляд восходит к точке зрения на реконструируемый и.-е. язык (the new image of I.-E. morphology), согласно которой первый этап развития и.-е. языка не был флективным, а в протоиндоевропейском на синтаксическом уровне соединялись компоненты диффузной семантики и диффузной частеречной принадлежности.

Так, в 1992 г. вышла статья Ф. Адрадоса «О новом облике индоевропейского: история одной революции» [Adrados 1992]. У этой теории нашлось много сторонников, в частности, такие известные индоевропеисты позднего поколения, как К. Шилдс, опубликовавший очень много работ о происхождении флексий в индоевропейском, У. Марки, В. Леман и др. Суть «нового облика» Фр. Адрадос излагает следующим образом.

«Индоевропейский язык прошел три реконструируемых стадии:

1) Протоиндоевропейский. Он не был флективным и не имел парадигм.

2) Тот облик и.-е. языка, который засвидетельствован анатолийскими данными.

3) Поздний и.-е. язык, который до сих пор и принято было считать древнейшим состоянием и который уже обладал парадигматическим устройством» [Adrados 1992: 1; Shields 1997: 106].

В предыдущие периоды реконструкции протоиндоевропейского, как считает Ф. Адрадос, было лишь два направления: «унитарное», «плоское» (plain), по которому реконструировался некий единый язык, близкий к более поздним состояниям, и язык с реконструируемой «глубиной», то есть в нем выявляются лингвистами принципиально возможные иные состояния, но в общем виде они никогда ими не формулируются.

Многое в этой теории «нового облика» связано с идеей постепенной эволюции в развитии компонентов парадигм

глагола и имени, но для нас важно то, что именно эти дейктические частички-партикулы, а отнюдь не местоимения, которые появляются — пусть из них же, но позже, по мнению приверженцев «новой теории», — лежат в основе начальной индоевропейской грамматики. Значение их, как уже говорилось, было достаточно диффузным, и это объясняет, по мнению К. Шилдса, автономность развитий глаголов, имен и местоимений как особых — семантически и функционально — частей речи.

2. Частицеобразные партикулы при этом всегда объединялись и объединяются и сейчас! в ансамбли разных функциональных оттенков, разумеется, не реализуя в языках всех комбинаторных возможностей².

Эти ансамбли могут состоять только из самих партикул. Например, из 10 партикул: *не, къ, то, ли, и, у, же, да, а, но*, дающих 726 сочетаний по 2 и по 3 элемента с возможными перестановками³, лишь около 50 комбинаций могут быть признаны реализовавшимися и функционирующими в языке. Приведем для иллюстрации фрагмент цепочки двукомпонентных партикулярных комплексов, порожденных компьютерной программой из 9 русских партикул: *и, а, не, но, да, же, ли, къ, то* и посмотрим, что из этого взял язык реально:

и-а, и-но, и-да, и-же, и-ли, и-то, и-къ, и-не, ...но-а, но-да, но-же, но-ли, но-то, но-къ, но-не, да-а, да-и, да-но, да-же, да-ли, да-то, да-къ, да-не, же-а, же-и, же-но, же-да, же-ли, же-то, же-къ, же-не, ли-а, ли-и, ли-у, ли-но, ли-да, ли-же, ли-то, ли-къ, ли-не, то-а, то-и, то-у, то-но, то-да, то-же, то-ли, то-къ, то-не, къ-а, къ-и, къ-у, къ-но, къ-да, къ-же, къ-ли, къ-то, къ-не, не-а, не-и, не-но, не-да, не-же, не-ли, не-то, не-къ, а-и, а-но, а-да, а-же, а-ли, а-то, а-къ, а-не.

² Подробный анализ таких комбинаций для берберских языков см. [Аллаона 1997].

³ У автора существует специальная компьютерная программа, обеспечивающая порождение партикулярных комплексов из числа партикул от 2 до 10.

Мы видим здесь 84 сочетания.

Что же находится среди них?

Во-первых, это привычные для нас современные «цельные» слова: *или, даже, тоже, к(ъ)то*.

Во-вторых, это слова, ставшие архаичными: *ино, неже, нели, кѣда, аже, али*, но засвидетельствованные в истории языка.

В-третьих, это графически дистантные компоненты, часто требующие контекстного продолжения, однако, вполне для нас привычные: *и+да, и+то, и+не, но+а, но+не, не+то, да+и, да+ли, да+но, да+не, то+и, то+ли, то+не, а+то, а+не*. На каждое такое сочетание легко привести соответствующие текстовые верификации⁴.

В-четвертых, мы видим здесь не собственно русские, но славянские нормативные сочетания: *апо* («да» — чешское и словацкое), *дали* (болгарское вопросительное слово).

В-пятых, комплекс становится привычным, если принять первый элемент в качестве междометия: *да-а..., не+а..., а, да... .*

В-шестых, представлены двучленные партикулярные сочетания, явно требующие третьего партикулярного члена для завершения комплекса: *и+къ, но+къ, да+къ, то+къ, къ+а, къ+и, а+къ* и т. д.

Наконец, в седьмых, мы видим в этом небольшом списке совсем нереализованные комплексы или возможные только при дистанцирующем их контексте: *но+же* (например, *Но Вы же спорили с ним!* и под.), *но+ли, же+а, же+и, же+да, ли+а, ли+и, ли+то* и т. д.

3. Итак, обращаясь к партикулам как таковым, мы можем говорить о трех видах их существования. А именно:

- а) они существуют как примарные единицы;
- б) они «слипаются» между собой, образуя комплексы партикул;
- в) они «прилипают» к знаменательному слову справа от него или слева.

⁴ Например: *И то верно!*; *И не выдумывайте!*; *То ли еще будет!*; *Приходите, а то обижусь* и т. д.

В качестве примарных единиц партикулы обычно выступают или как междометия, или как частицы, или как союзы. Одно, как уже упоминалось, здесь достаточно часто переходит в другое.

Именно примарными партикулами являются в своих истоках интересующие нас три сочинительных союза, получившие в русском языке самостоятельный частеречный статус и отработавшие свои собственные функциональные модели в общей системе языкового синтаксиса.

Однако их примарность в качестве первичных партикул признается (и признавалась) далеко не всеми исследователями.

Говоря более упрощенно, по вопросу об «этимологии» союзов *a* и *и* существуют две разных точки зрения: 1) они развились из «первичных» языковых единиц диффузного значения: междометий, частиц и под.; 2) они являются грамматикализованными коннекторами, восходящими к «застывшим» формам элементов парадигмы, скорее всего, это формы местоимений. Союз *но*, как будет видно далее, этимологически анализируется иначе.

Сводка взглядов на этот предмет дана в «Этимологическом словаре славянских языков. Слова грамматические и местоимения», 1980 (в дальнейшем: Etim. slov.).

Авторы этого словаря считают, что славянское *a* восходит к междометию *a* или *ā* в случае эмфатического усиления (Френкель, Зубатый, Копечный, Бауэр и др.).

При более раннем подходе (Миклошич, Бернекер, Траутман и Славский; см. такую же точку зрения в словаре Садник-Айцетмюллера) *a* восходит либо к наречию, либо к «застывшей» падежной форме местоимения со значением 'отсюда' («von diesem her»). Однако этот подход закрывает для союза *a* связи с междометием, частицами и под.

Дискуссионным остается и сопоставление славянского *A* с древнеиндийскими *ā*, *āt* (Бирнбаум). Есть и теория (Гуйер), согласно которой *a* связано со славянским предлогом *от*, в свою очередь родственному латинскому *et* и литовскому *at-*.

В «Этимологическом словаре славянских языков» под руководством О. Н. Трубачева (в дальнейшем — ЭССЯ)

союз *a* (**a*) возводится к падежной форме местоименной основы индоевропейского местоимения **e/o*, а именно — к аблативу единственного числа. То есть: **a* < **ēd* / **ōd* [ЭССЯ, вып. 1: 34].

Этимологическую историю союза *и* авторы соответствующей статьи в *Etim. slov.* видят — как и для *a* — в переходе от междометия к частице, а затем — к союзу. Они категорически не согласны с той позицией (Фасмер, Славский), по которой этот союз восходит к «застывшей» местоименной форме от *e*- — **ei*.

Не согласны они также и со сближением славянского *и* с литовским *iĩ* и греческим *εἰ*.

Авторы предлагают в заключение концепцию Бауэра, по которой *и* как союз является более древним, чем *a* в этом же качестве; однако и тот, и другой союзы восходят к междометиям.

В словаре ЭССЯ [ЭССЯ, вып. 8: 167] славянский союз *и* (**i*) восходит к «застывшей» форме того же и.-е. указательного местоимения **e-*, но уже не к форме аблатива, а к форме местного падежа **ei*.

Итак, оба союза объявляются либо первичными единицами, междометного в широком смысле происхождения, либо вторичными флективными формами.

Естественно, что Ф. Адрадос, о котором говорилось выше, считает некое *i* (неясно только, как с ним связывается славянское *и*), образующее так называемые «вторичные» окончания индоевропейского глагола — *-mi*, *-si*, *-ti*, *-pi* — именно «дейктической частицей» [Adrados 1992: 16]. Естественно также, что принадлежащий к противоположной школе Э. Хэмп [Hamp 1984], анализируя славянское *и* и балтийское *iĩ*, не сомневается в том, что *и* славянское — «местоименного происхождения» [Hamp 1984: 174]. Именно **i* он считает точной реконструируемой формой *Loc. sing.*, а **ei*, реконструируемое обычно, формой некорректной. В его работе интересно то, что *iĩ* балтийское он рассматривает как комплекс: *I+R*. Этот последний компонент он видит в и.-е. медиальном залоге, в греческих союзах и частицах *ἄρ*, *ῥά*, *ἄρα*, в древнеирландской приставке *go-* и т. д. Все это, по его мнению, есть отражение

индоевропейской «частицы» **r̥*. Таким образом, I не имеет права быть первичным элементом, а R — имеет.

Противоречивость и сложность квалификации двух самых простых сочинительных союзов, как кажется, объясняется принципиальным различием двух лингвистик (о различии которых здесь говорить не будем). Но приверженцы их не могут не чувствовать дейктическую природу этих частиц — первичных или вторичных. Именно поэтому им «предлагаются» близкие к дейксису падежные формы — Локатив (Местный) или Аблатив.

Особняком от этих двух союзов, которые могут считаться либо грамматикализованными исходными междометиями, либо «застывшими» падежными формами от индоевропейского местоимения **e* (но, примечательно, что им приписываются формы аблатива и локатива, то есть периферийных падежей, по Р. Якобсону), однако описываются они в любом случае единообразно, представляется в словарях история союза *но*. В Etim. slov. интересующий нас союз разнесен по сути по трем словарным статьям: *по* — междометие, по мнению, авторов, новейшего происхождения (с. 500), *ни/но* — междометие, частица и союз (русском языке — побудительная частица) и *нъ* — собственно противопоставительный сочинительный союз (в русском языке — это *но*). Авторы словаря считают, что в основе и *ни*, и *нъ* лежит лепет (*patrī k lalickému rodhoubí*). Однако именно при этом союзе (последний алловариант) приводятся параллели: греч. *vú, vún*, древнеинд. *ни/нй*, литовское *ñipai*, палайское *n (a)*, хеттское *ни*, тохарское *но*, латинское *nit*. *Нъ* рассматривается также и в качестве первого компонента частиц: *nego, peže, nebo*. Связывается оно также и с местоимением *он+ъ/a/o*.

Таким образом, в данном случае авторы Etim. slov. близки к более общему положению о наличии «пучка» частиц (междометий, союзов) с общим консонантным началом — опорой (Stammlaut, в немецкой традиции), то есть *n*-овых партикул. В случае *a* и *и* о подобных сближениях говорить затруднительно.

В фундаментальном труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»

[Гамкрелидзе, Иванов 1984: 359] этот союз также сопоставляется с древнеирландским **po*, литовским *пи-*, общеславянским **пй*, старославянским *пй*. Существенно то, что он (и его функциональная семантика) входят в современные начинательные (для высказывания в целом) наречия. Он, таким образом, близок и русскому *ныне*, и английскому *now*.

Это связано в свою очередь с реконструируемыми двумя формулами соединения предложения в древних индоевропейских языках. Обе они выводятся из первоначального бессоюзия, а соединяющие частицеобразные дискурсивные элементы впоследствии грамматикализуются.

1) Согласно первой модели, в абсолютном начале высказывания располагается комплекс клитик, отражающий дальнейшее развитие синтаксической цепочки из полнозначных слов. Комплекс этот как бы «навешивается» на первую, абсолютно инициальную единицу: **пи* / **по*; **t^ho*; **so*; *e/o* [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 359].

Ни- являлось в этом смысле начинательным элементом. Приведем пример хеттского текста из книги Гамкрелидзе—Иванова [Указ. соч.: 356]⁵:

пи-иш-ša-an А. N. А. *Ma-ad-du-ца-at-ta še-er za-ah-h* [i]-
ir 'И они сражались за Мадуватту';

пи-иш-та-аш-кан ^{LU} IGI. NU. GÁ L. ^{LU} Ú. HUB *pi-ra-an*
ar-ha[ré]-hu-da-an-zi 'И они ведут слепого и глухого перед собой'.

2) Другая модель соединения предложений в индоевропейских языках оформлялась так, что из начального, также бессоюзного, примыкания, на базе «частиц», в первоначальной своей функции подчеркивающих и выделяющих одно какое-то полнозначное слово, возникал синтаксически полноценный тип присоединения высказываний в одно целое. Таковы, например, греческие частицы и сходные с ними по функции [Мейе 1938: 375]. Ср. сходное по функции русское *же*: *Я уговаривал его попросить прощения. Он же никак не соглашался.*

⁵ Существенно, в пределах нашего общего подхода к сочинительным союзам, что это хеттское *пи-* переводится ими всюду как 'и'.

Итак, *но* возводится без особых разногласий к **пи-*, коннектору-актуализатору, передающее нечто актуальное и существенное — сию минуту (то есть это семантика: 'вот-здесь-сейчас').

Все особенности лингвогеографической дистрибуции употребления частиц в общеславянском континууме прослеживаются по данным *Etym. slov.*

Так, партикуле *а* приписываются там свойства и междометия, и союза. Например, для *а*:

А. Функция междометия и «модальной» частицы; переход к функции союза:

слвц. А, náš Zachara bude mat' nové šaty!

мак. А, што била работата!

чешск. А, zvolal pan NN.

русск. Дедушка, а, дедушка, иди обедать!

Авторы считают также употребление *а* в некоторой начинательной функции ослабленным междометием, чем-то вроде «приступа»:

ст.-польск. А gdzie jest mój syn webrany?

русск. А я и не купаюсь никогда!

укр. А иди ты до дідка!

болг. А махай се отгук!

и т. д.

Переход к значению чисто союзному авторы видят в семантике конструкций гипотетических, вопросительных, декларативных, уступительных.

В. Функции союза:

а) адверсативная (мы приводим по одному примеру на каждый категориальный тип):

ст.-чешск. Svět nadrží boha, a boh svět drží.

б) адъюнктивная (присоединительная):

болг. Много яде, а пак малко придава.

bb) аддитивная и континуальная:

ст.-слав. ово паде при пѣти а дружок на камене.

bbb) копулятивное *а*; норма в чешском, словацком, лужицком; реже в диалектах белорусского и украинского; мы приводим пример из древнерусского:

отъ рыдания а слезъ его скрачашеся глась его.

bc) функция градации:

чешск. byl to úspěch, a velký!

Партикуле-коннектору *и* также приписываются свойства быть и междометием, и союзом:

A. Междометие:

болг. И, колко хубава къшта!

Ослабленное междометие:

чешск. I je, to jsem rád!

AB. Частица со значением градации:

ст.-слав. **ИДЕЖЕ БО ЕСТЬ СЪКРОВНИЦЕ ВАШЕ. ТОУ И СРЪДЦЕ ВАШЕ ВЪДЕТЬ.**

Возможна семантика более сложной градации:

польск. Kochan i słuchać o tym nie chce.

Возможно *и* с уступительным значением:

чешск. i při špatném osvětlení by pracoval!

B. *И* союз:

1) присоединительный:

слвц. I prelietla jej mysl'ou celá minulosť.

2) континуальный:

с.-хорв. Приде му лист и ноће га читати.

3) уступительно-конклюдивный:

ст.-чешск. Jene, tys můj přítel zvláštný, i budeš apostoľ v nebi zászny.

4) противопоставительный:

ст.-слав. азъ же ксмъ чръвь . и не чловѣкъ.

5) копулятивный:

польск. walka na śmierć i życie.

и т. д.

Союз же *нъ* авторы словаря соотносят с индоевропейским *na, no, no/pni* (см. об этом выше) и тем самым с греческими *vú > vûv* и ст.-слав. **НЪНЕ**.

Таким образом, на употребление и трактовку семантики русских союзов *и, но, а* влияет весь комплекс

семантики славянского континуума с далеко расходящимся по языкам спектром отдельных значений и их вариантов.

II. Древнерусские стилевые традиции

Третью по числу исследовательскую трудность представляет — здесь речь идет о союзах *и* и *а* — совмещение в одном языке разных традиций употребления инициальных элементов предложения. А именно: для собственно книжной традиции, восходящей к старославянским, а через них и к греческим текстам, характерно начало на *и*, которое для греческих текстов соотносится с тем, что именуется *καί*-стиль. Для старорусского же некнижного языка, как, в частности, показывают работы А. А. Зализняка о новгородском диалекте, начинательным союзом является *а*, а не *и*. Говоря о базисе предложения, к которому присоединяется цепочка энклитик, в качестве такого базиса А. А. Зализняк называет проклитики *а*, *ци*, *не*, *а ци* (А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте. М., 1993). См. некоторые взятые отсюда наудачу ряды примеров:

- а ныне сѧ дружина по мѧ пороучила (109);
- а чемоу сѧ гнѣваеши? а тобе сѧ кланѧю (175);
- а Повѣжьи оу Твѣрдатъ (672);
- а то сѧ вѣдаю (616);
- а цто сѧ подите на Мовозери (141);
- а азѡ сѧ саме с нимѡ ѱведаю (142)
- и т. д. [Зализняк-Янин 1993: 295].

Важным для нас является замечание А. А. Зализняка о том, что круг проклитико-энклитических сочетаний с *а* в древнерусском языке сузился: *а ли*, *а бы*, *а ти*, *а бо*. Кроме того, эти парные комплексы обнаруживают тенденцию к превращению в целостные слова, к сращению: *а-ли* > *али*, *а-бы* > *абы*.

В своей монографии «Древненовгородский диалект» (М., 1995) А. А. Зализняк резюмирует рассмотренные в предыдущих книгах древненовгородские данные. Он пи-

шет: «Как известно, в древнерусском, в отличие от современного русского, в сложноподчиненном предложении главное предложение могло соединяться с препозитивным придаточным (относительным, условным или обстоятельственным) с помощью сочинительного союза» [Зализняк 1995: 173]. Эти функции в берестяных грамотах XI—XIII вв. выполнял, как правило, союз *а*: *а ѹи ѹето ти товара надобе, а то воссолю* (624); *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* (644). С начала XIV в. в предложениях такой структуры появляется союз *и*. Первые примеры такого употребления А. А. Зализняк видит в грамоте № 142 (начало XIV в.): *а четъ амъштъ пришло, и вы имъ къне мѣи голубыи дайте...*; *а не възме, и вы во стадѣ пустите*. В XIV—XV вв. основной становится конструкция с *и*, а конструкция с *а* почти исчезает [Зализняк 1995: 174].

Специальное исследование способов соединения предложений в книжном варианте древнерусского языка XI—XVII вв. проделано М. Н. Преображенской и Р. Б. Кершиене (см. [Структура предложения 1983]).

Самым характерным текстовым средством связи в древнерусском языке они считают способ цепочечного нанизывания, осуществляемый через *и*, *да*, *а* и *же*.

При этом начинательные цепочечные союзы совпадают с сочинительными союзами в собственном смысле слова. Для наших же задач важно их наблюдение о том, что «историкам языка не удалось обнаружить каких-либо явных закономерностей в выборе того или иного начинательного союза в текстах. Даже в пределах одного и того же произведения наблюдаются колебания в использовании того или иного начинательного союза» [Структура предложения 1983: 109]. Отмечается только то, что союз *и*, скорее, встречается в повествовательных текстах, а *а* в деловых.

Вот, в частности, отрывок из «Повести временных лет», приведенный ими в качестве примера цепочечного нанизывания на *и*:

и исполчишася русь и бысть съча велика... и одолѣ Святославъ. и бѣжаша грѣци. и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая...

(Лаврентьевская летопись, л. 21 об.).

А вот приведенный этими же авторами пример цепочечного нанизывания с *а*:

А которому посаднику състи на посадниство,.. а городскими кунами не корыстоватиса, а судомъ не мститисъ ни на кож. а судомъ не тчитисъ, а праваго не погубити, и виноватого не жаловати, а безъ неправы человѣка не погубити ни на суду на вѣчи. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судять... А не въсудать вправду ино богъ буди имъ судіа во второмъ пришествіи Христовѣ. А тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику...

(Псковская судная грамота XV в.).

Говоря о бинарных объединениях, где указанные лексемы несомненно имеют союзное значение, М. Н. Преображенская и Р. Б. Кершиене считают, что «будучи многозначными и полифункциональными, все сочинительные союзы обладают общей синтаксической функцией — функцией соединения в самом широком и отвлеченном смысле» [Структура предложения 1983: 144].

Итак, существенны для наших задач следующие особенности древнерусского синтаксиса:

1) В значении *противопоставления* и может быть синонимично *а*:

Богъ ея любить і дѣвольъ ізсилъль всякою неправдою; Я к милости твоеи ястреба приносилъ и ты его не взялъ.

2) Конструкции с *но* в памятниках XI—XVII вв. с семантикой противопоставления отмечены только при употреблении в первой части *не*:

а черные люди къ сотникомъ, тихъ ни въ службу не примати, но блюсти ны ихъ съ одного; И не бѣ од нихъ црѣ, но архиерѣи владахо ими.

[Структура предложения 1983: 161].

Таким образом, в свете данных всего предшествующего периода (от индоевропейского к общеславянскому и древнерусскому) возможность четкого анализа семантики союзов *а*, *и*, *но* в современном русском языке затрудняется следующими факторами:

1) сложностью таксономического различения начальных, цепочечных единиц и собственно союзов;

2) пересечением семантических зон у этих союзов; близостью их попарной семантики;

3) наличием в общеславянском континууме широких функциональных полей диффузного употребления этих союзов с пересечениями самыми разными — от близких по смыслу до функционально противоположных;

4) сохранением в литературном русском языке двух традиций: книжной, повествовательной, тяготеющей к *и*, и собственно русской, субстратной, тяготеющей к *а*. При этом даже для носителей литературного языка принципы выбора между ними не всегда осознаны.

III. Сочинительные союзы на улицах современной Москвы

Сказанное выше как будто бы относилось к истории и предыстории русских сочинительных союзов. Но это не совсем так: те же таксономические трудности обнаруживаются и при анализе самых современных данных — разговорных текстов, записанных в 90-е гг. нашего века на улицах и в домах Москвы (в основном мы использовали данные, приведенные М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой в их книге «Русский речевой портрет. Фонохрестоматия» [Китайгородская, Розанова 1995]).

Эти данные в обобщенном виде можно представить в следующей иерархии:

1. Доминирует в современной разговорной речи *а* — понимать ли ее как начинательную частицу, «приступ», или как соединительный союз. Более того, *а* начинательное, абсолютно инициальное, является, на наш взгляд, неким особым коммуникативным приемом, приемом «интимизации», подчеркнутого включения в чужую среду как в свою, с установкой быть (и/или стать) своим:

А. А сколько этот пирог / если завесить? (1)

Б. Рублей на двенадцать //

А. А с чем? Будьте добреньки //.

Ж. А сырковой массы больше нет?

П. Кто сказал?

Ж. А я не видела // (2).

А. А это что за банки?

Б. Это гуманитарная помощь // Они сначала наворовали, а потом остатки в продажу пустили/.

2. Потребность к интимизации, к сближению в толпе, распространяется в речи не только на инициатора, автора абсолютно первой реплики, но и на лиц, отвечающих ему. Таким образом, появляются «серийные» а в диалогах и полилогах:

(1) А. А Вы почему здесь стоите?

Б. А женщина отошла и очередь мне свою уступила/.

(2) А что / здесь только приезжий народ? Аборигенов здесь нет?

А Вы поубавьте спеси-то! Какие они Вам аборигены? это сельчане // (этот пример взят из книги «Русский язык. Коммуникативно-прагматический аспект». М., 1993).

(3) А. — А зачем вы вооруженные пришли сюда?
— А у вас че ж там это / машины?

Б. А вон машины с ящиками стоят!

А. — А вам не кажется / что эти ящики тоже пустые?

О. — А вы кого защищаете?

IV. Роль графики в формальной структуре предложений с сочинительными союзами

От инициальных а, сказанных в уличном диалоге, можно перейти к противоположному по «отработанности» компоненту изучаемого материала; к различению связки предложений, в которых сочинительный союз находится после запятой (или изофункционального знака) и пишется с маленькой буквы (такие союзы мы с И. Фужерон называли «внутренними»), и связки предложений, разделенных точкой (или изофункциональным знаком), внутри которой союз пишется с большой буквы; особый случай составляют сочинительные союзы после знака «абзаца». Такие союзы мы называли «внешними».

Например, в приводимой ниже последовательности двух предложений первый союз *но* будет «внутренним», а второй — «внешним»:

Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, **но** этот визг только побуждает Тему быстрее подниматься. **Но** подниматься трудней, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Темы уже мало.
(Н. Гарин-Михайловский, «Тема и Жучка»).

Материалом (точнее, одним из материалов) для определения различия в частоте употребления, структуре и грамматико-семантических особенностях внешних и внутренних сочинительных союзов послужил сборник рассказов русских писателей XX в. «Мои собачьи мысли» (М., «Детская литература», 1994). В сборнике помещены рассказы и новеллы о собаках А. Чехова, Н. Гарина-Михайловского, А. Куприна, Л. Андреева, Саша Черного, И. Шмелева, М. Пришвина, Ю. Казакова.

Приведем полученные нами данные для союза *но*. Речь пойдет о следующих характеристиках:

- 1) отношение числа внешних союзов к внутренним;
- 2) возможность опустить союз без значительного ущерба для передаваемого смысла;
- 3) наличие негации (явной или имплицитной) в соединяемых предложениях;
- 4) наличие семантики уступительности (например, *Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяйина, но — увы! столяра уже там не было*);
- 5) согласование обоих соединяемых предложений по виду (например, согласование: *Каштанка взвизгнула от восторга, но в это время старик кот зевнул и, потеряв равновесие, свалился с гуся*; несогласование: *В первые дни знакомства Каштанка думала, что... он умён, но прошло немного времени, и она потеряла к нему всякое уважение*);
- 6) согласование соединяемых предложений по времени (согласование: *С улицы послышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть*. Несогласование: *А ведь пьесы были хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают*).

Представим (в процентах) полученные результаты:

	Внешние	Внутренние
1. Согласование по виду	44	71
2. Согласование по времени	66	89
3. Возможность опустить союз	35	55
4. Наличие «уступительности»	14	48
5. Наличие негации	48	48

Процент употребительности было целесообразно рассмотреть по каждому из писателей отдельно, чтобы проверить гипотезу об изменении-неизменении *но* на протяжении XX в. Цифры (в процентах) отношения числа внешних союзов к внутренним получились следующими:

- А. Чехов — 38,6
- Н. Гарин-Михайловский — 23,5
- А. Куприн 1 — 66,6
- А. Куприн 2 — 1,69
- (было два рассказа А. Куприна)
- Л. Андреев — 1,63
- Саша Черный — 1,85
- И. Шмелев — 2,06
- М. Пришвин — 0,94
- Ю. Казаков — 1,06.

Интерпретировать полученные данные оказалось пока сложным.

Необходимо отметить равновесие показателей негации — по 48 процентов в обеих группах; это заставляет вновь обратиться к данным древнерусского языка, когда, по наблюдениям М. Преображенской и Р. Кершиене (см. выше), союз *но* обязательно требовал негации.

Итак, можно себе представить нечто вроде «портрета» внешнего и внутреннего *но*.

А именно — для внешнего *но* характерно в большей степени рассогласование видов и рассогласование времен в соединяемых предложениях, чем для внутреннего *но*. Однако возможность рассогласования по виду оказывается более допустимой (или более «легкой»), чем рассогласование по времени. Для внешнего *но* менее характерно наличие семантики уступительности, оно скорее как бы «обрывает» действительность, а уступительность делает

все предложение более гипотетичным. Внешнее *но* скорее можно опустить, хотя часть смысла при этом и будет утрачена:

Арто! Ар-то-шенька! — жалобно завыл старик.

(Но) вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

V. Основные значения сочинительных союзов *но, а, и*. Союз *но*

1. В лингвистической литературе, посвященной союзу *но* и его основному значению, часто употребляется термин «обманутое ожидание» (см., например, то же об английском *but*). В широком смысле слова речь, очевидно, идет о прерванности некоего события, не приведшего таким образом к «ожидаемым» результатам.

Однако более внимательный анализ примеров на «обманутое ожидание» показывает, что мы здесь имеем дело по крайней мере с тремя разными видами сопрягаемой через союз семантики.

Во-первых, «обманутое ожидание» может не выходить содержательно за пределы текста, как бы оставаться в его содержательном мире.

В этом случае имеет смысл разделять:

1) «обманутое ожидание» героя, когда читатель не вовлечен в действие. Например,

Она была уверена, что у нее это получится лучше, чем у других, именно потому, что она бы участвовала в покупке, а не стояла столбом, глядя мимо покупателя вдаль.

Но продавать ей, увы! не давали. Даже электромелочи.

(Н. Баранская).

В этом примере дополнительной семантической строки из общего для всех носителей языка фонового фонда не возникает.

2) «обманутое ожидание» относится и к читателю текста.

Расскажите из Гайдара. Нет, случаи из жизни. Давайте смешное про двенадцать стульев.

Но Катя стала рассказывать про войну (Н. Баранская).

Новый год принес магазину премию: перевыполнили план продажи холодильников и ламп.

Но Лушку Новый год не одарил ничем (*Н. Баранская*).

Можно предположить, что именно Лушка ждала премии; нет, за нее ждал читатель.

3) «обманутым ожиданием» называют в лингвистической литературе и иное явление — когда действие не может состояться (или состоит что-то иное) по общим законам, выраженным в пресуппозиции, то есть общем фонде знаний. Например:

Любке захотелось плакать. Но она сидела у всех на виду на высоком месте под ярким светом (*Н. Баранская*).

За этим стоит общее положение: неприятно и неудобно плакать у всех на виду.

Рано утром, когда Таля только начинает просыпаться, мама уходит на работу. Она фельдшерица на медпункте большого завода. Но, кроме работы, у нее еще куча всяких дел и нагрузок (*Н. Баранская*).

Здесь подразумевается: «Такой большой трудовой нагрузке для женщины-матери как будто бы и так достаточно». См. и другие примеры на пресуппозицию:

Руки у нее толстые, как итальянская колбаса, но в общем она миленькая (*Саша Черный*).

Фоновая строка: *Такие толстые руки портят женщину.*

Общее перечеркивание действия, которое мотивируется через *но*, может объясняться и действием всего текста:

Тема ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тема замирает на месте (*Н. Гарин-Михайловский*),

и некими общими законами человеческого существования и устройства мира.

В некоторых случаях это строго различить трудно:

У него тоже открылись глаза, но ему никогда не суждено было увидеть (*Ю. Казаков*).

Здесь и читатель ждет, что щенок Арктур будет видеть, и его хозяин этого ждет, а строится это на том, что когда у щенка открываются глаза, он должен уже быть зрячим.

2. Вторым крупным значением *но* можно считать значение «контраста»:

Клавдию Ивановну это смущало, но Славе туфли очень понравились, она упросила их купить (*Н. Баранская*).

Он два раза пытался регироваться с честью, но проклятый мопс нападал с остервенением (*Саша Черный*).

Значение контраста обычно коррелирует с синтаксической структурой обоих соединяемых предложений, где члены под оппозицией, как правило, выполняют одну синтаксическую функцию: *Клавдия Ивановна — Слава; Он — мопс* (правда, в первом примере есть объясняющееся глагольным управлением расхождение по падежу).

3. Третьим крупным значением для *но* можно считать значение «уступительности», то есть включение семантики «хотя»:

Мой легавый щенок называется Роман, но я больше зову его Ромой, или просто Ромкой (*М. Пришвин*).

Придут другие, но этих не будет (*Ю. Казаков*).

Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой (*А. Чехов*).

Однако необходимо признать существование некоторой инвариантности союзного значения для *но*. Поэтому в каждом из приведенных примеров сосуществуют все три значения, перечисленные нами выше.

Например, 1) читатель может предположить и ожидать, что щенка будут называть полным именем Роман.

2) щенков обычно (?) не называют сокращенным именем человека.

3) здесь возникает контраст имен: Роман — Ромка.
Или:

(*Хотя*) гусь не кричал... представлена уступительность, но есть и ожидание — при молчащем гусе она должна успокоиться и заснуть. Есть и общая пресуппозиция — в тишине заснуть легче!

Таким образом, всю сумму значений *но* можно представить себе в виде некоего спектра, где значения переходят друг в друга, выявляясь каждое по принципу: **больше — меньше**. В целом же *но* в дискурсе необхо-

димо квалифицировать как прекращение действия (реального или ожидаемого) с экспликацией этого прекращения — как явной, данной в тексте, так и имплицитно мотивированной (пресуппозиция).

Союз А

1. Основным значением союза *а* мы считаем «сопоставление»⁶. Сопоставление — это соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр. Например:

Фрейлейн поминутно отзывает девчушек, а мамаша с лорнетом кличет испуганно Вилли (*Саша Черный*).

В этом случае сопоставляются две пропозиции. В приведенном примере актанты разные и действия разные. Однако эти действия и актанты могут входить в поле некоторого гиперсостояния, например, может сообщаться об одном существе:

Его голубые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания (*М. Пришвин*).

Наконец, пропозиции могут принадлежать одному хронотопу, то есть объединяться единством места и времени, в пределах которых пропозиции сопоставляются.

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору (*А. Куприн*).

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап (*А. Куприн*).

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови серdito сдвинулись к переносью (*А. Куприн*).

Во всех этих примерах есть локализатор-обобщение: *у нее; на дороге; его глаза*.

Возможно и другое семантическое «направление» связи предложений с *а*, когда глаголы-сказуемые передают

⁶ Точка зрения, выработанная совместно с И. Фужерон.

последовательные действия и их сопоставление происходит таким образом при изменяющейся временной оси:

Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь (Н. Гарин-Михайловский).

Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высунется ее шея, а за ней везде шевелит траву и весь ее выводок (М. Пришвин).

Здесь, благодаря глагольной семантике, сочетается сопоставление, сосуществование (во взгляде смотрящего) и последовательность действий лиц.

2. Второе значение *а* — это значение «контраста». Сопоставляются актанты «на равных»:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро (Саша Черный).

Все затыкают уши, а я не могу (Саша Черный).

Ей дано искать, а мы будем чай пить (М. Пришвин).

В соединяемых предложениях такого типа контрастными оказываются: *Вода — Я; Все — Я; Ей — Мы* и т. д. Большую роль в выражении контраста и его подвидов в таких предложениях играет интонация.

3. Третьим типом значения для *а* можно считать «обманутое ожидание». Например,

Дрожу, дрожу, а толку мало (Саша Черный).

Потом запряг меня в автомобиль, а я уперся (Саша Черный).

Очевидно, что песик рассчитывал согреться; на нем предполагали покататься, как на лошади, и под.

4. Через союз *а* передается и значение «уступительности» (хотя во всех примерах в нашем материале в аналогичных случаях имелось некое околосоюзное добавление типа *хотя, ведь* и т. д.):

Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в цехе поэтов (Саша Черный).

Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернется? (Саша Черный).

Союз И

1. Основным значением союза *и* можно считать передачу одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на сосуществующие пропозиции.

1) частным и частым случаем такого представления событий можно полагать *одновременность* происходящих действий (ситуаций).

Например:

На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке (Л. Андреев);

Небо качается, улица качается, и наш пол качается (Саша Черный);

Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их (Л. Андреев);

2) при изменении семантики глаголов-сказуемых в пропозициях представляемое большое событие может выглядеть, как протекающее во времени, т. е. осуществляется последовательность более дробных событий:

Это успокаивает его, и он спускается дальше (Н. Гарин-Михайловский);

Махну рукой по всему горизонту, и Лада летит, расширяя круги все дальше и дальше (М. Пришвин);

Свечерело, я выстрелил по мелькнувшей в кустах тени, промахнулся, и лиса пошла наутек, и за ней, удаляясь в прямом направлении и постепенно затихая, понесся и Соловей (М. Пришвин).

Как видно из приведенных примеров, статичность состояния или изменение состояния зависят от семантики глаголов; более того, возможно, «развитие событий» могут передать только глаголы в их последовательности. Вспомним *Veni, vidi, vici*. Эта иконичность расположения глаголов-сказуемых при *и* может обозначать не только последовательность событий, но и их причинную взаимозависимость. Например:

Но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острой каучу-

ковой вонью (А. Чехов). (Необходимо отметить в этом примере последовательность *раньше — теперь*);

От этого стона сердце Темы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик (Н. Гарин-Михайловский);

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который так пугал Тетку (А. Чехов).

Иконическая последовательность глаголов может придавать излагаемой цепи событий значение результата, обычно связанного с причинностью:

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их песочные постройку, и весь берег меня знает (Саша Черный).

2. Вторым значением союза *и* можно назвать «присоединительность». Отличить это значение от первого довольно несложно, так как в этом случае при опускании части, вводимой через *и*, вторая часть остается самодостаточной. Например:

Он мог еще двадцать лет ездить по морю, и я уверен, что не встретит ничего подобного (И. Шмелев);

Это крикнул Иван Иванович, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий и пронзительный (А. Чехов).

VI. Пересечения семантики союзов: несовпадения или синонимия?

1. Не приводя примеров снова, повторим те значения каждого из трех союзов, которые можно назвать индивидуальными, характерными только для этого союза, а не для члена набора в целом.

Для *и* — это значение *присоединительности*.

Для *а* — значение *сопоставления*.

Для *но* — значение «прекращения», перечеркивания, связанное с фондом *пресуппозиции*.

2. Более сложными являются ситуации квазисовпадения семантических зон. Этих зон в основном мы можем назвать три:

зона контраста для *а* и *но*;
 зона «обманутого ожидания» для *а* и *но*;
 зона сосуществования в одном хронотопе для *и* и *а*.

Рассмотрим каждую из зон.

Зона контраста

Клавдию Ивановну это смущало, (но, а) Славке туфли очень понравились.

Оба предложения «правильны», но с *а* предложение предполагает равенство матери и дочери в вопросе выбора туфель. *Но* в этом случае подразумевает, что дочь, до этого во всем слушавшаяся мать, не должна была тут покориться.

Все затыкают уши, (а, но) я не могу.

Введение *но* перечеркивает возникшую дополнительную семантическую строку (деонтологическую пресуппозицию), что «Я должен быть, как все люди».

Ей дано искать, (а, но) мы будем чай пить.

При *а* предполагается некоторое равновесие вещей, «каждому свое».

Ей дано искать, но мы будем чай пить — здесь возникает идея, что и «мы» могли бы искать вместе с собакой, но мы этого делать не будем.

Таким образом, контраст с *но* предполагает наличие некоторого дополнительного предписания поведения, того, как нужно было поступать. Союз же *а* сопоставляет и противопоставляет события и как данности, и как факты.

Зона «обманутого ожидания»

Рассмотрим два примера из упоминавшейся книги Н. Н. Розановой и М. В. Китайгородской «Русский речевой портрет».

а.

Рассказ Т. Г. Винокур о том, как бабушка ее мужа приехала в Москву на заработки:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработки //
 А попала она / как это называлось / в общем / такую белошвейчную / к белошвейке//.

Из текста следует, что поиски заработка в Москве оправдались примерно так, как она и предполагала. Заменяем союз *а* на *но* в этом примере:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработки //
Но попала она / как это называлось / в общем / такую белошвейчную / к белошвейке//.

Союз *но* явно обозначает несоответствие результата ожидаемому в гораздо более крупных масштабах, чем при *а*. Однако неясно, в какую сторону пошло несоответствие ожидаемому: попасть в белошвейчную — это выше предела мечтаний или, напротив, в белошвейчной много было заработать нельзя.

б.

Рост у меня / я считаю/ ничего // А вот вес мог бы быть и поменьше.

Сравним:

Рост у меня/ я считаю/ ничего // Но вот вес мог бы быть и поменьше.

Можно сказать также, что в первом случае говорящая рассчитывала бы на примерное соответствие веса росту, и все. В примере с *но* в тексте как бы просвечивает некое третье, нереализованное, событие: говорящая чего-то хотела бы: стать фотомodelью? кому-то понравиться? но вот вес мешает. Таким образом, горизонт ожидания при *но* отличается и количественно — он как бы превышает ожидание, и качественно — может реализоваться событие иного сорта, иного типа, чем ожидалось.

Зона сосуществования в одном хронотопе — для *и* и *а*

Судя по нашим данным, замена *и* на *а* возможна во всех примерах, где выявляется сосуществование двух пропозициональных событий в пределах одного хронотопа. Однако — и это совершенно отчетливо — при *и* происходит как бы «отдаление камеры» от рассматриваемой ситуации: более дробные явления не изучаются отдельно, в сопоставлении, в перемещении кадра, а упор делается на всю глобальную ситуацию в целом. Приведем примеры такого изменения и при замене *а* на *и*, и при замене *и* на *а*.

И < А:

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору → Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, и каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору.

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап → На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, и рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью → Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, и тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью.

А < И:

Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их → Люди спали, были беспомощны и не страшны, а собака ревниво сторожила их.

Интересно, что в некоторых случаях *и* не оказалось возможным заменить на *а*:

Небо качается, улица качается, и наш пол качается.

Вероятно, это объясняется единством ситуации, заданным через идентичное для всех пропозиций сказуемое *качается*. Другой пример:

На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке.

Этот пример как бы противоположен предыдущему: платок матери выделен через *только* и потому не может быть сопоставлен ни с чем другим. Поэтому замены *а* и *и* очевидно возможны там, где есть равноправные субъекты и разные (неидентичные) действия.

Итак, о полной функциональной синонимии союзов *и*, *а*, но говорить нельзя, можно лишь обозначить зоны пересечения их семантики.

О СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗАХ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ — ГДЕ МЕСТО СОЮЗУ А?

Обращение к данным старославянского языка — первого литературного языка славян — при изучении любого языкового явления, наблюдаемого в современных славянских языках, обеспечивает необходимую историческую перспективу и глубину нашего понимания этого явления. Парадоксальной, однако, кажется на первый взгляд идея использования данных мертвого языка в исследовании коммуникативно-дискурсивного направления. Тем не менее специфика славянского письменного наследия дает нам возможность наблюдения старославянского языка и в этом аспекте, в том числе и возможность сделать некоторые выводы о функционировании основных сочинительных союзов.

Как известно, старославянские тексты представляют собой (за очень малым исключением) переводы с греческих оригиналов. Их влияние на переводы было огромным и бесспорным. Более сильным, чем представлялось некоторым палеославистам несколько десятилетий тому назад (см., например, [Мещерский 1962: 87; Курц 1963: 9–10] и др.), о чем свидетельствуют многочисленные случаи, когда усилиями текстологов вводились в научный оборот неизвестные ранее греческие списки, содержащие более близкие языковые конструкции в соответствии с тем, что считалось ранее якобы «свободными» или «ошибочными» славянскими переводами, хотя, видимо, абсолютно точно установить греческий текст, с которого был сделан славянский перевод, принципиально невозможно [Огрен 1991: 18, 22, 41–42]. В отношении же старославянского синтаксиса исследователи, занимавшиеся специально этим

вопросом, справедливо писали о смешанном, греко-славянском характере его поверхностной структуры (Р. Ружичка, Г. Бирнбаум и др.).

И все же в употреблении в старославянских текстах сочинительных союзов можно предполагать известную свободу со стороны переводчика уже хотя бы потому, что два основных греческих сочинительных союза καί, ἄλλά и выделительная частица δέ передавались в славянском переводе с помощью трех основных старославянских сочинительных союзов и, а, нъ и союза-частицы же.

Далее. В эпоху существования старославянского языка (т. е. в IX—XI вв.) славянские переводы не являли собой совершенно стабильных текстов. Не только при сознательном редактировании, но и просто при переписывании древние книжники сознательно или бессознательно (или почти бессознательно) вносили в текст изменения. Таким образом, текст древней славянской рукописи несет в себе с этой точки зрения как бы два плана: первый «объективный» — то, что древний книжник брал из протографа или протографов, и второй «субъективный» — то, что он вносил «от себя», невольно вкладывая каждый раз свое собственное понимание текста, отражая в нем свое собственное языковое чутье. Указанная выше асимметрия в отношении наличия в греческом и старославянском основных сочинительных союзов должна была, конечно, найти свое выражение и в этом процессе.

Рассмотрим употребление основных старославянских сочинительных союзов, опираясь прежде всего на материал «классических старославянских рукописей», т. е. на материал древнеболгарских рукописей X—XI вв. В этих рукописях представлена наиболее древняя (если иметь в виду тексты достаточно большого объема) фиксация славянского дискурса. В кругу рукописей «старославянского канона» имеется ряд текстов, представляющих собой перевод одного и того же произведения, а именно: Евангелия достаточно хорошо сохранились в кодексах Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Саввиной книге; части гомилий Иоанна Златоуста и Епифания Кипрского содержатся как в Супрасльской рукописи, так и в Клоцковом сборнике. Это обстоятельство мы постарались использовать для исследования сочинительных

союзов: при сопоставительном анализе различных списков выявляется, что старославянские сочинительные союзы до некоторой степени взаимозаменяемы. То есть в немалом ряде случаев в славянском переводе одного и того же места произведения греческого оригинала (а в Евангелиях — одного и того же чтения) в разных списках мог быть употреблен то один союз, то другой. Был ли этот выбор древнего книжника абсолютно свободным, абсолютно «безразличным»? Или за ним стоят какие-то тонкие различия, какие-то нюансы в смыслах, не замеченные ранее исследователями, как в отношении высказываний (т. е. в синтагматическом аспекте), так и в отношении функций и значений самих союзов, их места в «микросистеме» старославянских союзов (т. е. в парадигматическом аспекте)?

Согласно традиционным представлениям, наиболее близкими по значению и функциям в старославянском языке считаются союзы **а** и **нѣ**, что и отражено в «Старославянском словаре (по рукописям X—XI вв.)», где в обоих случаях первым указано значение «*противительный*», а вторым «*присоединительный*» [Словарь 1994: 63, 384]. Союз-частица **же** характеризуется там же прежде всего как союз «*присоединительный*» [Словарь 1994: 212], а союз **и** как «*соединительный*» [Словарь 1994: 242—243]. Однако, как было показано в предыдущих наших работах, в старославянских текстах большая функциональная близость выявляется у союзов **а** и **и**, а не у **а** и **нѣ** [Ефимова 1997; Ефимова 2000]. И если для союзов **а** и **и** наблюдаются многочисленные случаи «мены» по спискам, и еще более часты «мены» **а** и **же**, то для **а** и **нѣ** нам такие «мены» не встречались. Напротив, даже при употреблении **а** и **нѣ** в контекстах, где эти союзы, казалось бы, должны иметь одинаковую функцию, а именно в условиях, содержание которых в лингвистической литературе принято называть «обманутым ожиданием», ощущается разница в их значении. Ср.:

(1) Мт 22, 8: **в**ракъ оубо готовъ естъ . **а** зъвании не бѣша достоини. Мар, Ас;

(2) И 7,44: **и**ни же отъ нихъ . хотѣхъ ѡти і . **нѣ** никто же не възложи на нь ржкъ. Сав, Мар, Зорг, Ас.

Замена в примере (2) *ини же отъ нухъ. хотѣхъ ати і. а никтоже не възложи на нь ржкѹ. невозможна. Контекст этого примера, помимо условий «обманутого ожидания», содержит еще «нечто», обуславливающее необходимость употребления союза нѣ, а не а. В данном случае это «нечто» можно определить как доминирование содержания второго компонента в качестве целой ситуации: важно, что никто не решился схватить Иисуса¹. Употребление союза нѣ в примере (1) в принципе возможно (при этом, очевидно, появился бы новый нюанс в значении): *бракъ оубо готовъ есть . нѣ зъвании не бѣша достойни, но реально нам такого рода «мены» по спискам не встречались².

Напротив, а и и, а тем более а и же, оказываются взаимозаменяемыми. В старославянских евангельских кодексах можно найти примеры мены в переводе одного и

¹ О доминировании второго компонента при употреблении русского союза но см. [Санников 1989: 151 и сл.].

² В греческом оригинале в этом чтении употреблена частица δέ: ὁ μὲν γὰρ οὐκ ἔτοιμός ἐστιν· οἱ δὲ κεκλημένοι οὐκ ἦσαν ἄξιοι. Хотя это встречается и очень редко, но все же в старославянских рукописях известны случаи, когда союз нѣ, обычно переводящий греческий союз ἀλλά, передает и греческую частицу δέ. Ср.: И 14,10: (λέγει αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς...) τὰ ρήματα ἃ ἐγὼ λέγω [λαλῶ, λελάληκα] ὑμῖν ἀπ' ἐμαυτοῦ οὐ λαλῶ· ὁ δὲ πατήρ [ὁ] ἐν ἐμοὶ μένων ποιεῖ τὰ ἔργα αὐτοῦ. В Саввиной книге имеется перевод с союзом нѣ: Рече гѣ своимъ оученикомъ . гѣы аже азъ гѣж вамъ о себѣ не гѣж . нѣ оцѣ живдѣ и сдѣ въ мнѣ . тѣ творитѣ дѣла . Сав 25а. Все же знаменательно, что в других старославянских кодексах, а также и в другом месте Саввиной книги (л. 102 б), славянский перевод соответствует более точно греческой конструкции, передавая частицу δέ славянским союзом-частицей же: (гѣа емоу ѿс...) гѣы аже азъ гѣж вамъ о себѣ не гѣж . отцъ же прѣбывааи въ мнѣ тѣ творитѣ дѣла. Зорг, Мар, Ас, Сав 102 б. Видимо, перевод с союзом нѣ на листе 25а в Саввиной книге нужно расценивать как случай более свободного перевода с некоторым переосмыслением текста, т. е. с добавлением того смысла, который был присущ старославянскому союзу нѣ.

того же чтения даже всех трех союзов: **и** — **а** — **же**. Ср.:

(3) Мт 9,34: καὶ ἐθαύμασαν οἱ ὄχλοι λέγοντες· οὐδέποτε ἐφάνη οὕτως ἐν τῷ Ἰσραὴλ, οἱ δὲ Φαρισαῖοι ἔλεγον· ἐν τῷ ἄρχοντι τῶν δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια.

— в Ас 40b союз **и**: **И** дивѣша сѧ народи гл҃ѣе. **Н**иколиже тако ѣви сѧ въ илї. **И** фарисеи гл҃ах҃ж. о кнѣзи бѣсовѣстѣ изгонитѣ бѣсы.;

— Мар союз **а**: **а** дивѣша сѧ народи гл҃ѣше. **н**иколиже ави сѧ тако влї. **а** фарисѣи гл҃ах҃ж. о кнѣзи бѣсъ изгонитѣ бѣсы.;

— в Зо҃р и Сав союз-частица **же**: **а** дивѣша сѧ народи гл҃ѣште. **н**иколиже ави сѧ тако въ лїи. **Ф**арисеи **же** гл҃ах҃ж. о кнѣзи бѣсъ изгонитѣ бѣсы.

Тем не менее для сочинительных союзов в славянских переводах можно указать основные соответствия, справедливые в большинстве случаев: союз **и** переводил греч. ἄλλά, союз **и** чаще всего соответствовал греч. καί, с помощью частицы **же** в функции союза точно переводилась греческая конструкция с выделительной частицей δέ. Союз **а**, как правило, употреблялся в конструкциях, переводящих греческие конструкции либо с союзом καί, либо с частицей δέ. При этом союз **а** оказывается как бы «лишним», так как в любом случае употребления он мог быть заменен либо союзом **и**, либо союзом-частицей **же** (или, скорее, союз **а** заменял собой либо союз **и**, либо частицу-союз **же**). Практически это означает, что любой греческий текст мог быть переведен на старославянский без искажения основного смысла высказывания без привлечения союза **а**.

Между тем сопоставление классических старославянских, а также и несколько более поздних церковнославянских списков показывает интересную тенденцию к «усилению позиций» союза **а** в славянских переводах, проявляющуюся при редактировании и переписывании текстов. Так, например, эта тенденция заметна в списках Апостола, отражающих так называемую «преславскую» редакцию³.

³ Хотя собственно старославянские рукописи Апостола практически не сохранились (только отрывки в Синайском евхологии и

Ср., например, «мену» союза **и** на союз **а** на месте греч. *καί*:

(4) I Ин 1,6: Ἐὰν εἴπωμεν ὅτι κοινωνίαν ἔχομεν μετ' αὐτοῦ **καί** ἐν τῷ σκότει περιπατῶμεν, ψευδοῦμεθα καὶ οὐ ποιῶμεν τὴν ἀλήθειαν.

— аще речемъ причѣстие имаме с нимъ. **и** въ тьмѣ ходимъ. лъжемъ и не творимъ истинѣ. Охр (отражение первоначального перевода);

— аще рѣмъ тако причестие имамы с нимъ. **а** въ тьмѣ ходимъ. лъжемъ и не творимъ истины. Мат (отражение «преславской» редакции⁴).

На союз **а** заменялись иногда даже частицы в функции союза. Ср., например, замену на союз **а** частицы **бо** на месте греч. *γάρ*:

(5) I Кор 15,32: φάγωμεν καὶ πίωμεν αὔριον **γάρ** ἄλοθνήσκομεν.

— гдимъ и пимъ. оутро **бо** оумремъ. Толк, Карп, ...оутрѣ **бо**... в Слпч (отражение первоначального перевода);

— гдимъ пьемъ. **а** оутрѣ оумремъ. Толст (отражение «преславской» редакции).

Итак, чем оправдывался для древнего книжника при переводе греческого оригинала на славянский, а затем и при редактировании или переписывании выбор именно союза **а**?

Как было показано нами ранее [Ефимова 1997: 69–70; Ефимова 2000], сфера употребления союза **а** — это сопоставительные отношения, столь характерные для содержания старославянских текстов. Однако при определенных условиях в «сферу ответственности» союза **а** «вторгался» и союз **нъ**. Старославянский союз **нъ** занимал особую нишу в микросистеме старославянских

Енинском апостоле), следы старославянских редакций отражены в более поздних списках.

⁴ Об отражении «преславской» редакции в Матичином апостоле см. уже у Ягича (он осторожно писал о том, что текст Матичина апостола во многих местах склоняется «zur späteren, d. h. der sogenannten zweiten Redaktion» [Jagic 1919: 97]).

сочинительных союзов, употребляясь в конструкциях со значениями прерывания или непродолжения действия, имплицитной уступительности, пресуппозиции и выполняя функцию *противодействия в широком смысле слова*, не свойственную другим сочинительным союзам (в том числе и союзу **а**) [Ефимова 1997: 73 и сл.]. В сопоставительных же конструкциях союз **нъ** употреблялся при наличии в них *отрицания*, причем только во втором компоненте при наличии отрицания в первом⁵. При наличии же отрицания во втором компоненте употреблялись союзы **а** или **и**, т. е. «не X, **нъ** Y» и «X, **а/и** не Y». Это правило выбора союзов действовало как при сочинении компонентов сложного предложения, так и внутри простого предложения:

- (6) Mt 9,24: οὐ γὰρ ἀπέθανεν τὸ κοράσιον, ἀλλὰ καθεύδει
 — не оумрѣтъ бо дѣвица **нъ** спитъ. Зогр, Мар, Ас, Сав;
 (7) И 11,4: αὕτη ἡ ἀσθένεια οὐκ ἔστιν πρὸς θάνατον
ἀλλ' ὑπὲρ τῆς δόξης τοῦ θεοῦ.
 — си волѣзнь **нѣ**стъ къ сѣмрѣти **нъ** о славѣ бжїи.
 Мар, Зогр, Ас, Сав⁶.

При сопоставлениях, не содержащих отрицания, при помощи союза **а** переводились греческие конструкции как с союзом *καί*, так и с частицей *δέ*, а кроме того (реже), и бессоюзные. Поскольку при этом по спискам наблюдаются упомянутые выше мены союзов **и** и **а**, естественно предположить, что мы имеем дело с каким-то компонентом смысла высказывания, которой — факультативно — мог быть выражен (т. е. употреблением союза **а**), а мог и не быть выражен (во всяком случае лексически). Старославянские тексты, содержание которых составляют притчи,

⁵ Согласно наблюдениям Р. Б. Кершиене, в древнерусских текстах XI—XVII вв. употребление союза *но* со значением противопоставления отмечено только при наличии отрицания в первом компоненте предложения [Структура предложения 1983: 161].

⁶ В русском синодальном переводе сохраняется союз *но*, при этом ощущается особый «церковный» стиль. В обычном узусе был бы более приемлем союз *а* — ср.: «...потому что не умерла девица, а спит»; «эта болезнь не к смерти, а к славе Божьей».

проповеди, толкования, различные поучения и под., большей частью напрямую обращены к слушающему (реципиенту), вплоть до употребления в некоторых случаях 2 л. ед. ч. и повелительного наклонения⁷. Учитывая, что союз **а** употреблялся и при переводе греческой выделительной частицы **δέ**, мы полагаем, что союз **а** «выдвигал на первый план сознания» тот участок в высказывании (слово или «блок» во втором компоненте сложносочиненной конструкции, обозначавшие чаще какой-то предмет, но иногда и действие или обстоятельство действия), который говорящий хотел особо выделить, привлечь к нему особое внимание слушающего. Таким образом, мы полагаем, что этот компонент смысла высказывания, выражение которого, помимо функции сочинения, было основным предназначением старославянского союза **а**, относился к коммуникативной сфере, причем сфере того, что можно было бы назвать «субъективной интерпретацией» смысла высказывания говорящим в целях особого воздействия на слушающего (реципиента). Рассмотрим, например, текст чтения Мк 9,3 о Преображении:

(8) καὶ μετεμορφώθη ἔμπροσθεν αὐτῶν, καὶ τὰ ἱμάτια αὐτοῦ ἐγένετο στίλβοντα λευκὰ λίαν [ὡς χιῶν].

— **и** прѣобрази сѧ прѣдъ ними. **и** бѣша ризы его льшташтѧ сѧ. бѣлы сѣло ѣко **и** снѣгъ. Мар, Зогр, Ас, Сав.

При данном порядке слов в славянском переводе во втором компоненте предложения употребление союза **а** в старославянском языке невозможно. Но если бы рассказчик (в данном случае евангелист Марк) хотел особо привлечь внимание слушателей именно к *ризам*, было бы возможно: ***и** прѣобрази сѧ прѣдъ ними. **а** ризы его бѣша льшташтѧ сѧ. бѣлы сѣло ѣко **и** снѣгъ. И действительно, в синоптическом чтении Евангелия от Матфея находим:

(9) Мт 17,2: **и** прѣобрази сѧ прѣдъ ними. **и** просвѣтъ сѧ лице его ѣко снѣгъце. **а** ризы его бѣша бѣлы ѣко

⁷ Ср., например: аште хощеші плачі сѧ горько **и** въздъхні вельми... Клоц 3в 36–37; паче же бѣди драхлъ **и** плачи сѧ горько . Супр 405,25.

свѣтъ. Мар и Сав (в Ас ...ако снѣгъ в соответствии с различием в греческом оригинале ὡς τὸ φῶς — ὡς χιὼν, в Зоґр нет текста).

Представляется, что интересующий нас смысловой компонент являл собой в старославянских текстах как бы «дополнительную несущую» в высказывании, род «надстройки» над основными, «базовыми» компонентами смысла высказывания, которую древний книжник, генерирующий текст (переводчик, редактор или просто переписчик), мог по своему усмотрению привлечь (или не привлекать) как «средство давления на публику»⁸. В тех случаях, когда этот факультативный «выделительный» компонент значения был эксплицирован в греческом оригинале (т. е. выражен выделительной частицей δέ), славянский перевод мог как эксплицировать его (т. е. употреблялся союз **а** или союз-частица **же**), так и не выражать его лексически (т. е. употреблялся союз **и**). Наглядно это можно видеть в имеющихся в нашем распоряжении старославянских переводах одного и того же греческого произведения. Ср., например, текст из Слова Иоанна Златоуста на вербное воскресенье в Сборнике Клоца и Супрасльской рукописи, где проповедник «цитирует» слова пророчества Исаяи:

(10) καὶ γνώσονται οἱ τῷ πνεύματι πλανούμενοι σύνεσιν οἱ **δέ** γογγύζοντες ὑπακούειν

— **и** разоумѣжтъ дѣхомъ блждштен разоумъ. **а** рѣпъштжштеі наоучжтъ сѧ послоушати. Клоц 1а 14 (компонент лексически выражен: союз **а**);

— **и** разоумѣжтъ доухомъ заблждивыши разоумъ. **и** гнѣважштни сѧ навѣикжтъ послоушати. Супр 325,22 (компонент лексически не выражен: союз **и**).

⁸ В свое время в частной беседе И. Фужерон обратила наше внимание на близость этих наблюдений мыслям С. И. Карцевского, высказанных им в «Deux propositions dans une seule phrase»: слова русского языка *и, а, но, да* несут и эмоциональную нагрузку со стороны говорящего, призваны выражать «его психологическую позицию по отношению к собеседнику». По мнению Карцевского, эти слова характеризует «тональность» фразы подобно ключу в музыке [Karcevski 2000: 198] (ср. с. 58).

В заключение выскажем предположение, что случаи (очень редкие) употребления союза **а** вместо **аще** или **аще и** в старославянских текстах при выражении отношений условия и уступительности объясняются, возможно, наличием в структуре значения союза **а** именно этого компонента. Употребление союза **а** вместо **аще** или **аще и** характерно для гомилитических текстов, и, возможно, в таких случаях значение усиленного выдвигания определенного участка в высказывании на первый план сознания и «давления на публику», которое старославянское **а** совмещает с функцией союзного средства, имеет приоритетное значение для генерирующего текст. Ср., например, употребление **а** в тексте из Слова Иоанна Златоуста на Великую пятницу:

(11) дѣвъ творитѣ оумоу. землѣ вѣсншті повелѣньемъ на водахъ. **а тяжька** вештѣ сжшті. Клоц 10а 4.

В русском переводе этого предложения со значением уступительности было бы уместно, видимо, употребление восклицательного знака, а при его произнесении — интонационное выделение прил. *тяжелая*.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗАХ

0. Практика преподавания русского языка иностранцам показала, что перевод на русский язык сочинительных союзов является постоянным камнем преткновения. Сложность заключается в том, что во французском языке союз *et* может быть и противительным и непротивительным, и, следовательно, в одних случаях должен переводиться *и*, а в других *а*. Французский же союз *mais* в одних случаях переводится как *но*, в других как *а*. Думается, что только глубокое понимание значения и функционирования каждого из союзов поможет избежать ошибок.

1. В первом издании своего «Синтаксиса» Пешковский определяет сочинение «*par la négative*». Он пишет: «Подчинением называется соединение [предложений] при помощи таких союзов и союзных слов, которые создают в грамматическом сознании преобладание одного из соединяемых предложений над другим.

Сочинением предложений называется соединение их при помощи таких союзов и союзных слов, которые не имеют этой особенности» [Пешковский 1914: 393].

Как и Пешковский, Карцевский видит отличие подчинения от сочинения в природе операторов связи. Если подчинение базируется на местоименной системе, то сочинительные союзы восходят к восклицанию¹. Сочинение, по мнению Карцевского, это внесение во фразу противительных или непротивительных отношений.

В анализе сочинительных связей Карцевский проводит рассуждение как бы в обратном порядке по сравнению с нашим обычным. Он начинает с разбора восклицаний и приходит к выводу, что русские «примитивные» гласные

¹ См. по этому поводу: [Karcevski 1938; Karcevski 1939–1940].

восклицания имеют каждое свое особое значение: *и* — успокоение, *э* — презрение, *а* — удивление, *о* — изумление, *у* — испуг, ужас. В диалоге же специальные слова, удивительно похожие на восклицания, вводят реплики, «привязывая» их одну к другой. Эти слова — *и*, *а*, *но*, *да* — призваны выражать эмоциональное состояние говорящего, «его психологическую позицию по отношению к собеседнику» [Karcevski 2000: 198]. Карцевский называет эти слова в контексте диалога «ключ фразы», который характеризует *тональность* фразы (ср. музыкальный ключ).

Эти же операторы обеспечивают связь между фразами в речи говорящего, когда собеседник отсутствует или его присутствие не принимается во внимание. Фразы же следуют друг за другом как реплики диалога. Этот тип контекста Карцевский называет «*zéro de dialogue*», а слова, обеспечивающие связь между фразами, — «внешними союзами», так как они несколько теряют свою эмоциональность и начинают смотреть в сторону союзов.

Только после этого Карцевский переходит к «внутренним союзам», которые передают отношения не между людьми, не между их волей, а призваны показать связь между двумя идеями, между мыслями одного человека, объединенными в одно высказывание. По мнению Карцевского, внешние союзы более или менее эмоциональны, внутренние — более или менее интеллектуальны.

В наших предыдущих работах мы уже имели возможность проанализировать некоторые случаи употребления сочинительных союзов². Правда до сих пор в этом анализе специально не выделялись случаи употребления союзов в качестве *внешних* или *внутренних*. Проанализируем с этой точки зрения сначала русские противительные союзы.

2. Союз *а*.

2.1. Карцевский считает, что союз *а* выражает наименьшую оппозицию, просто некоторое различие. Мы считаем, что его доминирующим признаком является функци-

² См., например, [Fougeron 1990: 125–137; Fougeron 1995: 313–333].

онирование в сопоставительной конструкции с заложенными в ней «исключающими» связями:

$T - R \text{ а } T' - R'$,

что исключает отношения $*T' - R$ или $*T - R'$. К этому признаку можно (может быть, иногда с некоторой натяжкой) свести практически всякое употребление союза *а*, но не подлежит сомнению, что наиболее полно этот признак сказывается внутри высказывания, где его роль заключается в том, чтобы *соединить в одно две сопоставимые части и вместе с тем показать их различие*. Мы полностью разделяем мнение И. Н. Кручининой, что «цель сопоставления — в выражении несходства» [Кручинина 1988: 140–141].

(1) До женитьбы они работали с Федором на одном заводе, она кладовщицей, а он лекальщиком (И. Грекова).

(2) Ничего не понимают врачи. По-ихнему — истерика, а по-моему — просто жизнь. Жизни не знаете, вот и прописываете (И. Грекова).

Каждая часть такого сложного предложения представляет собой членение на тему и ремю. А в целом перед нами темо-рематическая конструкция, где первая часть сочинения служит темой, а вторая — ремой.

Тот же характер «исключающих» связей на уровне высказывания в целом, правда, несколько скрытый, можно наблюдать и при функционировании союза *а* «ненормального» или «нелогичного» следования [Крейдлин, Падучева 1974; Санников 1989]. Рассмотрим пример:

(3) У вечерников немецкий срывается... перемена заканчивается, а Федорыча все нет (В. Золотухин).

Чтобы раскрыть первую часть текста, необходимо иметь полную информацию, заключенную в следующем сложносочиненном предложении. Только рематическая часть не может объяснить срыв урока. Если предположить ансамбль:

(3а) У вечерников немецкий срывается, Федорыча все нет.

Собеседник может возразить: «Придет, уснет».

В исходном примере первое сочиненное предложение выступает как тема, где конец перемены дается как вре-

менной предел отсутствия преподавателей. С точки зрения информации, она не самодостаточна и сигнализирует продолжение. Продолжением, соответствующим логической норме, было бы: «все преподаватели на месте». В исходном же тексте говорящий приводит в реме информацию, которая перечеркивает ту, что логически могла бы возникнуть у собеседника. Иначе говоря,

$T - R$ исключает $T - R'$.

Интересно остановиться на высказываниях с союзом *а*, значение которого Крейдлин и Падучева определяют как «присоединительный». В этом значении он чаще функционирует как внутренний. Наиболее простой случай его употребления — это «последовательное» описание, когда один член определяется по отношению к другому:

(4) *Около шоссе стояла школа, а за школой начинался лес.* В школу ходили дети из соседних сел (Ю. Нагибин).

Здесь пространственное положение темы второго сочиненного предложения определяется по отношению к положению (через положение) ремы первого. Иначе говоря, рема первого повторяется в теме второго.

В более сложных случаях первая часть высказывания служит как бы стимулом для второй, которая включает в обобщенную перспективу частный случай, выраженный в первой части высказывания.

(5) *Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. <...> Восхищал даже. Хоть любви, положим, не было. Нет, любви не было. Глеб был жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще* (В. Шукшин).

Здесь союз *а* служит для перехода от частного случая *Глеб был жесток* к обобщению *жестокость не любят*. Отсюда имплицитный вывод, подтверждающий сказанное ранее *Глеба не любят*.

Отношения между членами можно схематически представить так:

$T - R, а T'(\sim R) - R'$

Переход от частного к общему происходит плавно, без разрыва и благодаря тому, что T' вбирает в себя R , то, что говорится о T' , действительно и для T . Таким образом

создается регрессивная последовательность, которая приводит к имплицитному отношению $T - R'$, установленному говорящим, и которое он предлагает собеседнику принять. Но это отношение возможно только через посредство T' . Эти два типа фраз с *a* присоединительным функционируют в контекстах: первые — в начале или в середине текста, развитие которого они предвещают; вторые, обладающие характером вывода, встречаются, как правило, как заключение, как подводящие итог.

2.2. Как только союз *a* выходит за рамки одного высказывания, «исключающий» характер связей осложняется непосредственным «вмешательством» говорящего, выражением его эмоционального настроения:

(6) — А я вам говорю, что через Дон он не пройдет, что на Дону ему крышка. <...>

— А вы как думаете? <...>

— А почему вы уверены, что на Дону ему крышка? <...>

— А если со стороны Сибири японцы на нас пойдут, что тогда? <...>

— А вот я слышал о парне, которого не хотели <...> в летнюю школу принимать, а он все же добился <...> и вот, рассказывают, погиб <...> (В. Гроссман).

Перед нами разговор нескольких человек в рамках одной большой темы, где каждый вносит что-то новое, выражая свое мнение и выражая его отнюдь не равнодушно, не отстраненно. «А» вводит каждую реплику, обеспечивая с одной стороны связь с предыдущим, а с другой — отмечая переход к новому пункту. Попытаемся убрать все «а» в начале реплик: текст теряет свою связность и эмоциональность.

2.3. По мнению Карцевского, из двух участников диалога А и Б второй находится всегда в привилегированном положении, так как за ним остается инициатива продолжать или кончить диалог³. Но несколько позже он пишет:

³ С. И. Карцевский неоднократно говорит об этом в своих работах, начиная со статьи «*Sur la phonologie de la phrase*» [Karcevski 1931]. Может быть, тот факт, что в сложносочиненном

«В диалоге протагонист А "атакующий", инициатива остается за ним. Его партнеру остается лишь отвечать на "вызовы". Протагонисту Б принадлежит только фраза-ответ» [Karcevski 2000: 189]. Эта кажущаяся противоречивость в высказываниях Карцевского лишь свидетельствует о том, что в диалоге инициатива может переходить от одного участника к другому.

Вот пример, когда протагонист Б, будучи полностью несогласен с мнением говорящего, перехватывает инициативу и контратакует, вводя свою эмоционально насыщенную реплику союзом *a*. Спор идет о происхождении человека: человек произошел от обезьяны или он создание Бога.

(7) Священник: Вы верите в то, что человек произошел из обезьяны, вы не видели этой обезьяны <...>, и эта обезьяна ничего вам не сказала на ухо на эту тему...

Противник: А вам бог сказал на ухо, что он создал человека?.. (Ю. Семенов).

Собеседник выступает с фразой, которой он «придает» форму вопроса. Интонационно это скорее «верификативный» вопрос, что-то вроде утверждения с оттенком восклицания. На деле это отрицательное высказывание, цель которого — посмеяться над собеседником, повторяя часть его аргументации. Полемический характер подчеркивается тем, что собеседники как бы меняются ролями: каждый в свою очередь становится «нападающим».

Очевидно, что каждый раз, как мы имеем дело с полемическим контекстом, противительный характер союза проявляется, не теряя своего эмоционального значения.

А вот пример функционирования этого же внешнего союза в монологе, вернее в контексте, который Карцевский называет *zéro de dialogue*, — отрывок из повести Б. Окуджавы «Будь здоров школяр»:

(8) Я несу командиру полка очень ответственный пакет. <...>
Ночь. А я второй день на передовой. А за невыполнение

предложении вторая часть, как правило, информативно более значима, в какой-то степени связан с определенным положением протагонистов в диалоге.

задания расстрел. А мне восемнадцать лет. <...> Вот и ходит наш командир от расчета к расчету. А минометы стоят в траншеях, в ложбинке. А траншеи вырыты по всем правилам устава. А уставы мы не учим. Разрыв за разрывом <...> Ближе, ближе... А мимо бегут мои товарищи. А я сижу на снегу... Я виноват... <...> Вот бежит лейтенант Бураков. А мины падают, мины падают.

Здесь фразы следуют одна за другой, как реплики говорящего, обращенные как бы к самому себе. Как будто объектив передвигается с одной мысли на другую, передвигается чуть беспорядочно, что и сообщает тексту определенную эмоциональную напряженность и целостность. По сравнению с внутренним союзом здесь усиливается разделяющее значение союза. Но опять-таки, если снять «а», исчезает и целостность и эмоциональность.

Анализ текстов позволяет заметить, что внешний союз *а*, сохраняя свое «соединяюще-различающее» значение, осложняется дополнительными оттенками. Так, например, в следующем примере:

- (9) — Вы обращались к кому-нибудь за помощью?
— Нет.
— А к Будагову?
— Нет.
— А почему он за вас заступился? (А. Рыбаков).

Каждое «Нет» собеседника есть выражение его стремления прекратить разговор. Задающий же вопросы старается загнать собеседника в угол, не дать ему уйти от того ответа, которого он хочет добиться. Внешний же союз подчеркивает единство, показывая, что разговор остается в одних и тех же тематических рамках. Каждый следующий вопрос уточняет и сужает зону разговора. Союз «А» служит как бы трамплином к следующей реплике.

3. Подобного рода анализ можно провести, кажется, и по поводу других союзов. Так, например, союз *но* внутренний наиболее непосредственно и «неосложненно» несет свое значение «ненормального следования»:

- (10) Помню, лежал я на горячей печи, но никак не мог согреться (Ф. Шаляпин).

Употребление *но* в начале высказывания как правило связано с осложнением значения союза. Карцевский видит в союзе *но* наивысшую степень выражения противительности (оппозиции), которая особенно проявляется во внешнем союзе. Внешний союз как бы предохраняет собеседника, может быть, об изменении направления повествования, о безосновательности, непрочности предыдущего рассуждения. Часто в этих случаях, после «внешнего» *но* говорящий делает паузу⁴, стремясь подчеркнуть неожиданность следующего и тем самым выразить свое эмоциональное настроение. Во внешнем союзе усиливается значение *ограничения*, присущее союзу *но*.

(11) Иногда казалось, что продолжается летнее наступление начала войны: те же номера немецких дивизий, что возникали на картах в прошлом году. *Но* эти немецкие дивизии после прошлогодних боев сохранили лишь номера и названия, состав их был полностью новый, пришедший из резерва, взамен выбывших, убитых
(В. Гроссман).

Еще один отрывок из Гроссмана, где патриотическая и разумная аргументация персонажа сводится на нет комментарием автора и через него выражением его отношения к герою. То есть мы снова в эмоционально не нейтральном тексте:

(12) ... вот мы подошли к старости, покидаем жизнь, не мирный сад, а жизнь в огне, война бушует, но я, старуха, по-прежнему так же верю в силу революции, верю в победу над фашизмом, верю в силу тех, кто держит знамя... счастья и свободы. И мне кажется, что Сережа из этой породы. Вот за это я как-то особенно люблю его.
Но дело в том, что любовь Ал. Влад. к внуку была прежде всего безотчетной, не рассуждающей, а следовательно, и настоящей любовью.

⁴ Во французском языке после начального союза *mais* тоже часто реализуется пауза. При употреблении союза *а* пауза, как известно, возможна только перед союзом, что подтверждает тематический характер первого сочиненного предложения.

4. До сих пор кажется, что все подтверждает мысли Карцевского. Однако может возникнуть вопрос, что реально лежит в основе разделения на внешние союзы и внутренние? Пунктуация? Интонация? Достаточно ли чисто графического представления: знака точки и заглавной буквы, чтобы считать союз внешним? Вот пример из романа В. Гроссмана «За правое дело». Речь идет о довоенном прошлом Павла Вавилова:

(13) Два сезона проработал он на торфе, по три тысячи торфяных кирпичин выбрасывал за день, а пищи было — яичко разомнут на троих, ведро кваса да по кило хлеба, а от комаров на болоте такое гуденье, что дизеля не слышно. А сколько он наформовал кирпичача...

Этот отрывок похож на последовательность реплик в тексте типа «*zéro de dialogue*», где каждая вводится союзом «а». Упразднение двух союзов в первом высказывании сделало бы его эмоционально нейтральным, чем-то вроде официальной сводки. Вместе с тем было бы снято подчеркнутое писателем несоответствие между объемом работы и условиями работы. Тогда как присутствие обоих «а» придает высказыванию некоторую «восклицательность», т. е. эмоциональность: автор как бы становится на место своего персонажа, передавая его воспоминания и чувства. В последнем высказывании именно начальный союз позволяет сохранить восклицательность и воспринять неопределенное числительное *сколько* как синоним *много*, как *много*. Думается, что эти три союза несут здесь одинаковую эмоциональную нагрузку, которая накладывается на его двустороннее значение: элемент связи и разрыва. А графически два из них «внутренние», а один «внешний».

С другой стороны, неоднократно можно встретить абзац, начинающийся с союза *а* или *но*, но функционирующих как внутренние, и их «графическая внешность» объясняется распространенностью предыдущего или последующего периода текста:

(14) <...> Голос у нее был сильный, чистый, хоть и толстоват, назывался альт. Руководитель-то альты больше любил, чем сопрано. Сопрано на заводе сколько угодно, а альтов — раз, два и обчелся!

А Федор солистом на гитаре играл. Так и познакомились. Дальше — больше. Стал за ней ухаживать <...> (И. Грекова).

Если бы не было развернутого описания Анфисы, перед нами было бы обычное внутреннее функционирование союза:

(14а) Был у них женский хор <...>. Анфиса в том хоре пела, а Федор солистом на гитаре играл.

Такого же рода случаи встречаются при употреблении союза *но*:

(15) В колхозе Вавилова многие побаивались — очень он был угрюм и молчалив. Но ему верили, и всегда при артельной работе ему поручали получать и хранить деньги <...> (В. Гроссман).

Вероятно, именно осложненность дополнительными оттенками и эмоциональной насыщенностью отличает внешние союзы от внутренних.

5. В заключение несколько слов о союзе *и*. Карцевский отводит ему особое место, так как из союзов, заимствованных у восклицаний, это единственный союз, который сигнализирует отсутствие какого-либо напряжения, разногласия между собеседниками, — непротивительный. *И* свидетельствует о непрерывности, вернее, однонаправленности взаимоотношений собеседников. «То, что вводится этим союзом, — пишет С. Карцевский, — только продолжает то, что было объявлено собеседником. Оно является продолжением, следствием, выводом или заключением его мысли. Мы думаем, что именно в понятии следствия кроется секрет этого "маленького союза", самого сложного и трудного для понимания из всех союзов русского языка» [Karcevski 2000: 149]. Отсутствие напряжения сближает его с «народным» междометием *и-и*, роль которого успокоить, создать атмосферу доверия (*и-и, голубчик!*).

5. 1. Как правило, при употреблении внутреннего союза речь идет о выражении отношений следствия между двумя предикациями, или о выражении значения подытоживания, заключения. Это последнее играет особо важную

роль при перечислении, где союз *и* указывает на закрытие серии, вводя последний член перечисления.

Опираясь на анализ отрицательных структур типа (*нет*) *ни души*, (*нет*) *ни гроша*, проведенный Карцевским, можно попытаться объяснить употребление союза *и* в таких выражениях, как

(16) Под лежащий камень *и* вода не течет.

Карцевский считает, что в структурах типа *ни гроша* «ни» — продукт отрицательной деривации от союза *и* — закрывает перечисление, расположенное по убывающей: *нет 100 рублей, 99 рублей, 98 рублей, ... и гроша*. Точно так же можно рассуждать и в случае нашей поговорки: под лежащий на земле камень другие камни не попадают, ветки не собираются, опавшие листья под ним не скапливаются, ... , и вода под него не течет. Такое рассуждение доказывает, что то, что часто принимается за «усилительную частицу», на деле является союзом *и* в заключающей функции.

Карцевский отмечает, что *и* — это единственный союз, который может стоять не только в начале предложения, но и в середине реплики, но тогда обязательно перед словом, на которое падает фразовое ударение [Karcevski 2000: 198]. Перед нами опять тот случай, когда в языкознании обычно говорят не о союзе *и*, а о выделительной частице *и*. Карцевский же их не разграничивает, считая их одного происхождения. Как функционирует это *и* перед ударным словом?

(16) Однажды он сам просил, чтобы его перевели с административной работы, но в глубине души обрадовался, когда нарком не внял его ходатайству. Степан Федорович *и* в административной работе находил много интересного и приятного для себя (В. Гроссман).

В данном случае *и* сигнализирует о тождестве. Вместо него можно было бы употребить *тоже*, которое притянуло бы на себя фразовое ударение. *И* выполняет роль *тоже*, но остается безударным, а под ударение попадает второй элемент тождества.

(17) Я думаю, <...> что любая неудача фюрера будет и нашей неудачей (В. Гроссман).

Поставленный перед носителем фразового ударения союз *и* позволяет показать, что то, что было сказано о предыдущем, действительно и для последующего.

Выражающий тождественность союз *и* может стоять и в начале предложения, т. е. функционировать как внешний союз. Тогда выражение тождества реализуется как бы в иной тональности: говорящий вносит свой эмоциональный настрой, и повествование теряет нейтральный характер.

(18) Начался второй период тяжелой битвы <...> новый период со своим изумительным, странным, ни на что не похожим бытом. Ведь шли не только часы, дни, недели жизни в этом дымном аду <...> (описание ада). И здесь ведущие битву создали свой быт — здесь пьют чай, ... играют на гитаре, следят за жизнью соседей, беседуют. Здесь живут люди ... (В. Гроссман).

И, как истинный «*témoin de continuité*», возвращает к вопросу создания быта. Кроме того, через него автор проявляет свое отношение к описываемому, свое восхищение. Следующие два здесь реализуются в уже заданной тональности.

Внешний союз *и* соединяет два высказывания говорящего, как если бы это были две реплики диалога:

(19) Мамаша — она по себе меряет. Вот мы к ней все ворвались, и все себя у нее как дома чувствуем. И кровать свою она тебе уступила, ты и не подумала отказаться (В. Гроссман).

Здесь эксплицитная невыраженность первого члена тождества придает ему обобщающий характер. Союз *и* перед носителем фразового ударения позволяет заключить, что и к первому члену тождества можно отнести то, что говорится о втором. Замена *и* на *тоже* снимает с высказывания всякую эмоциональность. Эта замена, кстати, потребовала бы изменения порядка слов:

Свою кровать она тоже тебе уступила.

Тождество может выражаться «на расстоянии»: элементы тождества разделены большим периодом текста:

(20) Он (Вавилов) не любил председателя <...>
И председатель не любил Вавилова, боялся его <...>.

В тексте первый член тождества отделен от второго тремя абзацами, в которых описывается не очень благовидная деятельность председателя. Но этот интервал ничуть не влияет на выражение тождества и не снимает оттенка эмоциональности.

Нам кажется, что союз *и*, может быть больше, чем союз *но*, позволяет говорящему выразить свою настроенность. Вероятно, значение подытоживания, присущее *и*, играет здесь определенную роль: с одной стороны, высказывание, введенное союзом *и*, продолжает линию, начатую предыдущим текстом, с другой стороны, оно как бы выделяется в самостоятельное, становится «репликой» и тем самым приобретает особое значение. Говорящий выражает свое отношение по поводу сделанного заключения.

(21) После освобождения Ясной Поляны от фашистов:
Дом отстроен, снова цветут цветы, снова торжественна своей великой простотой могила; тела вражеских солдат отвезены от нее и похоронены в огромных воронках от <...> немецких фугасок, упавших на яснополянскую землю. *И места эти поросли сырой болотной травой (В. Гроссман).*

Попробуем в последнем высказывании снять союз *и*. Вероятно, первым следствием этого будет изменение порядка слов: *эти места* поросли сырой болотной травой. Перед нами нейтральная информация, лишённая чувства успокоения и удовлетворения, которые поражают во фразе Гроссмана.

Чем эмоциональнее текст, тем чаще автор проявляет себя в повествовании, тем чаще в тексте встречаются внешние союзы. Так, в романе И. Грековой «Свежо предание...» их очень много в начале, когда автор ведет повествование, передавая чувства и впечатления персонажей. Чем дальше разворачивается действие, тем избыточней становятся комментарии — трагедия событий достаточна сама по себе — и автор ограничивается сдержанным представлением фактов. Основная масса союзов здесь — внутренние, и их функции ограничиваются их основными значениями.

А в «Сталинградских очерках» В. Гроссмана, произведении патетическом, читатель постоянно чувствует присутствие автора, открыто выражающего свои чувства. В этих очерках мы встречаем огромное количество союзов, функционирующих как внешние.

В заключение можно сказать, что если *внутренние* союзы выступают просто как грамматические операторы, *внешние* союзы выступают как проявление настроения говорящего, как свидетельство эмоционального содержания текста.

ЧАСТИЦА ЖЕ В РОЛИ ТЕКСТОВОГО КОННЕКТОРА (на материале русской диалектной речи)

Текст устной речи обычно получает аранжировку разными частицами (подробнее об этом см. [Евтюхин 1979]), которые могут существенно изменять семантику высказывания или его модальность. В ряде случаев частицы служат коннекторами отдельных фрагментов текста, и тогда трудно отграничить их от союзов, выполняющих такую же функцию. Покажем это на примере частицы *же* (*ж*), сопоставив в этом отношении ситуацию в русском литературном языке с данными диалектных систем.

Проблема «выработки критериев отличия частиц от других частей речи» и прежде всего от союзов, т. е. проблема «шкалярности грамматического функционирования частиц» [Николаева 1985: 79—80] встает перед каждым исследователем этих языковых единиц. С этой проблемой связаны и исследования функционирования частицы и союза *же*, имеющих в современном русском языке. В [АГ 80] *же* относится к тем частицам, которые «совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов», т. е. союзов [АГ 80, т. I: 730].

В словарях [МАС; БТС] функции союза *же* и частицы *же* все-таки разграничены. Союз выражает значения противительности (МАС: *Товарищи относились к нему неприязненно, солдаты же любили воистину. А. Куприн, «Поединок»*) или присоединения (БТС: *Это наш бригадир, он же председатель профкома*). Частица *же* определяется как усилительная, употребляющаяся для смыслового выделения, подчеркивания значения слова, к которому находится в постпозиции (БТС: *Всё выяснилось в тот же день*), а также употребляющаяся в значе-

нии *ведь* (БТС: *Ты же не специалист!*). «После указательного местоимения и наречия (*же* — Р. К.) употребляется для подчеркивания полного совпадения с тем, о чем ведется повествование, или подчеркивания постоянства, неизменности чего-либо: *Снится один и тот же сон. Я живу все там же...* [БТС: 301].

Указанные источники не отмечают еще одной функции *же*, а именно функции *отождествления*. Ср., например:

Потолки были выкрашены в белый цвет, белыми же были и стены. Виктор отправился в Пермь, туда же поехала и Ольга. Племянник покрасил крышу дома, он же починил ступеньки крыльца. На месте разрушенной построили новую церковь, каменную же.

В каждом из этих примеров в качестве синонима частицы *же* может выступать частица *тоже*. Ср.:

Потолки были выкрашены в белый цвет, стены были *тоже* белыми и т. д.

Очевидно, что в таком значении *же* употребляется в сочетании только с повторяющимися, введенными в предшествующем контексте именами или анафорическими местоимениями, местоименными прилагательными и местоименными наречиями, находясь в постпозиции к ним. Иными словами, выявление семантики этой частицы в подобных случаях, а также в случаях, отмеченных словарями и приведенными выше, требует учета пресуппозиции. Ср. по этому поводу: «...*же* ориентировано на контекстную связь, сигнализируя “выход” за пределы высказывания, в которое оно входит» [Николаева 1985: 113].

Следует отметить, что в устной форме современного литературного языка *же*, как частица, так и союз, просодически не маркируется, не имеет акцентного выделения, выступает обычно в роли энклитики; при этом вокалический сегмент частицы обычно реализуется в гласном «неопределенного тембра» типа [э]. После знаменательного слова, оканчивающегося на гласный, может выступать как полная, так и усеченная форма частицы — *ж*: *Ты ж(е) не специалист! Это та ж(е) история. Все ушли, Галя ж(е) осталась дома.*

Если судить по данным современных диалектных словарей (СРНГ, ПОС и других), в территориальных говорах русского языка семантика *же* не отличается от той, которая фиксируется в современном литературном языке. В СРНГ приводится только одно особое диалектное значение *же* — как вопросительной частицы *разве*, зафиксированное в говорах Калужской области.

Однако в магнитофонных записях русских говоров, хранящихся в фонотеке отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, а также в двух опубликованных антологиях звучащих текстов диалектной речи — севернорусской и южнорусской — [Касаткина 1991; Касаткина 1999], встречаются случаи специфически диалектного употребления *же* в значении отождествления. При этом, в отличие от литературного языка, в говорах эта частица в указанном значении может иметь несколько иную семантику и принципиально другую сочетаемость. Она синонимична частицам и союзам 'тоже' и 'и' и может сочетаться с именами, наречиями и местоимениями, *впервые вводимыми* в высказывание, например:

(В лесу зайцев нашли), ма́ленький же был зайчонок; Дома́ из ли́свы (лиственницы) долго сто́ят, наша изба из ли́свы же была (д. Веркола Пинежского р-на Архангельской обл.); (Тяжело болела): нервы бра́ло, сердце же (д. Белошелье Лешуконского р-на Архангельской обл.); В мага́зин пря́ники привезли, конфеты же (д. Полутиха Харовского р-на Вологодской обл.).

Пример из севернорусской звучащей хрестоматии (о выпечных изделиях — шаньгах):

Тогда и я́годны-то же (пекли) [Касаткина 1991: 42].

В этих примерах, как кажется, можно говорить об отсутствии у частицы *же* «скрытой семантики» (по выражению Т. М. Николаевой), которая свойственна многим воплощениям этой частицы в литературном языке.

При этом во всех этих случаях не только отсутствует качественная редукция гласного, что естественно для севернорусской вокалической системы, но этот гласный может быть даже маркирован тональным акцентом.

Таким образом, если применительно к функционированию в литературном языке *же* может быть отнесено к разряду частиц, *акцентирующих* соседнее слово (см. [Стародумова 1974]), то диалектное употребление *же* с описываемой семантикой выводит эту частицу на уровень *акцентируемых* слов.

А. Богуславский обратил внимание на такие же просодические свойства частицы *тоже* [Богуславский 1969]. Позднее финская исследовательница Лариса Лэйсиэ подробно остановилась на этом свойстве частицы *тоже* [Лэйсиэ 1995: 218—219]. Это совпадение в просодическом оформлении двух семантически близких частиц представляется весьма любопытным.

По-видимому, специфической только для говоров является возможность сочетаемости *же* в указанном значении с глаголами:

Тоже говорят, будто раньше пили же; Много народу собралось, и я бегала же тут жо¹; Я боялась же да (= тоже боялась) (д. Веркола Пинежского р-на Архангельской обл.).

В значении частиц *-нибудь*, *-то* употреблено *же* в следующем высказывании:

Они полопáтя (косу) там как-нить, полопáтят так, сколь же немно́жко (с. Карпогоры Пинежского р-на Архангельской обл.) [Касаткина 1991: 54].

В ряде случаев *же* в говорах севернорусского наречия может соединять однородные простые предложения, где *же* скорее не частица, а союз, близкий по значению к союзу *и*. Особенность такого союза *же* в том, что он в предложении занимает финальную позицию:

В лесу́ медвѣди есть, во́лки хóдят же
(д. Полутиха Харовского р-на Вологодской обл.)².

¹ В севернорусских говорах фонетическое оформление этой частицы вариативно: зафиксированы случаи произношения *же*, *жо*, *жу*, *жа*, *жи*. Есть основания полагать, что выбор одного из названных вариантов определяется качеством предшествующего гласного, т. е. в таких случаях действует механизм межслоговой ассимиляции (см. [Касаткина 1988]).

² В говорах архангельского ареала финальная позиция в высказывании типична еще для одного союза — *дак*, служащего

На подобную роль частицы *же* в древнерусских текстах обращает внимание Н. В. Грицанюк (Николенкова) в тех случаях, когда эта частица употребляется при однородных членах предложения, например, сказуемых: «Можно сказать, что функция частицы “*же*” здесь сходна с функцией соединительного союза, соединяющего два предиката при одном субъекте» [Грицанюк 1998: 164; Николенкова 2000].

Все примеры, приведенные выше, относились к говорам севернорусского наречия. Однако подобные употребления частицы (и союза) *же* встречаются и в южно-русских говорах. Ср., например:

У нас рáньше панéвы бýли же; И вот прядём, прйдут же ребята, гармо́шка прйдёт (д. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл.);

Ну он же (= тоже) согласился (д. Афанасьевка Алексеевского р-на Белгородской обл.);

Садóк же (= тоже) у мене вон есть (д. Малое Староселье Почепского р-на Брянской обл.) [Касаткина 1999]³.

В последние годы экспедиционными группами под руководством Л. Л. Касаткина производилось массированное обследование донских казачьих говоров на территории Волгоградской и Ростовской областей. В записях из Волгоградской обл. отмечены следующие примеры с присоединительным союзом *же*:

Ну один поп, дьякон, матушки там эти, две монашки там возле же (станция Тишановская Нечаевского р-на, расшифровка Л. Л. Касаткина);

Жили в одной хате, три брата, свёкор, свекровь же (хут. Сизов Чернышковского р-на, расшифровка О. Г. Ровновой и Д. М. Савинова);

для выражения пояснения, либо причинной и условной связи: *Обра́тна сторо́на, ле́ва дак: Она да́вно не робо́тат, больна́ дак; Неда́бно нау́щица, постремі́ссе дак* [АОС, вып. 10].

³ Все приведенные примеры — из текстов, относящихся к западному ареалу южнорусского наречия. Ограниченность материала не позволяет сделать надежных выводов, однако вполне возможно, что такая ареальная характеристика не случайна.

И румыны же люди, и они... (станция Усть-Хопёрская Серафимовичского р-на, расшифровка Д. М. Савинова).

В записях речи старообрядцев южнорусского происхождения, проживающих в штате Орегон (США), так называемых «турчан», предки которых бежали с Дона в Турцию в начале XVIII в. (подробнее о «турчанах» см. в работе [Касаткин 1999: 329–330]), также встречается частица *же*, имеющая обычно оттенок присоединения, добавления в значении 'тоже'. Ср. следующие примеры:

Мы б́ыли та́ма (в Румынии): в Яссах б́ыли, у ма́тери Прасков́еи б́ыли, в метропо́лии в ни́хой (их) б́ыли, там же (= тоже) б́ыли; И ту́рки, де́ти ихние, ту́да посели́лись, рыба́чили та́ма, и э́то, запоро́жцы же (= тоже) ту́да при́шли; По́лог от комаре́й же (= тоже) де́лали; Ко́гда мы там б́ыли (в Турци́и), там мусульма́ны же (= тоже, по-прежнему) жи́вуть; А э́то кося́к, сверху же (= тоже) наде́ваем; Мы все безрука́вную руба́шку же (= тоже) шьём.

Из записи казака-некрасовца в Москве (1964 г.), переехавшего с семьёй в Россию в 1962 г.:

У них же (= тоже) были архиепи́скупы
[Касаткина 1999: 177].

Во всех этих случаях у *же* наблюдается та же сочетаемость, что и в примерах из севернорусских и южнорусских говоров, и то же просодическое оформление *же* — без редукции гласного и с возможным его акцентированием.

Употребление *же* в указанном значении в письменной записи не всегда можно надёжно идентифицировать, в то время как в устной речи оно имеет яркую просодическую характеристику. Поэтому во всех приведенных примерах приходится в скобках давать уточняющую помету «тоже». Более прозрачно проявляется отождествительное значение *же* в письменной записи в тех случаях, когда оно примыкает к последнему из однородных членов предложения, ср. примеры из вологодского говора: *В магазин пряники привезли, конфеты же*, из архангельского: *Тяжело болела: нервы бра́ло, се́рдце же*, из донского: *Жили в одной хате, три брата, свёкор, свекровь же*.

В речи «турчан» изредка отмечены случаи употребления частицы *же* с уточняющим значением, например: *Мужик поедеть на степ, да ну пáшетъ, ну, знаете, орёт же на поле.* Здесь значение частицы *же* можно соотнести со значением *то есть* (ср. сходное старое значение частицы *тож* при употреблении синонимичных топонимов, например, в поэме Некрасова — *Горелово, Неелово, Неурожáйка-тож*).

Итак, в приведенных диалектных примерах *же* употребляется и как частица со значением отождествления (*Запорожцы же туда пришли*), и как присоединительный союз (*В магазин пряники привезли, конфеты же*). В обоих случаях *же* может быть заменено словами *тоже*, и и *тоже* и: *Запорожцы тоже туда пришли*, или *И запорожцы туда пришли*, или *И запорожцы тоже туда пришли. В магазин пряники привезли, конфеты тоже*, или *В магазин пряники привезли и конфеты*, или *В магазин пряники привезли и конфеты тоже*. В современном русском литературном языке эти значения у *же* отсутствуют.

Зато все приведенные примеры корреспондируют с употреблением *же* в тех же значениях в памятниках древнерусской письменности, ср. примеры из Словаря древнерусского языка:

Се бо напълнивъ три вozy брашьна хлѣбъ и сыръ и рыбъ, сочиво же и пшено, еще же и медь; Облецѣмся въ броня вѣроу х(с)ву, и вѣшаемъ кр(с)тъ его щитъ же и копие в любовь его; И видѣвъ небо и землю и море, сълнце же и луну и прочая; Како собра нои звѣри и птица парящия, гады же и вся пресмыкания (в роли союза с оттенком присоединения); Король же нача ставляти противу ему свои полкы на бродѣх же; Раздѣляеть троудъ раздѣляета же и вѣнца (в роли частицы с отождествительным значением).

А. А. Зализняк в берестяных грамотах различает несколько значений частицы *же*, в том числе: 1) соединительное и 2) отождествительное. Он приводит такие примеры этих значений: 1) *ко горигори жи коумоу*; 2) *ты же мя и потени* [Зализняк 1995: 616]. Данные древнерусского языка позволяют сделать вывод о значительной

архаике рассматриваемых значений частицы в современных русских говорах. Это обстоятельство помогает объяснить и более высокую (по сравнению с другими диалектными текстами) частотность употребления же в указанных значениях в речи старообрядцев Орегона, поскольку церковнославянский язык занимает важное место в их повседневной жизни.

Из всего изложенного не следует, впрочем, что в говорах русского языка функционируют только рассмотренные архаические значения же. Кажется, что в этих языковых системах частица и союз же могут иметь такие же значения, т. е. усилительно-выделительное, присоединительное и отождествительное, как и в современном русском литературном языке. Однако вполне возможно, что существуют различия в этом плане между северными и южными говорами. Проверим это предположение на речевом материале.

Для севернорусского наречия приводятся примеры только из говоров Архангельской обл., встретившиеся в хрестоматии [Касаткина 1991]:

Ей так же звали, как и меня; Он и говорит: кака́я же эт(о) ты неvéста? (д. Долгощелье Мезенского р-на);

Тогда же не́ было этого, го́лбно вре́ме-то бы́ло (д. Ру́чы Мезенского р-на);

Они э́ки же, ка́ли́тоцки называются — о выпечных изделиях; Из той же квашни нальют на сковородки; У вас в Москве тепере тоже так же служба (на Пасху) идёт? Оно то же са́мо, только в одно место собрано; Играли фсе́ равно под пляску, та же гармонь; Спрашивают: у кого же красно золотце, вот и отвечают; Ящик накла́дут, дак не одно́ же платье (д. Белошелье, Лешуконского р-на);

Архангельский врач прилетел, и сразу же говорит...; Вот сразу же рука у меня отнялась (д. Чёшегора Пинежского р-на);

Дыра сделана кру́гла и тут же вту́лка, называется втулка (д. Ваймуша Пинежского р-на).

Примеры из южнорусских текстов, опубликованных в хрестоматии [Касаткина 1999], Смоленская обл.:

Здоровья уже нету, да и годы ж ужé; С одиннадцатого году, сколько ж можно? И уже столько ж, я говорю, пришлось пережить! А я ж бо́юся! Этот же пленный и

бушлат ему свой отда́л. А окна ж завёсили, а немцы всё ж кругом ходят. Ну куды ж его? У меня же только и были тряпки мужиковы (д. Шаталово Починковского р-на); Мнем (лён) нога́ми, а как же ж чтоб, чтоб хорошая ж тогда пряжа тонкая была; Сушим, опять же тоже так же; Ну а тогда уже зима ж при́де; Ну я ж до́ма; А тогда уже что ж напрядешь? Лучше ж ходить в ней (в тонкой рубахе) (с. Дряголи Руднянского р-на);

Брянская обл.: Да, ещё ж я не сказала, як убирали рожь эту; Тогда ж молотилок не было, и так оббивали; А надо ж зерно это ж убирать, и в анбары; Да и жни же ты быстрее! Никто ж не будет жать, не при́йдеть; А тогда ж машин этих не было (с. Губольцы Почепского р-на);

Мы ж приедем как хоть к тебе (д. Малое Староселье Почепского р-на).

Даже на сравнительно небольших отрезках севернорусского и южнорусского речевых континуумов обращают на себя внимание две черты в употреблении *же*, различающие их: 1. В севернорусских говорах *же* представлено только неэллиптированной формой, тогда как в южнорусских говорах встречаются обе формы — и полная, и эллиптированная, причем преобладает последняя. 2. Количество словоупотреблений *же* в севернорусских текстах значительно меньше, чем в южнорусских. Проведенные подсчеты показали, что на 1000 словоупотреблений в архангельских говорах приходится всего 2,2 употребления *же*, а в южнорусских (смоленских и брянских) на то же количество словоупотреблений приходится 11,8 употреблений *же* (*ж*).

Возможно, что это связано с тем, что в архангельских говорах имеются и другие вербальные средства для выражения семантики усиления, подтверждения, тождества, а именно частицы *ак*, *ба*, *бат*, *боле*, отсутствующие в других русских говорах, а также частица *дак*. Примеры из севернорусской звучащей хрестоматии:

Ак:

(На Пасху) ак не пекли́ я́годны ша́ньги; Ну ак друго́е-то я не зна́ю; (надёнут пла́тье), ак уш ни порато́ хоро́шо, да и ни худо́; Ить кака́ пого́да? дожды́ дак и пое́дешь, и омо́кнесе до ни́тоцьки-то ак (д. Белошелье Лешуконского р-на);

В больницю привезли, ак и сразу на стол (д. Чёшегора Пинежского р-на).

Примеры из АОС: Ак можно и ланпу зажечь; Ак вам это не надо; Ак они меня в Карпогорах дожидали; Ак не реви, поди в избу и т. д.

Ба:

Сын жонилса да, сноха родила, и фсе, я ишшо ба бы и поработала (д. Койнас Лешуконского р-на);

Примеры из АОС: Она не долга ба, да и хорошая; Вас ба не наряжаю работать-то; У вас ба веть есть тканье-о?
[АОС, вып. 1: 76].

Бат (wat):

Пока служба ни уойдет, придёж бат уш в девять часов; А здия приедеш wat, по сколько рас пиреоденутца (д. Белошелье Лешуконского р-на).

Примеры из АОС: Я бат сама збегаю; Потихоньку пей — бат горяч. Бат памятни имена-те, я запомнила; Бат они новы, не точены, дак и тупы; Пойдет ведь, бат, ф школу [АОС вып. 1: 123–124].

Боле⁴:

Ну вот тогда и, боле и домой; Веть фсе было играли веть, я боле и забыла уж; Боле праздник вот прошёл (д. Белошелье Лешуконского р-на).

Примеры из АОС: Я боле совсем стала видеть худо; Неохота на сплав идти — надоело боле; Отступитесь, уж много боле написали; Стары стали, нать (надо) боле умирать крайно [АОС, вып. 2: 54].

Дак:

Дак у них на тесу-то был мох нарос уш, старой, худой был тес-от; Я кода кошусь, а коды не кошусь. Дак мне не надо много; Дак веть избá была не закрыта [АОС, вып. 10: 232].

⁴ Частица *боле* предположительно представляет собой сращение двух элементарных частиц — *бо* и *ле* (*ли*), также употребительных в тех же архангельских говорах (ср. другое сочетание тех же партикул во всех диалектах русского языка: *ли + бо* — *либо*). По-видимому, таким же способом получились и частицы *ак* и *дак* (*a + ко*; *да + ко*). См. о подобных явлениях на материале многих славянских языков [Николаева 2000: 328–341].

Имеются также некоторые различия между северными и южными говорами и в семантике *же*: на севере преобладают отождествительные оттенки, подобные тем, что наблюдаются в литературном языке (см. выше), а на юге — усилительные. Здесь на передний план выходит акцентирующая роль частицы. Ср. архангельское *Они эки же, калйтоуки называются* и смоленское *А я ж боюся!* Впрочем, приведенного материала явно недостаточно для более надежных выводов.

В южнорусских текстах нередки случаи появления нескольких *же* в рамках одного высказывания, например:

Там же они (стебли конопли) *ж* разделяются и на холстину, и на пеньки, всё *ж* делали (д. Присынок Губкинского р-на Белгородской обл.)⁵; А тогда *ж* батюшка *ж*, тогда *ж* ведь священник был (д. Старые Рыляки Юхновского р-на Калужской обл.); А надо *ж* зерно *ж* это убирать (д. Малое Староселье Почепского р-на Брянской обл.).

К тому же как будто бы только в диалектных текстах южнорусского наречия встречаются, и нередко, повторы — удвоения этой частицы в виде *же ж*:

Ну а потом *же* они опять *же* сошлись *же ж*⁶ (д. Присынок Губкинского р-на Белгородской обл.); Ну тогда *ж* нельзя *ж*, он *же ж* слышал (д. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл.); Золіли *ж* её, чтоб белая *ж* на рубаху, ногами, а как *же ж*? (с. Дряголи Руднянского р-на Смоленской обл.). Ох, Шура *ж*, не хворай *же ж*, може *ж* я хоть поумерла на ваших глазах (из записи О. Г. Ровновой, с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.).

По-видимому, частотность этого соединения двух частиц — в полной и усеченной формах — *же ж* послужила основанием авторам СРНГ «сростить» эти две частицы в единое слово *жеж* [СРНГ, вып. 9: 100]. Можно предположить, что семантика этой частицы — двойное усиление

⁵ Пример из экспедиционных записей сотрудников отдела фонетики Института русского языка РАН Д. М. Савинова и Е. В. Щигель, сделанных в Белгородской обл. (июль 2000 г.).

⁶ То же явление описано в упоминавшейся выше работе [Николаева 2000: 328].

(или акцентирование) предшествующего, а в некоторых случаях и последующего слова (ср., например, *он же ж слыхáл*, где акцентирован глагол, следующий за частицей, выполняющий функцию предиката).

Такое «сращение» частиц находится в соответствии с отмеченной Т. М. Николаевой тенденцией создания в древнем состоянии языка частиц из более мелких (одно-сложных) элементов — партикул: «...сочетания партикул напоминают детскую игру — конструктор (или калейдоскоп), где из заданного числа компонентов возникают самые разнообразные комбинации, являющиеся единицами языка. Однако эти комбинации могут по-разному реализоваться в родственных языках» [Николаева 1985: 5]. Как было показано на примере *жеж*, различные комбинации частиц могут возникать и в разных диалектах одного языка.

НЕКОТОРЫЕ ТЕКСТОВЫЕ КОННЕКТОРЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

(*a*, *но*, *ну*)

1. В новгородских берестяных грамотах, отражающих бытовую речь жителей древнего Новгорода, союз *a* встречается много раз. А. А. Зализняк в словоуказателе к берестяным грамотам в [Янин, Зализняк 1986: 226] приводит 435 случаев употребления союза *a*, в [Зализняк 1995: 594] он уже просто указывает: *saerissime*, то есть очень часто. Союз же *но* (*нѣ*) встретился всего один раз в грамоте, написанной монахом, где есть и другие приметы книжного стиля [Зализняк 1995: 246—247, 639]. В. З. Санников обнаружил в древнерусских юридических текстах XI—XIV вв. союз *a* 3356 раз, союз *но* 91 раз, в старорусских юридических текстах XV—XVI вв. *a* 4486 раз, *но* 1 раз [Санников 1976: 7, 130].

Иная картина наблюдается в памятниках, отражающих церковнославянский язык. Так, например, в словоуказателе к изданному тексту Мстиславова Евангелия, написанного на рубеже XI—XII вв. для новгородского князя Мстислава Володимировича, приведено 200 случаев употребления союза *a* и 318 случаев употребления союза *нѣ* (*но*) [Апракос 1983: 298, 394]. В Архангельском Евангелии 1092 года союз *a* встречается 87 раз, союз *нѣ* — 112 раз [Архангельское Евангелие 1997: 415, 535]. В Изборнике 1076 года *a* — 95 раз, *но*, *нѣ* — 127 раз [Изборник 1965: 839, 947—948]. В Книге нарицаемой Козьма Индикоплов, написанной в 1495 г. в Ярославле, *a* — 144 раза, *но*, *нѣ*, *ноу* — 374 раза [Козьма Индикоплов 1997: 377, 582]. Такое же соотношение *a* и *но* и в других древних церковнославянских текстах.

Это свидетельствует о книжности союза *но*, о его неупотребительности в древнерусском и старорусском разговорном языке и весьма редкой употребительности в текстах, в основе которых был русский язык. Следовательно, можно говорить о принадлежности союза *но* церковно-славянскому языку.

2. Мы решили выяснить, как употребляются эти два союза в современной устной крестьянской речи. Были прослушаны большие массивы магнитофонных записей из фонотеки отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в основном собранных нами во время наших диалектологических поездок. Эти диалектные тексты отражают говоры из разных областей России — как севернорусских (Архангельской, Вологодской, Кировской), так и южнорусских (Калужской, Курской, Липецкой, Рязанской). Поскольку никакой специфики в употреблении этих союзов между севернорусскими и южнорусскими говорами нами выявлено не было, примеры из диалектных текстов мы приводим общим списком.

Мы исследовали и речь крестьян-старообрядцев, предположив, что у них как у людей книжной культуры может быть совсем иное, чем у других крестьян, использование этих союзов. Речь старообрядцев была нами (совместно с Г. А. Бариновой и С. Е. Никитиной) записана в США, в штате Орегон, в октябре 1996 г. Затем мы записывали их речь в июне 1998 г. и в октябре 2001 г.

Большинство орегонских старообрядцев — выходцы (или их потомки) с Алтая или Приморья, Камчатки, Сахалина, бежавшие в Китай от преследований советской власти и осевшие в США в 1960-е годы. Их говор — среднерусский с многими севернорусскими чертами. В Китае они жили двумя группами: одни на северо-западе, в Синьцзяне (в американской старообрядческой среде их называют «синьцзянцами»), другие на северо-востоке в окрестностях Харбина (их называют «харбинцами»).

Меньшая часть орегонских старообрядцев — потомки донских казаков, бежавших в 1708 г. после разгрома Булавинского восстания на Кубань, а в 1740 г. в Турцию;

другая их группа осела в Добрудже, в устье Дуная, откуда некоторые в XIX в. также переселились в Турцию. Значительная часть живших в Турции старообрядцев в 1963 г. переехала в США. Их говор южнорусский. Называют их «турчанами» [см. Касаткин 1999: 328–361].

В результате прослушивания диалектного материала выяснилось, что в говорах европейской России союз и частица *a* представлены весьма широко, в то время как *но* встречается лишь в единичных случаях. В речи же старообрядцев *но* встречается довольно часто.

Союз *a* в диалектной речи может выступать в тех же значениях, которые встречаются и в литературном языке (союзу *a*, как и *но*, посвящена большая литература; см., в частности, [АГ 80, т. II: 621–623; Санников 1989: 168–177]).

3.1. Сопоставительное значение:

- 1) Раньше-то не разрешали, а тепере где хочешь коси (Арх.).
- 2) Хто говоря, что здесь, с Кяхты, а хто говоря, что военны принесли (Арх.).
- 3) Мати одна была, где она чё возьмёт?
- 4) А мы еще малы́ были (Арх.).
- 5) 4) Волнушка — она пригорка маленько, ее подольше мочим. А грузлы тоже сутки мочим (Кир.).
- 6) У них на Холном этот праздник справляют, а мы его не справляем, этот праздник (Кир.).
- 7) 6) Катаемся, дак не зябут ноги. Сначала попозябут, а после уже не слышим, что зябут ле, не зябут (Кир.).
- 8) 7) Вот эта нога больно болела лонись здорово, а нынче не болит (Кир.).
- 9) 8) На Рождество гадали там вот это, в кольцо смотрят, в зеркало смотрят, гадали всё. А я вот не знаю, не верила всё (Кир.).
- 10) 9) — А чем красили яйца? — В общем, у кого краска есть, а мы луковым пером (Кир.).
- 11) 10) Мужики, они в карты играют, там чё-нибудь своё у них, а мы опять тоже в своё (Кир.).
- 12) 11) У нас нет медведей. Леший овсяник был ходил осенью, а чичас нет в лесах-то (Кир.).
- 13) 12) Невестка старшая, а я молодая (Калуж.).
- 14) 13) Жижку так вот сольет свекровья-то, а куски в чашку (Калуж.).
- 15) 14) Как выскочила я, а ён, бригадир, на дороге (Калуж.).
- 16) 15) А что ж, этим всем всего, а я буду на одной воде? (Калуж.).
- 17) 16) «Готовься к операции»... То боялась, а дальше уже не стала (Калуж.).
- 18) 17) Я стою, глаза вылупила, думаю: «Что мне делать? Как мне?» А поезд прям ветром этим вжик, вжик! (Липецк.).

То же и в речи старообрядцев:

18) Жили мы на востоке, а эти были на западе, что ли, они вот тут эти, синьзянцы. 19) И что-то, то ли судорога стянула или что-то с сердцем. Закричал: «Я тону!» <...> А эти переплыли, значит, друзья. 20) Отец пошел в ту сторону, а сын пошел против. 21) (Я) не читал в церкви, а она (жена) читала. 22) Василий был бездетный, он уехал туда. А у Сидора несколько сыновей было, они щас живут некоторые в Киргизии, некоторые в Казахстане. 23) Раньше старались молодежь пойдут на фабрики это на швейные, а сейчас молодежь уже старается <...> работать в офисах, в конторах. 24) Одна (дочь) вышла за турчанина, <...> а две за синьзянцев. 25) Перво, значит, воевали против мы киргиз, а потом соединились с киргизами, когда <...> эти казаки пошли против коммунистов. 26) Это в нашем посёлке (так молотили), а в других посёлках <...> там сразу сваживали на гувно́ и молотили сразу. А у нас молотили зимáми.

3.2. Значение присоединения:

1) Кашу постну варили на воды, а молока не давали (Арх.). 2) Ведь отличная была церковь, а звон даже в Шестаково слышно, пятнадцать километров дак (Кир.). 3) Она мне эти деньги отдас дак, мы ж то соли купим, то спичек купим, еще карасин, ведь ланп (электрических) — этого не было. А карасину в ланпы опять купим (Кир.). 4) Дадуть тебе шубку, зипуник посулють, а ты ис Святэй и до заговин дóлбишь (Калуж.). 5) Он на почте работал, а им он сосед (Липецк.). 6) Недели две прошло, бах, а его забрали на хронт (Липецк.). 7) Семь годов у шахте отдюжила, а потом хвинская война пошла тут, и я приехала суды, испугалась войны (Липецк.).

В речи старообрядцев:

8) Их завезли в Америку, а тут эти молоканы очень это (агитировали). 9) Я приехал на свадьбу (свадьбу) как к другу, а потом познакомился. 10) Пахали на лошадях, сеяли хлеб руками, а потом боронили. 11) Солома падает на одну сторону колосом, а тогда идут и связывают ее в снопы. 12) (Индюков) мы не держали. А вот здесь у американцев много.

3.3. Значение несоответствия:

- 1) Один этот, знаешь, у нас район, а разное (Кир.).
- 2) Хромая была, не ходила, а зыбку-то качает (Кир.).
- 3) Я чула (слышала) скрозь три земли: у лесе забалакають, а я чую. А вот тобі — оглохла (Калуж.).
- 4) Сколько я пострадала в этой жизни, одна я знаю! И голодная, и холодная! А жива во! (Калуж.).
- 5) Заработать заработаешь, а как провезть? Провезть-то никак не провезёшь (Калуж.).
- 6) Мы хватились, а его уже не было (Липецк.).
- 7) Вот тебе, зиму ее оберегали-оберегали, обували-одевали, кормили-поили, а теперь она уходит, нас бросает. (Липецк.).
- 8) У колхозя работать работали, а давать ничего не давали (Липецк.).

В речи старообрядцев:

- 9) Мы здесь воюем, а наши семьи зорят (разоряют).
- 10) Так я бы знал, дак каждый день к тебе ходил там в гости. А я не знал.

3.4. В ряде случаев *а* соединяет следующую за ней часть с опущенной и подразумеваемой частью:

- 1) Нынче с зятем ходили по грибы и нашли поросуков этих, кабанов. Кабан-от выскочил, побежал, я за ним, думаю: чё это, где? А чичас одна хожу, не боюсь (Кир.). Здесь отношение сопоставления с подразумеваемым сказуемым: *Кабан-от выскочил, побежал, я за ним, думаю: чё это, где? *И испугалась.* А чичас одна хожу, не боюсь.
- 2) Мы побегли за ёлки, а его не было (Липецк.). Здесь отношение несоответствия ожидаемому и невысказанному в предложении: *Мы побегли за ёлки, *думая, что он там,* а его не было.
- 3) Приходим, а он дома (Липецк.). Здесь также отношение несоответствия ожидаемому и невысказанному в предложении: *Приходим, *думая, что его нет,* а он дома.

3.5. Как заметила чешская исследовательница З. Трёс-терова, *а* в русском языке нередко связано не с синтаксисом сложного предложения, а с синтаксисом текста. По ее мысли, *а* в этом случае — текстовый коннектор, знак «присоединения, добавления, вставления, введения

прямой речи и т. д.» [Трестерова 1993: 128]. Эта роль *a* как компонента синтаксиса текста была исследована на диалектном материале пермских говоров В. А. Мишлановым [Мишланов 1993].

На нашем материале это наблюдение полностью подтверждается. Мы отметили большое число случаев с инициальным *a*, связанным с переходом к новой теме. В утвердительных высказываниях:

- 1) *A* ведь я по сплаву-ту ходила, дак вот знаешь, осеней... (Кир.).
 - 2) *A* это опять после, корову зарезали, а из шкуры сапоги нашили (Кир.).
 - 3) *A* когда ехали в Бразилию, то некоторые проезжали, и их завезли <...> в Америку (Орегон).
 - 4) *A* учителя хороши были (Орегон).
- В вопросительных высказываниях:
- 5) *A* в Москвы-то у вас спокойно жить-то тепере? (Арх.).
 - 6) *A* как в магазине-то не ворует денег кто? (Арх.).
 - 7) *A* голоду-ту в Москвы нету? (Арх.).
 - 8) *A* дак ее пить? (Арх.).
 - 9) *A* хлеб у вас сколько стóбит? (Арх.).
 - 10) *A* вы на ферму хóдите? (Арх.).
 - 11) *A* после придешь? (Калуж.).
 - 12) Ну Иван-то стоить у воконушка, стукнул, он открыл: «Ну, товарищ Захаров, я вот привел девченок на работу-то, вы говорили, возьмете». — Он: «*A* куда ж? *A* где ж они?» (Липецк.).
 - 13) *A* вы, возможно, голодные ишшо? (Орегон).

Во всех этих случаях переход к новой теме выражается содержательно и интонационно. Однако *a*-коннектор может связывать и две части сложного предложения, которое соответственно оформляется и интонационно:

- 14) Слезли мы, а так, прямо, две линии идутъ (Липецк.).
 - 15) На себе ведь пахали. Пашут, а мы соберемся вот пять баб нас, и плуг держит один старик, а мы на веревках вот тенем (Кир.).
- Здесь первое *a* — тоже коннектор внутри сложного предложения.

3.6. Во многих случаях диалогические реплики вопрос-ответ связываются повтором начальной частицы *a*, и в таких случаях *a* становится как бы эхо-частицей:

- 1) Это в обед, *A* утром? — *A* утром мы идём, всё (Кир.); в речи старообрядцев:
- 2) *A* внуки есть? — *A* мнуки почти уже не говорят по-русски.
- 3) *A* семьи ваши где же

были? — А наши семьи остались на месте. 4) А чем вы питались тогда, когда шли? — А что Бог даст(т). 5) А как вы веяли? — А у нас, где в Алтае мы жили, там были веялки. 6) А клуня, это что? — А крыша такая.

3.7. Так же, как и в текстах литературного языка, исследованных Трёстеровой [1993: 129], в диалектах а широко используется для парцелляции текста. В речи старообрядцев:

1) Там, рядом, как раз это подле этого проходил императорский трахт. Вот здесе-ка Лоб-Нор, а здесь Кока-Нор, а императорский трахт... вот ты посмотришь на карте. 2) Там это, лето короткое, и осенью молотить нельзя было, обмолачивать. То, значит, его складали там в клады, а потом зимой, когда он застывал, он мёрзлый, стылый, молотили. А потом, когда весна приходила, то его весь пересушивали. 3) Сыновья, зятевья на фронте бьются, а тут давай расправляться с семейными. Нас семей тридцать собрали и сослали в этот, в Кульжу <...>. А тогда эти изменили. Значит, перешли на сторону этих казахов.

Мы полагаем, что во всех перечисленных выше случаях употребление союза и частицы а не отличает диалектную речь от литературной. Диалекты в этом отношении также не различаются между собой.

3.8. Однако возможно и особое употребление инициальной частицы а в диалектах.

В говоре д. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. мы отметили а при обращении:

1) Тогда малярией болела. Три раз на день забирала <...>. Пришла к фершалу: «Шо ты, Родина?» (Родина — фамилия информанта) — А родименький, да как же мне мучиться? 2) Бригадир мне: «Шо ты лежишь? Надо на работу итить!» — А Павлик, лежу!

В этом же говоре встретились следующие примеры:

3) Говорю: Скоко заплотите за веревку? — Полпуда. — Думаю: А быть по тому! 4) Эх, лапти худые, онучек нету, суконочек нету, кое-шо на ногу навэрнешь, а ладно, надо итить!

Отличие этих примеров от соответствующих литературных — интонационное: в говоре *a* произносится в обоих случаях без акцента и без паузы перед следующим словом. В письменной передаче литературного произношения таких примеров после *a* следовало бы поставить запятую. Такое *a* в литературном языке — междометие, тогда как в говоре — частица.

В говоре Верхней Золотицы Приморского р-на Архангельской обл. инициальная частица *a* может сближаться по функции с модальной частицей *да* литературного языка:

- 5) В Москве всё дорого. — А как не дорого! 6) А вы тоже берете молоко на ферме? — А брали. Раньше-то тоже там же.
7) — Может быть, она привезет? — А како там привезет!

4. Союз *но*, как уже сказано выше, широко употребителен в диалектной речи лишь в говорах старообрядцев. Объясняется это у старообрядцев ситуацией диглоссии, когда бытовая сфера жизни обслуживается диалектом, а религиозная — церковнославянским языком. Сами старообрядцы определяют эти две языковые системы как «гражданский» язык и церковный, считая их одним русским языком. У старообрядцев Орегона, живущих в иноязычном окружении, это восприятие церковнославянского и русского языков как одного языка, но распределенного по разным функциональным сферам, обусловлено еще и противопоставлением их английскому, оказывающему воздействие на родной язык. При этом церковнославянский язык осознается старообрядцами как более престижный, поэтому единицы этого языка легко могут переноситься в бытовую речь. Мы отмечали, например, такие лексические заимствования из церковнославянского, как *Дондеже не пошел в школу, хорошо говорил по-русски*; *Отроки играют в футбол* (впрочем, возможно, что отрок 'ребенок' — сохранение в диалекте исконно русского слова (см. [Фасмер, т. 3; Черных 1993; СРНГ, вып. 24]); *Ничего он не обрящет*; словообразовательные: *спонсырь*; фонетические: спорадическое употребление [γ] в речи старообрядцев среднерусов. Влиянием церковнославянского языка объясняется и появление в речи старообрядцев союза *но*.

4.1. В большинстве случаев *но* выступает в противительно-ограничительном значении:

- 1) А индеек не разводили? — Есть, есть. Но мы не держали.
- 2) Дедушка станет на коленки к вороху и в две лопаточки, пошёл (веять зерно). Но мы это уже ничего не видали.
- 3) А дома как ставили там? Деревянные были дома? Или нет? — Деревянные <...>. Но не везде были деревянные. Во многих местах были кирпичные.
- 4) Как от родителя я слышал, у их раньше углы обшивали тёсом, там их закрывали, то это можно было. Но тут если пять лет дом простоял, то это уже углы гнилые.
- 5) Было. Видал. Но очен редко. — Но я не видал.
- 6) Делали ешо (ещё) это, по сту снопов ложили. Просто как сразу для воза. Но я забыл, как называли. Было название. От отца слышал, что, значит, вот оне сложут его здесь, а потом, когда подъезжают на телеге, значит, постеляют палаточкю, чтоб зерно мимо не пало, и — на телегу. Но это он так нам показывал тольке, ино говорил, что это так называтца. Но тут не делали.
- 7) — А кто-нибудь из ваших вообще кончал колледж, вот из детей старообрядцев здешних в Орегоңе есть такие, да? — О, сейчас их сильно много. — Но они не ходят в русские колледжи, в американские. — Но их не так много колледжей.
- 8) Теперь уже на хмелю русских очень мало работает. А мексиканы... Но есть ишо русски-ти женщины работают-то. А что ягоды — теперь уже большинство мексиканы берут. Но токо женщины, которые мужья работают, так женщины дома наблюдают за рабочими.
- 9) — Так может быть, даже высекать-то (огонь) редко приходилось? — Но только може когда у кого потухнет. В этом примере *но* противопоставляет следующее за ним высказывание предполагаемому пропущенному члену: Да, приходилось, но...
- 10) И вот там речушка проходила, но она так маленькая. Здесь маленькая противопоставляется значению уменьшительности в слове речушка.

4.2. Гораздо реже встретилось нам *но* в противительно-уступительном значении:

- 1) Там, как бы сказать, наши не так уж шибко близкие, но родичи.
- 2) Одна вышла за турчанина <...>. Но оне, это,

согласие то наше, беспоповцев также. 3) Оне («турчане») говорят хорошо по-турецки, но мало ввели, очень мало (турецких слов в свой язык). 4) А в четвёртом классе учился, тут уж молодая учительница, но она ишло из этих, от старых учителей.

4.3. Всего одни пример отметили мы с но в противительно-возместительном значении:

А у нас спички не зажигают. Но у нас наждак стоит, тоже железяку подставят такую, и электрод пышет.

4.4. Редки примеры и с но в противительно-присоединительном значении:

1) Они поморсы <...>. Я ходил в йихну сэркву молиться. Но они уже службу служили на́двое <...>, по-тому что мо́лодежь уже переходила больше на английское, а старшие ишо по-русски. 2) Пробовали здесь по-русски учить. Значит, они сразу нам пошли навстречу, разрешили классы. Но учителей дают своих. 3) Знаете, форель или ленок, это такая горная, <...> с пётнышками рыба, но она хорóша. 4) В сёлах жили это украинцы эти, или хохлы ли. Но хорошие люди были, говорят. 5) Ейна сестра выходила взамуж, я жил в Кливеланде (Кливленде), а эти жили в Ниворке (Нью-Йорке). Но она только приехала с Югославии, ейна сестра выходила за моего друга.

5.1. В значении противопоставления в говорах может употребляться ну, которое в литературном языке квалифицируется как междометие или частица, а в диалектной речи может функционировать и как союз. В этом случае ну интонационно и акцентно не выделяется. Ср.:

1) Ой, така хороша была церква, ой. <...> Триста лет вот ей, этой церкви. Дак мы ведь... я деньги ещё платила. Ну правда, тем деньгам-то ещё платила (Кир.). 2) У меня был подкормок нынче, бык, продержала. Ну правда, я его дешёво сдала (Кир.). 3) — А обувка какая была? — Лапотичи. Ну были же у кого валенки, дак это носили получше-то люди-то дак (Кир.). 4) Ели плохо, кормили нас — пятисотка. Ну я ее не ела, пятисотку, я всегда двести грамм

добавошного получала (Кир.). 5) Так и жили все люди плохо. Но всё же которы-то маленько мужики на заработках, дак купят карасина-т, уж эку-ту лучину не жгли (Кир.). 6) Всё это там был, эти годы-то. Сколь не все, ну сколь-то был (Кир.). 7) Попадётся (женщина) в йихний (змеиный) у крух, не могить она никак выйтить. Даже вот на нэй (на змею) ступаеть, ей хотца е(е) перейтить, ну (о)на всё-таки перейдеть, ну кусать е(е) не кусаеть (Калуж.). 8) Девка на личность хорошая, ну маловата (Курск.). 9) А станция от посёлка далековато. Ну, с километр, а может, там больше, ну я не знаю точно. Ну далековато (Липецк.) (в значении противительного союза здесь только последнее *ну*). В речи старообрядцев: 10) Оне (дети) понимают по-русски, ну говорить очень чижало. 11) Насыпають, значит, землю, мешають с песком. Так, красные глины. Начинають околачивать. Она (печь) такая полусырая, ну не сырая. 12) Грядка ставилась, да? А тут как она крепилась? — От стены и до стены — Ну грядку делали, у кого полати есь. 13) Очень интересно тут это, славно. Ну это такая, как бы сказать, политика вот своего рода, что, может, они не так уж хорóши.

В некоторых случаях [у] в этом союзе можно было бы объяснить регрессивной ассимиляцией [о] звуку [у] в следующем слове:

14) Тяжельше было работать, ну лучше было, чем час (сейчас). 15) — А семьи ваши где же были? — А наши семьи остались на месте <...>. Ну у меня отца убили (в) сорок пятым году, а мать, ка(ж)ётся, в пятьдесят втором году уже уехала в Россию.

Однако *ну* вместо *но* может употребляться даже в одном и том же фрагменте текста и при наличии условий ассимиляции, и при их отсутствии:

16) Они («харбинцы») говорят: поехал по сено. Ну у нас говорили <...> по воду <...>, за сеном. Ну большинство говорили: по воду.

5.2. В речи старообрядцев встречается частица *но* в том значении, в котором в литературном языке употребляется

частица *ну*, — без значения противопоставления. В некоторых случаях [о] в этой частице может быть объяснено ассимиляцией [у] гласному неверхнего подъема в первом слове следующего слова:

- 1) — Умерла вот месяцев шесть-семь тому назад <...>. — Больше года. — Больше? Но о'кей, пушшай по-твоему.
- 2) — А вот если стоит несколько снопов рядом, это все вместе имело какое-то название? — Но вот кучи и суслоны.
- 3) А один (сын) опять женился это, шесть месяцев что ли они прожили. Но вот поедете, так посмотрите карточки.
- 4) — А скажите, пожалуйста, а внуков сколько у вас всего? — Ой, не сосчитать <...>. Наверно, сорок с лишним. Вот мы... Но вот, если заедем (ко мне домой), тогда... (можно посчитать по фотографиям).

Однако встречаются случаи употребления *но* в роли частицы без противительного значения и вне этих позиционных условий:

- 5) — А что в сених было? — Но [а]быкновенно что-нибудь, или вобувь оставляли, ишо такое вот. 6) Тонтам когда жили мы («харбинцы») на востоке, а эти были на западе, что ли, они вот тут эти синьцзянцы. Но не знаю как, а в России, ишо когда-то там деды или отцы, оне вместе там жили. 7) И что-то, то ли судорога стянула или что-то с сердцем, — закричал: «Я тону!» <...> А эти переплыли, значит, друзья: «Но ты, дескать, не пугай нас и, сказать, не балуйся». <...> Но и подплыли это.

Таким образом, употребление *но* и *ну* в русских говорах четко не разграничено. Возможно, это неразграничение восходит к глубокой древности (см. [Фасмер, т. 3: 77; Черных 1993, т. 1: 574; СЛРЯ XI—XVII вв., вып. 11: 392]).

6. Для выражения значений, присущих союзам *а* и *но*, в языке старообрядцев могут употребляться составные союзы *но а* и *а но*:

- I. *но а* — 1) Конечно, несколько семей их там коренных давно жили, на Дальнем Востоке. Но а многие уехали из этих краёв. 2) У Ксении сыновья, они все были в колледже, но а Дмитрий не был. 3) Ближе был Мудодзян город, но а

Харбин — это он был, как он раньше был международный город, и вообще-то много русских. 4) — Семнадцать километров по Кому до границы. — Но а там это на Кобе-то там скоко, километров сорок было, не больше? 5) А эти переплыли <...>. Но а потом видят, что он уже барахтается так <...>. 6) (Эта женщина) два-три месяца тому назад померла. Или в прошлом году? А дошь-то ещё жива, в Нью-Йорке. Но а эта женщина, скоко ей, наверно, было уже под девяносто лет уже, умерла вот месяцев шесть-семь тому назад.

II. а но — 7) А церковную грамоту учат они? — Да. — А но это (в)от толькё, так, отдельно. 8) (Дети) хай-скул кончают, а но колледжи-то не.

Существует мнение, что в литературном языке в *но а* союзом является только *но*, а *а* представляет собой «конкретизатор», который «не поддерживает собственно противительную семантику союза», а подчеркивает «добавочный, присоединительно-распространительный характер» значения [Русская грамматика, т. 2: 625]. В приведенных выше диалектных примерах именно *а* можно рассматривать как основную часть этого двучлена, тогда как *но* может сближаться по значению с частицей *ну*. Возможно, это *но* и является фонетической модификацией *ну*, в которой гласный понижен по подъему в результате регрессивной ассимиляции перед следующим *а*.

7. *Но* может не иметь противительного значения, а выступать в качестве коннектора — межфразовой прослойки. В этих случаях в литературном языке вместо *но* могла бы быть употреблена одна из частиц: *а*, *и*, *да* — либо частица могла бы вообще отсутствовать:

1) А когда ехали в Бразилию, <...> они пароходом ехали, да, первая группа, а их завезли в Америку. А тут эти молоканы очень это... Ну там по телевизору показывали, что беженцы, тому подобное это. Но встретили и очень подарки большие сделали это. Но кто, значит, здесь побывал, адреса набрали там. Но это, пожыли там, не шибко это так понравилось. Стали списываться, и потом, как спонсырь отсюда, и вот это... Сперва немного уехало, а потом,

значит, стали хвалить, что хорошо. Но действительно, тут хорошее место. 2) Я был сильно против вот Америки. — Почему? — Но видите, как бы сказать, страна роскошна, да это просто недопонимал. 3) — Вы говорите, у вас не величают по отчеству, да? — Но молодых не, не это... Так, может, пожилых только, а молодых нет. Просто на имя зовут и всё.

8. Но может употребляться и как эхо-частица:

— Но они понимают вас, когда вы говорите? — Но понимают.

9. В некоторых случаях *но* близко по значению к отрицательной частице нет:

1) — А Вера Краскова вам приходится родственницей? — По матери. — По матери, да? — Но, по мужу она приходится. По мужу. А мужева мать... Моя бабушка, родная отцова мать, и Вериня мужа мать сестры были. 2) — А дядя там жил ваш, да? — Но они жили тут, в этом, Казахстане.

В первом из этих примеров *но* интонационно выделено, представляет собой отдельную фонетическую синтагму. Во втором примере такого выделения нет, хотя значение отрицания очевидно. Возможно, такое употребление *но* вызвано влиянием на язык оregonских старообрядцев английского языка, которое мы отмечали на разных уровнях их языковой системы.

10. Наконец, было проверено несколько текстов, представляющих московское городское просторечие, с точки зрения употребления в них союза *но*. Тексты были записаны от четырех человек, малограмотных жителей Москвы в конце 1950-х годов С. С. Высотским. Исходя из книжного характера и происхождения союза *но* мы предполагали, что в речи носителей просторечия его функционирование не должно отличаться от того, что мы обнаружили в диалектной речи, т. е. этот союз должен бы употребляться крайне редко (либо вообще отсутствовать). Однако наше предположение не подтвердилось: *но* в про-

сторечии представлено с такой же частотой, как и в разговорной речи носителей литературного языка (см., например, [РРР. Тексты 1978]). Ср. следующие примеры:

- 1) Ему предлагали операцию, но он отказался делать операцию.
- 2) Я пробовала, но у меня не получалось.
- 3) Мы хотели с ним венчаться, но ничего муж не нашёл в Москве — ни кольца, ни уваль (вуаль).
- 4) — Крутом, наверно, домики маленькие были? — Были, но сейчас их мало стало.
- 5) — А какие там еще деревни рядом были? — Вязовки там есть, за Карачаровым, потом Выхино, но энти уже к графу Шереметьеву, а мы к Покровскому монастырю принадлежали.

В чем же здесь дело? Очевидно, имеет значение *стилистическое* различие между союзами *а* и *но*: второй скорее тяготеет к высокому стилю, тогда как первый — к разговорному. Даже фонетический облик союза *но*, который всегда произносится с качественно нередуцируемым *о*, т. е. с элементом оканья, — принадлежность высокого стиля. Ср. у Блока:

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла...

Попробуйте заменить *но* на *а* — какое снижение стиля и как интонационно это будет оформлено по-другому!

У носителей просторечия иное мировосприятие, чем у крестьян. Можно сказать, что у них есть стремление к *нобилизации* речи, с этим, по-видимому, и связано употребление в их речи элементов высокого стиля. Одним из элементов этого стиля и является союз *но*, который неосознанно используется в речи горожанами, относящимися к так называемым «городским низам».

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЕМАНТИКОЙ И СТАТУСОМ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С УСТУПИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

1. Неизбежность исследовательской логики привела к включению в круг проблем, связанных с сочинительностью, предложений со значением «уступительности». Наибольший интерес в этом смысле представил союз *хотя*, который (как будет показано далее) включается в высказывания, находящиеся в синтаксическом пространстве где-то между сочинением и подчинением¹.

Существующие работы по сложному предложению в русском языке непременно (и, как мы постараемся показать, несколько по-разному) связывают *хотя* с *хоть*. Поэтому, естественно, встал вопрос о функциональной тождественности этих двух лексем, о том, является ли их различие семантическим или стилистическим, или и тем и другим одновременно. В свою очередь решение этого вопроса требовало обращения к фактам истории языка, к попытке определить смысловые схождения и расхождения этих двух союзов (как и многих союзов, часто трудно таксономически отделяемых от так называемых «частиц»).

Таким образом, композиционно дальнейшее изложение состоит из следующих разделов:

- некоторой исходной теоретической преамбулы;
- обсуждения вопроса о сочинительной или подчинительной сущности сложных предложений с *хотя* и *хоть*, т. е. обсуждения вопроса об их лингвистическом статусе;

¹ Некоторые предварительные наблюдения авторов по данной теме представлены в их публикациях и выступлениях: [Фужерон 1997; Фужерон 1998; Николаева 1999].

— обсуждения проблемы наличия или отсутствия противительного союза *но* в предложениях с *хотя* и *хоть*;

— попытки сформулировать основные функционально-семантические различия употребления *хотя* и *хоть* в синхронии и диахронии²;

— обсуждения проблемы функционально-семантического статуса «расширителей» этих лексем, вроде *и*, *бы*, *будет* и т. д.;

— обсуждения возможных гипотез о генезисе *хоть* как отдельной лексемы.

1.1. Изучение функционирования в славянских языках некоторого особого коммуникативного фонда, который мы условно называем «партикульным набором», привело к выводам, которые нужно предварительно эксплицировать (подробно об этом см. [Николаева 1985]). А именно: на определенном этапе развития языка все лексемы коммуникативного фонда (частицы, союзы, междометия, местоимения, местоименные наречия и под.), в отличие от знаменательных слов-аппелятивов, могут быть описаны через порождающую комбинаторную грамматику, где исходными компонентами являются либо моновокальные единицы (*а*, *о*, *у*, *и*, *е*), либо комбинации вокалов с прикрывающим их инициальным консонантом: *ли*, *бо*, *да*, *къ*, *тъ* и многие другие.

Получаются комбинации типа *и + бо*, *ли + бо*, *и + ли*, *е[je] + же + ли*, *у + же*, *у + бо*, *къ + то*, *та + къ* и под., даже протяженные типа *не + у + же + ли*. К таким комбинациям восходят и наречия типа *здесь*, *там*, *тут* и под. Условно эти порождающие возможности были названы «конструктором». Как правило, фонетика этих партикулярных единиц довольно проста: V, VC, V/c/. На уровне кодификации такие комбинации партикул могут представлять в одних языках контактно и графически слитно, а в других как дистантные и графически отдельные компоненты, см., например, болгарское *дали* (*да + ли*) и русское *Да идешь ли ты?*, где *да* и *ли*

² На самом деле, как будет показано далее, в игру оказались вовлеченными не две лексемы, а три: *хотя*, *хоти* и *хоть*.

дистантны. Одни и те же генетически партикулы и партикулярные комплексы могут по-разному функционировать в родственных языках: либо как междометия, либо как частицы, либо как союзы. Это относится и к корреляции между литературным языком и диалектными употреблениями. Так, например, Р. Ф. Касаткиной и Л. Л. Касаткину принадлежит важное наблюдение о том, что в русских диалектах *ну* (междометие в литературном языке) функционирует в качестве противительного союза, то есть как литературное *но* [Касаткин, Касаткина 1997], которое в свою очередь в диалектах мало употребительно. Простые по составу партикулы могут быть функционально синонимичны составным, например, русское *да* и чешское *a + no*. Возможна синонимия комплексов, например, литературное *даже* (*да + же*) и нелитературное *ажно* (*a + ж/e/ + но*), где *a* и *но* соотносятся с *да*, а *же* = *ж*. Важна, таким образом, идея, что даже в одном языке и одном стиле отделить союз от частицы, а частицу от междометия бывает не всегда возможно. Так, В. В. Виноградов, говоря о союзе *хотя*, пишет, что круг значений этого союза и его дублета *хоть* суживается тем, что они «являются одновременно и союзами, и уступительно-ограничительными частицами» [Виноградов 1972: 537]. А. М. Пешковский, анализируя союз *хотя*, приводит пример *Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*, где, по общей классификации, *хоть* является частицей [Пешковский 1956: 489].

Все эти комбинаторные порождения можно уподобить и калейдоскопу, где разнообразные «картинки» создаются небольшим числом исходных простых фигур. Интересно при этом следующее. Находящаяся в распоряжении Т. М. Николаевой программа порождения всех возможных комбинаций из 10 инициальных компонентов от 2 до 4 составляющих дает общее число около 5000 вариантов. Однако реальные языки используют небольшое количество таких комбинаций. При этом важно, что порождение по этому «конструктору», как видно, далеко не исчерпавшее себя, вдруг прекращается, и языки начинают использовать для коммуникативных целей «застывшие» формы знамена-

тельных слов типа *пусть, пускай, буде, несмотря* и под. Явление это отмечено для всех славянских языков (вероятно, и не только для них). Стимулирующим для будущих исследований является выяснение причин этого процесса.

Однако, по нашему мнению, интересно и то, что процесс порождения «партикульных» комбинаций при этом не останавливается, и новые квазипартикулы начинают вовлекаться в этот процесс комбинаций и рекомбинаций.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам. Так, неясно, например, как трактовать в этом свете *хоть + и, хотя + бы* — как единый комплекс или как сочетание лексем? Далее, в частности, мы остановимся на параллелизме в древнерусском *хоти... ино* (теперь не употребляющееся). Имеем ли мы дело здесь с перераспределением *хоти + и + но, и* — тем самым — все с тем же известным сочетанием *хоть + и*, или здесь необходима другая трактовка?

1.2. Второй, необходимой для преамбулы, исходной установкой является мысль о том, что сложные предложения (как сложносочиненные, так и сложноподчиненные) не раскладываются по отдельным функциональным «полочкам»: условные, уступительные, временные, определительные и под., а располагаются в сфере синтаксиса по полевому принципу, создавая крупные семантические «узлы», где смысловые и синонимические связи оказываются очень сильными. Так оказываются связанными отношения причинности, условности, противительности и интересующей нас уступительности. Недаром уступительность именуется «обратной обусловленностью» и совершаемые действия противоречат этой обусловленности. Поэтому так же в таксономическом плане затруднительно сказать, имеем ли мы дело в высказываниях типа *Хоть Вы и умный человек, но в данном случае я с Вами не согласен* с комбинацией двух синтаксических смыслов: 1) *А — но — В + 2) Хоть А — В* или же с единой уступительно-противительной моделью. О подобной связанности по полевому принципу категории уступительности говорится во всех «фундаментальных» грамматиках русского языка [АГ 1954; АГ 70; АГ 80], но наиболее подробно

это разработано и сформулировано В. Б. Евтюхиным в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса — обусловленности».

Кроме того, при анализе функций союза необходимо помнить, что внутренняя семантика соединяемых союзом предложений небезразлична для интерпретации общего смысла высказывания (но может быть и безразлична!). Так в бессоюзном *Чин следовал ему — он службу вдруг оставил!* семантика уступительности обеспечивается и без союза, в сочетании же двух предложений: *Папа болеет, мама уезжает в командировку*, только союз может обеспечить верную интерпретацию соотношения этих событий. В монографии [Николаева 1969] выводятся правила иерархического доминирования для союзных и бессоюзных сложных предложений у трех показателей: союза (С), лексического состава (Л) и знака препинания (ЗП)³.

1.3. Важно подчеркнуть далее, что собственно уступительные отношения и союзы *хотя и хоть* в этом значении возникли довольно поздно⁴, но на более раннем этапе в древнерусском языке использовался союз *аще*, имевший условно-уступительное значение (подробно об этом см. [Лавров 1941]). В некоторых текстах, как пишет Лавров, союз *аще* имеет почти всегда уступительное значение, а

³ С. А. Шувалова в статье «Сложное предложение» вводит удачное понятие «фразеологизированных схем» для сложного предложения, когда в одной из его частей выступает «полностью или частично опустошенный лексический элемент» типа *Не успел...*, *Стоило...* и под., практически стоящий на грани лексических единиц и союзов [Шувалова 1997: 513].

⁴ В настоящей работе мы пользуемся терминами уступительность и уступительные союзы. Однако изучение литературы по этому вопросу неожиданно продемонстрировало, что в петербургских (ленинградских) исследованиях используется термин *уступка* (аналогично — условию), в других же российских трудах этот термин не применяется.

условные функции выполняет *буде* [Лавров 1941: 118]. (О происхождении современных *хотя*, *хоть* и древнерусского *хоти* будет подробно говориться далее.) Известно, однако, что союз *хотя* использовался еще в «Русской правде» [Кухаревич 1955].

2. Являются ли уступительные союзы *хотя* (*хоть*) союзами подчинительными или сочинительными — вопрос, поднимавшийся многократно на страницах грамматических описаний, хотя сам термин «придаточное предложение» впервые встречается у русских грамматистов первой половины XIX века: А. Х. Востокова в «Русской грамматике» (1831 г.) и Н. И. Греча в «Практической русской грамматике» (1834 г.)⁵. В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 555] возводит возникновение этой таксономической неразрешенности в описании к трудам Д. Н. Овсяннико-Куликовского [Овсяннико-Куликовский 1912], который относил уступительные союзы к сочинительным. Перечень основных точек зрения по этому поводу приводится в широко известной работе С. Ильенко [Ильенко 1966]. Однако тенденция относить уступительные предложения к сложноподчиненным все же является более общепринятой⁶. Попытку выйти из этой таксономической затрудненности делает Н. Е. Кухаревич [Кухаревич 1955]. Единственный выход из многочисленных тупиковых вариантов квалификации уступительных предложений автор видит в расчлененном описании каждой из конструкций со значением уступительности, когда дается «дифференцированный подход» с модификациями метаописания. Своеобразный подход предлагается в кандидатской диссертации Н. П. Перфильевой [Перфильева 1984]. Н. П. Перфильева предлагает ввести в синтаксический обиход особый вид синтаксических структур — УПК (уступительно-противительные конструкции) и рассматривать их в виде особого класса, поскольку «семантика УПК гораздо слож-

⁵ Используются данные из монографии: [Валгина 1971: 289 и далее], где автором подробно излагается история вопроса.

⁶ К сожалению, нам не удалось ознакомиться со статьей В. Павловского [Павловский 1911].

нее смысловой структуры как уступительных, так и противительных конструкций, и отношения, которые складываются в УПК, являют собой результат взаимодействия уступительных и противительных отношений» [Перфильева 1984: 12]. Таким образом, подходы Кухаревич и Перфильевой как бы противоположны. В некотором смысле идеи Н. П. Перфильевой и Н. Е. Кухаревич оказываются объединенными в подходе Р. М. Теремовой, монография которой является в настоящее время основной специальной работой, посвященной проблемам уступительных корреляций [Теремова 1986]. По идее Р. М. Теремовой, «структура уступительной конструкции очень сложна». Она формируется четырьмя семантическими компонентами, комбинации которых определяют каждый подвид уступительного высказывания. Эти компоненты следующие: 1) У (П 1) — уступительный компонент, событие-уступка, недействительное основание, 2) С 1 — ожидаемое на основании П 1 следствие, 3) П 2 — превосходящая причина, 4) С (С2) — следственный компонент, фактическое следствие. По мнению Р. М. Теремовой: «Уступительная ситуация в полной мере иллюстрирует тезис о том, что значение сложного предложения — это не сумма смыслов, а качественно новый смысл, возникающий в результате взаимодействия семантических компонентов» [Теремова 1986: 5]. Ранее А. В. Богомоловой [Богомолова 1955] также высказывалась мысль о полном представлении отношения уступительности как триады: препятствие в придаточном — действие в главном — некая причина, превосходящая препятствие в придаточном: *И хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца* [(Горький) пример А. В. Богомоловой⁷]. Разумеется, в настоящее время наиболее значительной работой по семантике, анализу категориального статуса и интерпре-

⁷ Небезынтересно отметить, что именно этот пример проходит практически через все работы, посвященные категории уступительности, однако часто он представляется бинарно, хотя именно его эксплицитная трехчленность является более интересной для синтаксиста.

тации текстовой нагруженности сложных предложений является монография М. В. Ляпон [Ляпон 1986], где уступительность и ее проблематика вписываются в рамки общей концепции автора.

Согласно точке зрения М. В. Ляпон, в «чистом виде» уступительный принцип эксплицирован союзом *несмотря на то, что* и его семантическими эквивалентами. Интересующие нас «союзы» *хотя* и *хоть* она называет «релятивами неаналитической структуры» [Ляпон 1986: 139] и считает, что они используются как модификаторы собственно-уступительных отношений. В большой степени, по мнению М. В. Ляпон, при этих релятивах играет роль контекст (см. выше ссылки на работу [Николаева 1969]), а там, где смысл не подтверждается контекстом, релятив не дает оснований для квалификации сообщения как уступительного, то есть содержащего «отвергнутое основание»: например, *Хороши такие летние туманные дни, хотя охотники их не любят (И. Тургенев)* [Ляпон 1986: 139].

Однако, несмотря на то, что в 1986 году вышли такие фундаментальные работы, как книги М. В. Ляпон и Р. В. Теремовой, статус уступительных предложений по-прежнему остается неопределенным.

Так, если обратиться к энциклопедическим статьям самого последнего времени, мы видим, что С. А. Шувалова в статье «Сложное предложение» в Энциклопедии «Русский язык» пишет: «В некоторых случаях провести разграничение между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением не удастся, поскольку в сфере сложного предложения отсутствует резкая граница между сочинительной и подчинительной связью» [Шувалова 1997: 513]. Пример С. А. Шуваловой — именно уступительное предложение: *Хотя уже стемнело, но люди не расходились*. Разумеется, осторожная формулировка С. А. Шуваловой диктуется именно проблемами самих уступительных предложений.

2.1. Существуют в литературе и формальные способы различения конструкций сочинения и подчинения. Так, А. М. Пешковский, обращаясь к разработанному им и

ставшему широко известным критерию обратимости для сочинения и необратимости для подчинения, пишет о том, что при перестановке соединяемых противительным союзом членов «обратимости» мешает наличие семантики уступительного характера. Один из его примеров:

Грядущие годы таятся во мгле,
Но вижу твой жребий на светлом челе,

где оказывается невозможным:

Вижу твой жребий на светлом челе,
Но грядущие годы таятся во мгле,

в отличие от структур типа *Он строг, но справедлив* и *Он справедлив, но строг*. А. М. Пешковский пишет, что «при перестановке таких предложений необходимо противительный союз заменить уступительным» [Пешковский 1959]. Получается:

Вижу твой жребий на светлом челе,
Хотя грядущие годы таятся во мгле.

Однако при этом остается неясным ряд вопросов. А именно: что мы при этом делаем: переходим от сочинения к подчинению? заменяем союзы и делаем позиционную перестановку? уловив уступительность в структуре первого предложения, эксплицируем ее в виде союза?

2.2. Возможно, имеет смысл еще раз обратиться к формальному критерию, предложенному С. И. Карцевским в его известной работе «Deux propositions dans un seule phrase» [Karcevski 2000: 195–210]. По мнению С. И. Карцевского, отношения подчинения бывают представлены формулами t/k и k/t . Показатели эти местоименного характера. (Возвращаясь к сказанному выше, можем сказать, что они восходят к устройству, названному нами выше «конструктором».) Если отвлечься от уступительных структур, то неместоименного происхождения, как и они, и союз *если* (он смешанного характера: из *есть* + *ли*).

Таким образом, к уступительным предложениям неприемима ни одна из формул С. И. Карцевского. А именно:

а) союз *хотя* не местоименного, а глагольного происхождения,

б) на месте указательного местоимения серии *t* оказывается союз — показатель **сочинительной** связи (*Хотя она была богатой невестой, но всю жизнь прожила одна*).

в) С. И. Карцевский отмечает, что, кроме предложений с условным придаточным, нормативной, немаркированной является формула *t/k*, а формула *k/t* — это формула окрашенная, экспрессивная. И действительно, примеры типа *Ты куда собираешься?* — *Куда я собираюсь, тебя не касается* — эмоционально окрашены. Не случайно именно формула *k/t* выступает во фразах афористических, гномического характера, лозунгах и под.:

Кто не работает, тот не ест!

Кто не с нами, тот против нас!

Кого люблю, того и бью и т. д.

Именно для уступительных структур (подробнее об этом далее) характерна препозиция части с союзом *хотя*.

г) Многие лингвисты (в том числе Карцевский и Пешковский) приравнивали характеристики подчинения к отношениям между определяющим и определяемым в простом предложении. В уступительных предложениях эти отношения констатировать труднее. Например, *Хотя ничего не решено окончательно, мы, наверно, поедем в Париж* (Б. Пастернак); *Хотя в денежном выражении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе* («Судьбы людей». М., 1996). Такие высказывания легко превращаются в сочиненные, где отношения подчинения отсутствуют.

д) Уступительные предложения легко парцеллируются, уступительная часть выделяется в отдельное, самостоятельное предложение: *Назаров оказал медвежью услугу, предложив Володьке (роль) Рябого. А тому не надо было соглашаться. Хотя я, кажется, неправ* (В. Золотухин). В такой функции, как можно представить, не выступают придаточные «классического толка».

Таким образом, можно констатировать, что лишь неотторжимость союза *хотя* от вводимой им части сви-

детельствует в пользу отнесения уступительных сложных предложений к подчинительным. В этом отношении целесообразно привести высказывания В. А. Белошапковой, много занимавшейся общими вопросами сочинения и подчинения: «Таким образом, существует порочный круг: в качестве основания для установления или наличия синтаксической зависимости (сочинение/подчинение) выдвигаются определенные группы союзов, а в качестве основания для деления союзов на эти группы — отсутствие или наличие синтаксической зависимости между компонентами предложения, соединяемыми союзами» [Белошапкива 1967: 87].

Это еще раз подтверждает гибридность статуса предложений с уступительными союзами, наличие в синтаксисе зоны, пограничной между сочинением и подчинением. (В. А. Белошапкива квалифицирует уступительные предложения как расчлененные предложения гибкой структуры [Белошапкива 1967: 126], то есть и в ее классификации имплицитно скрывается мысль о гибридности уступительности).

3. Как объяснить, если идти далее, тот факт, что *хотя*, как будто бы само по себе достаточное для выражения уступительной семантики, иногда обязательно требует присутствия *но*, иногда *но* является факультативным, а иногда даже излишним?

Известно, что предложения с *но* в меньшей степени зависят от контекста, чем предложения подчинения, хотя внутри таких предложений именно часть, вводимая через *но*, оказывается самой важной и весомой [Санников 1989]. См.: *Она работает хорошо, но медленно. Нам такая скорость будет мешать. И — Она работает медленно, но хорошо. Мы возьмем ее на работу.*

Что касается сложного предложения с *хотя*, то чаще всего его семантика базируется на чем-то уже известном, на каком-то знании, на пресуппозиции, на обращенности к предыдущему контексту. Можно предположить, что придаточное уступительное в препозиции более значимо, более информативно, чем в постпозиции. Постпозитивное

предложение семантически ослаблено, часто является заключительной прибавкой, после которой контекст уже не разворачивается:

Со мной было двое парней, один из них все пытался бакалавра сдать, хотя ему было, наверное, года двадцать два или двадцать три (*из устного разговора*);

И это на деньги отца мать торжественно делает раз в месяц пельмени — кушанье, которое я жадно люблю и которого всегда нетерпеливо ожидаю, хотя мне известно, что его можно есть только однажды в месяц, «после двадцатого» (*Ф. Шалапин*);

Я совсем ошалел от «Огненного ангела», это самый совершенный русский роман, хотя, конечно, у Достоевского отдельные места ярче (*письмо С. М. Соловьева*);

Путешественники были одеты по последней парижской моде, даже бороды у мужчин были подстрижены на французский манер <...> Сидели они за столиком с остатками ужина и небранной еще посудой и попивали красное вино. Около них на полу лежал их ручной багаж <...> Мужчины были невеселы, хотя перед ними и стояли три опорожненные бутылки из-под красного вина и на половину отпитый графинчик коньяку. Они были слишком утомлены большим переездом из Парижа в Марсель и разговаривали, позевывая (*Н. Лейкин*).

Видно, как в последнем примере информация, вводимая через *но*, является как бы «случайной». Таким образом, при постпозиции *но*, смысловым центром становится инициальная, то есть подчеркнутая позиция «главного», и ее нет необходимости еще раз эксплицитировать через *но*.

Можно предположить в качестве гипотезы, что *но* вводится в тех случаях, когда придаточное и главное имеют одно и то же подлежащее, которое часто элиминируется и как бы «возвышается» введением *но*.

— Ври, ври больше! Никакой даже и губернии Апельсинской нет. Апельсины только в Италии растут.

— Ну, тебе и книги в руки. Ведь нам в сущности все равно. Я хоть в коммерческом училище тоже два года проучился, и географию мы учили, но до южных стран не дошел, и отец взял меня оттуда (*Н. Лейкин*).

Там же, где в главном и придаточном в уступительных структурах подлежащие разные, но часто отсутствует⁸.

Хотя подготовка реформы действительно началась до революции, последняя точка в этой дискуссии была поставлена искусственно («Русская мысль»);

И хотя уже давно мимо вагонного окна разворачивались поля <...> Франц еще ощущал, как отъезжает городишко, где он прожил двадцать лет (В. Набоков);

Хотя в денежном отношении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе («Судьбы людей»).

Отсутствие союза *но* отмечается и в тех случаях, когда синтаксические структуры придаточного и главного предложений не являются параллельными, например, стыкуются безличное придаточное и личная форма в главном предложении:

Антонина прирабатывала к его пенсии шитьем. И хотя ему было это не по душе, он никогда с ней об этом не заговаривал (В. Максимов);

В духовном хоре, где я пел, был симпатичный юноша Панкратьев. Хотя ему было уже семнадцать лет, он пел еще дискантом (Ф. Шаляпин).

В каких же случаях *но* присутствует и тогда, когда и в главном, и в придаточном подлежащие разные? Можно предположить, что оно выделяет тему во втором предложении, подобно тому, как это делает союз *а* в противительных конструкциях:

Отец уже ездил смотреть квартиру, а я / поеду завтра;

— Ты отделалась?

— Комната убрана, а кухня / еще грязная.

⁸ Авторы отлично понимают, что в принципе можно употребить и *но* в подобных случаях, однако, как представляется, возможна уже и такая исследовательская оптика, когда о родном языке сообщается не в категории: можно/нельзя, а в категории: это скорее будет так, а не так.

Ср.:

Марко должен был со временем стать правителем всего королевства, но Антонио / не хотел подчиняться своему старшему брату (*В. Брюсов*).

Введение *но* в таких конструкциях может влиять на порядок слов в главном предложении, а именно: тема выделяется также и позиционно:

Хотя шел дождь /, мы поехали на дачу.

Ср.:

Хотя шел дождь, но на дачу / мы поехали.

Актуализируются через *но* и тематические выделяемые обстоятельства с семантикой противопоставления:

Хотя я не люблю дождь, но иногда / именно в дождливую погоду меня тянет погулять;

У сапожника Андреева я сразу попал в тиски. Хотя я умел сучить щетину и точить, но здесь / меня заставили мыть пол, ставить и чистить самовары <...> и вообще началась каторга (*Ф. Шаляпин*);

[Гамбринус]. Так называлась пивная в бойком портовом городе на юге России. Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, но найти ее / было довольно трудно, благодаря ее подземному расположению. Часто посетитель <...> умудрялся миновать ее (*А. Куприн*).

Возможно, что при отсутствии *но* порядок слов был бы иным:

Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, ее было довольно трудно найти, благодаря ее подземному расположению.

Таким образом *но* в подобных примерах может выполнять функцию, сходную с функцией союза *а*, который, как отмечалось в ряде работ *И. Фужерон* [Fougeon 1987 и др.], членит второе предложение на тему и рему, тогда как первое оказывается нечленимым. Эти синтактико-интонационные наблюдения соотносятся с

общей идеей И. Фужерон, которая, вслед за Ж.-Ш. Перро [Perrot 1971], не принимает существования структур: R—T | T—R, а считает первую часть цельной, а вторую — приложением к ней. Тогда противительные союзы членят вторую часть.

4. Выше говорилось о том, что авторы попытались найти (обнаружить) семантико-функциональные различия уступительных союзов *хотя* и *хоть*.

Квалифицируются эти союзы в литературе по-разному. Существуют следующие варианты:

1) *Хотя* (*хоть*). То есть тем самым они объявляются полностью синонимичными.

2) *Хотя* (разг. *хоть*). Здесь *хоть* объявляется стилистическим (или стилистико-функциональным?) вариантом.

3) *Хотя*, *хоть*... Таким способом они объявляются разными союзами, но об их различии как правило не сообщается и в дальнейшем они фигурируют именно такой сдвоенной парой.

Существует мнение, что *хоть* — феномен фольклора: пословиц, былин, поговорок. Не исключает его и трактовка *хоть* как фактора ритмического, как бы «краткого» односложного варианта *хотя*. Наконец, *хоть* считается признаком несколько простонародного употребления. И, разумеется, все эти наблюдения справедливы.

По поводу функциональных различий *хотя* и *хоть* существует публикация Н. П. Перфильевой [Перфильева 1977]. Автор ощущает отсутствие обоснований для объявления *хоть* «фонетическим» вариантом от *хотя* и обследует составленную ей картотеку из 220 примеров сплошной выборки (художественная литература XIX и XX в.). Кратко ее выводы можно характеризовать так, что *хоть* чаще встречается в «нереально-уступительных» конструкциях, а *хотя* — в «реально-уступительных» и сопоставительно-противительных. Кроме того, *хоть*, по ее мнению, ближе к частице, выполняя ограничительную функцию, и потому — это таксономически гибридная лексема, а *хотя* — ближе к собственно союзу. Тем самым «функционалы *хотя* и *хоть* не являются вариантами» [Перфильева 1977: 69].

И все же функциональные различия этих союзов, именно как союзов, ощущаются и в современном русском литературном языке⁹.

Например, скорее всего будет сказано: *Хоть Вы меня всегда и обижали, а я к Вам все равно хорошо отношусь* (но не *хотя*); *Он подолгу оставался на работе, хотя у него и дома были все условия* (не *хоть*). *Она какая-то нескладная, хоть и красавица* (скорее *хоть*, а не *хотя*); *Я продолжал бежать, хотя силы уже иссякали* (здесь вряд ли *хоть*).

Можно предположить, что *хотя* до сих пор сохраняет свою исходную функцию быть деепричастием (причастием) настоящего времени от глагола *хотеть*¹⁰. Иначе говоря, *хотя* стремится передавать **параллельные** акциональные процессы, состояния, поступки.

Тогда естественно предположить, что *хоть* связывается с иной сферой временного статуса. Действительно, *хоть* передает, как правило, состояние статальное, как бы извечный статус, или статус сегодняшнего дня, но не действие в настоящем, наконец, этот союз передает действие, совершенное в прошлом, или даже действие, предполагаемое в будущем.

См., например, прекрасно иллюстрирующий этот тезис пример из «Моцарта и Сальери» Пушкина:

И никогда на шопот искушенья
Не преклонился я,
Хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко.

Здесь очевидно постоянство признака в первом случае — с *хоть* и одновременность состояния двух акциональных феноменов во втором — с *хотя*.

⁹ Еще раз напоминаем о том, что речь будет идти не о невозможности/возможности, а о некоторой обнаруживаемой тенденции употребления этих союзов.

¹⁰ О существующих неясностях в определении происхождения союза *хоть* будет говорить далее.

Итак, *хоть* как бы отходит от неопределенности сейчас свершающегося события, в отличие от совпадающего с ним по времени *хотя*.

Поэтому именно *хоть* гораздо чаще сопрягается с *и*, которое уводит восприятие от настоящего момента, переводя происходящий факт в сферу известности, определенности, некоторой анафоричности: *Утро было светлое, хоть и холодное*.

Подобное *и* связано с категорией определенности, известности, так что высказывалось даже предположение, что такое русское *и* можно считать (условно!) чем-то вроде «определенного артикля» при глаголе [Николаева 1985: 113]. Например,

— А Вы бы поискали это в «Доме книги»!

— Я и был там. (*Или* — Я там и был).

Необходимо заметить, что здесь еще раз встает проблема требования/нетребования дистантности или контактности при квалификации лексемы как цельного единства. Иначе говоря, если завтра будет принято решение о слитном написании с частицей *бы*, то тут же — как естественный факт — возникнет союз-частица *хоть бы*, подобно *даже* или *неужели*. Поэтому не так просто ответить на вопрос, не существует ли как цельность союз *хоть и* (и даже *хоть и*) или это все-таки комбинация двух союзов. К этому же кругу проблем относится и вопрос (более остро он встанет ниже, при обсуждении древнерусских данных) о синонимии союзных лексем с «распространителями» и без них. В частности, очевидно, что и *хоть*, и *хотя* в сочетании с существительными конкретного значения имеют семантику минимизации, однако они не противопоставлены друг другу «прямо», то есть нельзя сказать: *Дайте хоть кусок хлеба* vs *Дайте хотя кусок хлеба*, но *хоть* в таких конструкциях противостоит *хоть бы*, то есть *хотя* с распространителем *бы*. Семантическое противопоставление в этом случае, как представляется, следующее: *Хоть* ориентировано на ноль, на возможную опасность не получить ничего, а *хоть бы* — на некий исходный, но ожидаемый минимум с надеждой на нечто

большее. То есть *Дайте хоть два рубля* имеет в пресуппозиции: если у Вас так плохо с деньгами, и Вы не хотите ничего давать, а *Дайте хотя бы два рубля* подразумевает: а если больше, то было бы еще лучше.

4.1. В свете всего вышесказанного важно отметить, что сформулированная выше функциональная дистрибуция примеров с *хоть* и *хотя* вполне отчетливо просматривается в наших «академических» грамматиках русского языка, однако, по нашим наблюдениям, на это ранее просто не обращали внимания.

Например (используем приведенные там данные):

Я обрадовался, увидев родной город, *хоть* и неласков он был ко мне (*Ф. Шаляпин*) — известное предшествующее состояние;

Иван Степанович, *хоть* и был инструктором по спорту на этой гимназической площадке, был все же в преподавательском персонале и ходил в учительской тужурке и фуражке (*Ю. Олеша*) — постоянный статус персонажа.

Вы *хоть* и мастер угадывать, однако же ошиблись (*Ф. Достоевский*) — также известный постоянный статус.

Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно.

На сей однако ж раз послушал их Зевес (*И. Крылов*) — известное постоянное свойство богов.

Приведем примеры на *хотя*:

Ей пробовали рассказать, что говорил доктор, но оказалось, что, *хотя* доктор и говорил очень складно и долго, никак нельзя было точно передать того, что он сказал (*Л. Толстой*) — одновременный процесс речи и непонимания.

Мой репертуар стал казаться мне заигранным, неинтересным, *хотя* я и продолжал работать, стараясь внести в каждую роль что-то новое (*Ф. Шаляпин*) — одновременность акции и внутреннего состояния.

Учился он порядочно, *хотя* часто ленился (*И. Тургенев*) — одновременность протекания акциональных процессов.

Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми (*В. Короленко*) — одновременность двух состояний.

Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда (*М. Горький*) — одновременность двух процессов.

Хотя в комнате были только эти двое товарищей — друзей, начальник артиллерии со всей военной выправкой подошел, остановился и рапортовал о предварительном исполнении приказа (А. Толстой) — одновременность действия и состояния.

Можно ли, отметив подобную тенденцию, тут же фиксировать случаи контрпримеров, то есть случаев, когда эти союзы употребляются не так, как мы предположили выше? Разумеется, можно.

Прежде всего большая краткость *хоть*, его неоспариваемая «разговорность», ведет к его предпочтительному использованию в кратких поэтических жанрах, особенно — в баснях, эпиграммах, частушках и под. При этом нужно учитывать и иные, чем у *хотя*, ритмические возможности *хоть*: двусложное слово vs односложное. Например, у И. А. Крылова: *Хоть видит око, да зуб неймет* — при несомненной одновременности действия *хоть* обеспечивает ритмический рисунок.

Кроме того, *хотя* — слово более протяженное и более «книжное» — является более предпочтительным у писателей при описаниях разного типа, при рассказе о разворачивающихся событиях и т. д. Несомненно, что деловой язык предпочитает именно *хотя* (возможно, и из-за своей большей ориентированности на «презентное» состояние).

Таким образом, целесообразнее говорить не о семантической оппозиции этих двух союзов, а о тяготении каждого из них к разным полюсам некоей общей семантической шкалы.

5. В связи со всем вышесказанным было существенно понять пути эволюции *хотя* и *хоть* в диахронии, а также их схождения и расхождения на разных этапах истории русского языка. В Словаре И. Срезневского анализируется только *хотя*¹¹. Словарь русского языка XI–XVII вв., издаваемый Институтом русского языка РАН, и Словарь русского языка XVIII в., издаваемый Институтом лингвистических исследований РАН, до этих слов в своих выпусках

¹¹ *хотя* — союз со значением: **по крайней мере** и со значениями **хотя-хотя бы-если** [Срезневский 1959: 1394].

еще не дошли. Таким образом, основным источником явилось использование материалов Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка РАН¹².

Собранный материал показал, что анализу подлежат не два слова: *хотя/хоть*, а три: *хотя*, *хоть* и *хоти*. Последний союз, в настоящее время не употребляющийся, в древнерусском языке книжного стиля представлен широко и несомненно по своему происхождению является «застывшей» формой императива от *хотети*, подобно тому, как императивами являются и другие уступительные союзы: *пускай* и *пусть*. *Хотя* же, как уже говорилось, — это форма деепричастия от того же глагола, аналогичная *несмотря* от *смотреть*. О происхождении лексемы *хоть* будет говориться специально, в заключительной части статьи. Сейчас же необходимо заметить, что именно этот союз-частица *хоть* оказался представленным в Картотеке минимальным числом примеров, в отличие от *хоти* и особенно — от *хотя*. В дальнейшем используются только примеры на *хоть* из Картотеки, встреченные в **книжных** текстах, и не привлекаются данные, почерпнутые из сборников пословиц, поговорок, народных речений и проч., как плохо датируемые.

Заметим, что оппозиция *хотя/хоти* не отмечается для текстов некнижного характера. Например, А. А. Зализняк в своей фундаментальной монографии о древненовгородском диалекте [Зализняк 1995] не фиксирует ни *хоти*, ни *хоть*, но приводит четыре контекста с *хотя* (*хотѧ*).

(1) Грамота № 605 (конец XI — нач. XII в.):

...оже ми лихо молваше и покланяю ти сѧ братьче мои то си хотѧ мѡлви ты еси мои аѧ твои [Зализняк 1995: 246]. Здесь несомненно значение минимизации «хотя бы».

(2) Грамота № 724 (предположительно 1161 г.—1167 г.):

и заславъ захарьѧ въ вѣрь ѡроклъ не данте савѣ ни одного песца хотѧ на нухъ емати и самъ [Зализняк

¹² Для уточнений и расшифровок использовался: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. (М., 1984) в порядке алфавита сокращенных обозначений.

1995: 295]. Здесь определить значение затруднительно. Возможны два варианта, и А. А. Зализняк это отмечает в переводе [Зализняк 1995: 296]: «я сам хочу за это взяться», тогда деепричастие предлагает как бы «галлицизм» для этой эпохи. Второй вариант — «Сава хочет сам за это взяться». Но в любом случае эта форма представляется деепричастной.

(3) Грамота № 489 (первая половина XIV века):

Ъ попа .ко монсею. воступиса

... [Д]м. хотѣ бы ти. истерати

... [М]зо во томо.а дома п[р]о... [Зализняк 1995: 452].

Здесь *хотя* переводится уступительно условным комплексом «если даже».

(4) Грамота № 317 (вторая половина XIV века):

...а нынѣ покантеса того безаконна а не то дѣло шканѣное немного поводить а тыхъ бы хотѣ и не постыдѣтиса [Зализняк 1995: 463]. Это сложное для понимания место А. А. Зализняк переводит как: «Покайтесь же теперь в том беззаконии! А на то дело окаянное немногих попускает; а [вам] бы их хотя б не стесняться (т. е. хорошо бы, чтобы вы хотя бы не боялись осуждения с их стороны)» [Там же].

Эти четыре примера приведены специально для сравнения с неидентичным по семантике и структуре материалом книжных текстов Словаря РАН.

Понимая всю сложность представления функциональной семантики древнерусского материала, после обдумывания различных способов его представления, мы пришли к выводу, что изложение целесообразно строить следующим образом.

Сначала сообщается о некотором сложно определяемом «кусте» значений полифункционального типа, который соответствует всем анализируемым союзам. После чего представляются менее диффузные моносемантические употребления¹³.

¹³ Графический облик примера точно повторяет тот вид, в котором он представлен в Картотеке. Необходимо уточнить также, что представляются именно *примеры*, а не *весь материал* в Картотеке. Не сообщается также источник для каждого приводимого примера, так как это сильно увеличило бы объем изложения.

Вторая часть описывает семантику указанных трех союзов с распространителями (с вниманием к тем таксономическим трудностям, о которых говорилось выше).

В третьей части сообщаются факты, относящиеся только к одному из союзов — 1) уникальные семантические особенности и 2) не характерный для других распространитель.

В четвертой части делаются некоторые выводы о смысловом и функциональном различиях союзов-частиц *хотя*, *хоти* и *хоть* в древнерусском языке.

5.1. Первый семантический комплекс — «*пусть — если — хотя бы*».

Хотя:

прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать,

Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану.

Хоти — подобные примеры не встретились.

Хоть — ситуация аналогичная.

Второй семантический комплекс — «*пусть — если*».

Хотя:

нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назватся, повелель съсечь его,

как ни ѣсть хотя нетъ согласия между ими и другъ друга укоряеть обаче всѣ согласно заповѣдь магометскую сохраняють.

Хоти:

у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таятса, а в князя дѣла еше со мною не дѣлываль.

Хоть:

есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яйце без огня и рибу хоть без дровъ и без огня¹⁴.

Первое одиночное значение — **уступительности**: «*пусть*» («*хотя*»):

¹⁴ Очевидно, что последний пример можно рассматривать как сложное предложение с большой натяжкой, то есть считать часть после *хоть* эллипсисом.

Хотя:

д̄ша еси моя милая дв̄ца хотя ты меня много хулиш і лаеш і
без чести і соромотиш а я на тебя не могу злобы ни досады
держати,
а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да
молитву діавольскую говорить,
хотя мнѣ голова своя положити, а тебѣ послужу.

Хоти:

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время
ещо на государстве не былъ... да въ томъ лихово нѣтъ
ничего,
хоти мнѣ шаха лѣта все дожидатца, а къ шаху мнѣ безъ
людей не езживать,
и говорить де, хоти имъ вѣсѣмъ помереть, а за Азовъ стоять
крѣпко.

Хоть — примеры не обнаружены.

Второе одиночное значение — **условия**.

Хотя:

а хотя кто что вынеслъ или на поле, на огороды, или въ
греблю, то все пламенемъ взялось,
а хотя коли повелимъ имати или на тѣхъ, у кого будутъ
грамоты наши жаловальныи, на монастырскихъ людехъ ни
тогда никто не емли ничего по сей нашей грамотѣ.

Хоти:

хоти придет к царю и на двор, а свѣдаетъ, что у Леонтья
царя Турского или Кизилбашского шаха послы или послан-
ники и ему к царю не ходити, а ѣхати к себѣ на подворье,
кто украдетъ хоти что не своихъ б алтынъ будет хоти
дерзнул на государя своего рукою до оружія.

Хоть — примеры не обнаружены.

Третье одиночное значение — **временное** («когда»).

Хотя:

а хотя он после нѣсколько сот годами опят в жидовскую
землю пришоль, и онъ все пусто нашель.

Примеров с *хоти* и *хоть* в этом значении не обнаружено.

Третье одиночное значение — **минимизации** («хотя бы»).

Хотя:

аще ли кто въ печали челоуѣка призритъ, хотя студеною водою напоит во узноенный ден, не лишен будет царства небеснаго,
и ежели иного кого не сыщетьца, то извольте послать хотя Федосью Грекову,
довлѣеть, чтобъ тѣ анбары, хотя не всѣ, были въ городѣ.

Хоти:

и по ся мѣста мочно было изготовити хотя два отпуска такихъ.

Хоть — примеры не обнаружены.

К этому значению примыкает более общее значение «крайности», доведения до предела: *и такъ тонцовали что и сорочки их хотя выжми отъ поту их.*

5.2. Прежде чем перейти к семантике анализируемых союзов с «распространителями», в качестве «гибридной» конструкции приведем примеры на разделительное значение союза *хотя*, который, дублируясь, передает значения: «или...или; будь то...или» и под.:

а за кормилица 12, тако же и за кормилцю, хотя си буди холопъ, хотя си роба,
слыша же блаженный Андрѣй, еже вопіаху, помилуй нас, хотя, либо не хотя, нача ся смѣяти,
а на Кемчике де острог хотя ставити, хотя и нет,
и о томъ объяви Курляничкомъ, и вели збирать, хотя хотятъ, хотя нѣтъ.

Хоти в данном значении не представлено.

Хоть:

а ты де, Савка, ей, царевне, о томъ хоть извѣщай хоть нетъ,
я де про то сама съ Ульяною переговорю въ Покровском у церкви, у ранней обедни,
і ты стафъ хоть 1000-чи хоть 100, хоть 10 и опъ томъ не думай, хоть многое число напередъ, хоть малое, толко чтобъ правая сторона была равна.

Несколько смешивая композицию, заметим, что в подобном значении выступает и структура *хотя... или:*

а речеть тако: хотя богатырь или не богатырь, однако если холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудеть, я же вездѣ въ равномъ разстояніи стоять не смотря на то хотя прямо или криво идуть.

5.3. Наиболее частотным распространителем для всех трех союзов безусловно является *и*.

Первое значение — комплекс **уступительности + условия**: «*пусть—если-если даже*»¹⁵.

Хотя:

а будетъ сыщется, что жили болши трехъ мѣсяць и на тѣхъ людей кабалы давать и поневоля, хотя они к ним итти въ холопы и непохотять,

ко всемъ милой другъ заежжаеть, онъ к одной ко мнѣ не заедет, а хотя онъ ко мнѣ и заедет, он тайны мнѣ онъ (*так!* — Т. Н.) не скажетъ.

Хоти:

а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти, а хоти и цесарского или королевского или какова вельможного роду къ тому рыцарскому братству пристать хочеть, сперва долженъ о томъ прошение принесть.

Хоть:

а хоть поедет басурман через мою землю, яз и его велю проводить с честью, а то ведь царевич, да мне и свой, если якій скотъ на що наколется или стрѣлюю прострѣлень будетъ хоть и наскрозь то тимъ коренемъ исцѣлется.

Второе значение — одиночное — **чистой уступительности**:

Хотя:

Ляховъ въ мукахъ учили, хотя и сами холопы, а намъ до Ржевскихъ дѣла нетъ, а Хима Ржевской хотя и будетъ Карповыхъ роду и Ржевским с Карповыми далеко разошлись.

¹⁵ Разумеется, *даже* — это почти синоним *и*: *Вдова должна и гробу быть верна* = *даже гробу*, но семантика *и* часто приближается к грамматикализованности, тогда как *даже* воспринимается более «отчетливо».

Хоти:

и государь вашъ хоти нашимъ рѣчемъ съ тобою и не говорить и не повѣритъ, и государь вашъ повѣритъ государя нашего грамотъ,

и нынѣ ты братъ мой въ мыслѣ себѣ такъ взялъ, хоти есмь отъ тебя и далече, а ты бы насъ близко себя чинилъ.

Хоть:

климатъ нашъ хоть и суровъ, однако же не всегда же ненастья да туманы, бываетъ и ведро.

Третье значение, также одиночное, — **минимизации**, близкое к современному «хотя бы». Обнаружено только с союзом *хотя*:

обо всемъ что вы нынѣ чините и где обрѣтаетесь, писать по вся недѣли, а не хуже хотя и по дважды въ неделю.

5.4. Вторым по частотности распространителем уступительных союзов *хотя* — *хоти* — *хоть* является отглагольная частица *бы*.

Общим семантически является компонент **условно-уступительного** значения: «*пусть/если*».

Хотя:

когда лошадь будетъ иметь черные мяса сухи, тогда хотя бы имѣла задние кости широки будетъ казатца не статна.

Хоти:

а хоти бѣ государь вашъ надъ ними что и учинилъ и государь нашъ по своей правдѣ о томъ взысканіе учинить.

Первое одиночное значение — **уступительности**: смысловой показатель «*пусть*»:

Хотя:

и если, государь, милость ваша к нему будетъ, чтобъ ему объявить чрезъ письмо, хотя бѣ, государь, его малымъ потѣшеньемъ что дать.

Хоти:

что вамъ мне въ беломъ платьи положити, хоти бы язъ и здоровъ былъ, но мысль моя... предлежитъ в черничество.

К нему примыкает «субзначение» — «*пусть даже*», то есть как бы **усиленная уступительность**:

[Ильдеджерта гораздо лучше убралась, і в консилиуме о войнѣ предлагала такъ порядочно хотя бы самому знающему все военные обряды.

Хоти — примеров в этом значении не обнаружено.

Второе одиночное значение — **условия**: «если»:

Хотя:

прежде всего надобно смотреть воздухъ и положеніе того мѣста гдѣ лошадей содержать. Ибо хотя бѣ кто Арапскихъ, Турецкихъ и Неополитанскихъ жеребцовъ имѣлъ, но ежели мѣсто и воздухъ къ тому неспособно, то никакого успѣху не будетъ

Хоти:

хоти б которая меж Келмашетем... была с Будачеем и с Муцаломъ и сора и чем было бити челомъ великому государю, а не им, Аллечуке и Хотаджуку... управливатца.

Третье одиночное значение — **минимизации**, некоего изначального, но необходимого минимального отсчета.

Хотя:

и требуетъ от вас хотя бѣ словесно благословили заочно.

Хоти:

онъ бы хоти въ Астрахань послалъ людей своихъ.

5.5. Последняя разбираемая нами конструкция является общей для трех союзов, — это их сочетания с показателями **количества**. Будет справедливо заметить, что многие высказывания, приведенные нами выше в качестве примеров на отдельные значения, на самом деле почти синонимичны, и проводимые семантические границы часто искусственны. Кроме того, несомненно, что в приводимых далее примерах *хотя* / *хоть* / *хоти* являются, скорее, частицами, а не союзами, недаром В. В. Виноградов (см. выше) именовал их «частицами-союзами».

5.5.1. Комбинация союза с распространителем-показателем *мало*¹⁶.

¹⁶ Примеров на эту конструкцию приводится несколько больше, чтобы показать — хотя бы иконически — степень ее распространенности и грамматикализованности.

Хотя:

а мы ныня хотя мало поболим или жена, или дѣтя то стальше бга врага дшамъ и тѣломъ ищемъ проклятыхъ бабъ чаробѣицъ,
печаль преложить и отдохнове не хотя мало сотворить ми,
а ежели что хотя мало что в доимку упущено будетъ і оная взыскана будетъ на Колской воевоцкой канцеляриі несомненно,
надлежитъ приехавъ на станъ давать онимъ лошадямъ хотя мало есть отрубей моченыхъ чтоб те отруби прочистили горло.

Хоти:

хоти маленько побѣлее золотово ся покажетъ то дешевле еми.

Хоть:

что бы, государь, спустити 6 дней или въ два, что было, то судить хоть мало болѣзни твоей облегчения.

5.5.2. С тем же значением минимизации выступает сочетание союза-частицы с числительным *один*:

Хотя:

аще къ ней прикоснется хотя единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти,
а кто утаитъ хотя одну обжу, а уличимъ его, и мы того скажемъ своимъ государемъ.

Хоти:

а ты молви хоти одно то: царево слово на головѣ держу, яко ни у меня с собою нет, ни в Литве остана, такова хоти едина пищаль, еже столь далече шествие пути кажет.

Хоть:

я готовъ тотчас умереть, говорил Гардвин, ежели у меня хоть одна капля крове что иное думаетъ, кроме спокойствия моей милостивой принцессы.
а будетъ я ... образцовъ против сей млювной записи хоть въ единомъ въ словѣ своемъ не устою.

5.6. Итак, выше были продемонстрированы основные значения уступительности, передаваемой через союзы *хотя / хоти / хоть*, и модификации этих значений при

введении в высказывания «распространителей» при этих союзах. Нетрудно заметить, что выделяемые значения могут оказаться абсолютно синонимичными в высказываниях с распространителями и без них; наконец, в современном русском языке в одних случаях распространитель был бы элиминирован, а в других — введен. Все это еще раз подтверждает нашу мысль о практически непрерывно работающем «конструкторе», формирующем из партикулярных компонентов (как указывалось выше, по модели, напоминающей игрушку-калейдоскоп) разнообразные сочетания и комбинации. В языковой эволюции они могут объединяться и разъединяться, по-разному комбинироваться — именно по указанному принципу.

Кроме того (подобные примеры не приводились из-за боязни слишком перегрузить текст), все эти распространители могут быть представлены в разных внутривидовых сочетаниях. Таким образом, возникают квазикомплексы типа *бы + и*, *бы + и + один*, *будет + и* и т. д., сходные с теми комплексами клитик, которые известны для синтаксиса древних языков (например, хеттского), для романских языков, для южнославянских и т. д.

В заключение остановимся на тех комбинациях, которые характерны для одного какого-либо союза из анализировавшихся трех.

5.6.1. В первую очередь это относится к сочетанию *хотя* с инфинитивом. То есть здесь *хотя* выступает в своей исконной функции деепричастия от глагола *хотети*. В современном русском языке такое *хотя* было бы переделано как *желая*.

прииде в Киев Дионисии архиепископъ Суздальскыи... и
хотѣ ити на Москву, хотя быти митрополитомъ на Руси,
король бо поведе его на великого князя, хотя разорити хри-
стианство,
и прихотя он, Сумчалеи,.. великую нам тесноту и изгоню
чинит, хотя нас к себе в холопи взять и от твое царские
милости отлучить,
бедный... умысли себе смерти предати, бросися прямо с
мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти,

имѣемъ примѣръ памятной о взятіи буржа ілі бурга. Того ради что хотя его спасті его отъ здравого, уберезень онъ былъ на нужду римлянномъ.

Естественно, что в подобных конструкциях не выступают ни *хоти*, ни *хоть*.

5.6.2. Второй не общераспространенной конструкцией является модель, где в основном выступает *хоти*. Это: *хоти + ино*.

Если в предыдущих примерах *хотя* четко выступает в функции деепричастия, то в этой — несомненно союзная функция *хоти*. Синтаксис соответствует правилу строгого параллелизма двух сообщаемых ситуаций.

Ино можно рассматривать и как целостную лексему, и как партикулярный комплекс *и + но*. Тогда он может анализироваться как дистанцировавшееся *и*, столь обычное для уступительных союзов *хотя/хоти/хоть*, в сочетании со столь же распространенным противительным *но*, о котором также говорилось в первой части работы. Однако эта лексема несомненно имела диффузную семантику. В «Этимологическом словаре славянских языков» для уровня древнерусского языка *ино* приписывается значение «но», «то», «так и так», «разве», «только» [ЭССЯ, вып. 8: 168]. И. И. Срезневский приписывает ему значения «то», «но», однако несомненно, что ряд примеров и для него остался семантически непрозрачным:

А подале пошедь, ино темница Господа нашего Исуса Христа.

А въ црковь ту влезши, ино на правѣ Гурзинскія службы, Гурзи служатъ *и т. д.* [Срезневский 1958, т. 1: 1102].

Для указанной конструкции очевидно, что союз (союзная часть?) связывает синтаксически параллельные действия, где обсуждение говорящим второй ситуации обусловлено ситуацией первой:

а говорилъ де брату своему Кедеяю Алей царевичъ: хоти де послать проведать про посланника своего про Чирючея ино де послать человека с 2 или с 3,
хоти низок потолок, ино огня не страх,

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вадгъ въ то время ещо на государстве не былъ, ино отецъ его шахъ... о томъ ко государю нашему приказываль, да въ томъ лихово нѣтъ ничево.

5.6.3. Последняя конструкция является не общей для союзов и реликтовой, а потому рассматривается в этом же разделе. Это — сочетание союзов с распространителем *будет* + *и* (без *и* подобная конструкция в Картотеке не была представлена). Все высказывания с *будет* имеют значение футуральной **условности** + **уступительности** (последнее не во всех случаях)¹⁷.

Хотя:

а будетъ проведаютъ или хотя будетъ и Александровых, а посадиль его шах, к тому новому царю не ходить, сказал: такова разряду не помню, а хотя будетъ таковъ разрядъ и былъ и Юмранъ былъ менши чюлка, Азовъ сталъ некрѣпокъ, мочно его взять... только безъ государева повелѣнья учинить того не смѣютъ, хотя будетъ и возьмутъ, а ему, государю, будетъ неприятно, попрежнему Азова у нихъ принять не велить.

Хоти:

и того бѣ образа просити за изборскихъ людей пятьдесятъ человекъ, да хоти будетъ къ тому и прибавити, ино прибавити Фому Мотукѣва.

6. Как видно из предшествующего изложения, *хотя*, *хоти* и *хоть* (последнее, как уже говорилось, было представлено в картотеке минимально) по смысловому заданию оказались очень близкими. Формальные различия относятся к уникальному употреблению *хотя* с инфинитивом, а *хоти* — с *ино*.

Есть ли все же какие-то различия между этими союзами на древнерусском уровне? Если есть, то искать их нужно, видимо, на каком-то особом смысловом пласте.

¹⁷ Интересно отметить, что сейчас сочетание *хотя будет* воспринимается как некий не употребляемый архаизм, но в то же время *если будет* вполне укладывается в современные нормы, однако с ощущением полноточности глагола *быть*.

Обратимся к примерам с *хоти* и проанализируем их категориальную структуру:

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время еще на государстве не былъ, да въ томъ лихово нѣтъ ничево, и говорить де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко,
а нынѣ тебѣ не до тово, хоти еси добрѣ силенъ и крѣпкаго умыслу,
а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти.

Ср. примеры с *хотя*:

бей Яловецкой ничего не делаетъ и дѣлать не хочеть, а хотя спаги и янычене на него кричать, что безъ дровъ и безъ воды быти не могутъ, сказываютъ, что дѣ дѣлаю, что мне велятъ, хотя бы и пропасть довелось,
послалъ меня къ бугдыханову величеству, и хотя не разумѣлъ царское величество, какимъ обычаемъ писалъ въ листу своемъ бугдыханово величество,
прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать,
воеводство Поморское и подскарбство Прушское и другое надворное, хотя на многихъ стоитъ, толко указу королевского на нихъ нѣтъ,
а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да молитву дѣвольскую говорить,
себѣ ужъ хотя воняю, да иныхъ не соблазняю,
Фрол Скобеевъ сказал,.. хотя живот, свои утрачу, а отъ Аннушки не отстану.

Посмотрим на примеры с распространителями.

Примеры с *хотя*:

много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и вѣдаютъ, что на торгу за слова не продаютъ,
и сказали ему иные рабы, хотя ты и ничего не понесешь, мы нужды не имѣемъ,
лядунки не удобны... одна тягостна, а другая хотя бы и не тягостна, толко къ даннымъ походамъ не вечна.

Примеры с *хоти*:

что хочеть нашего царствія величества титла и печати учинити, и ты обезумѣвъ, хоти и вселенней назовешься государемъ, да хто тебя послушаетъ,

и того хотимъ, чтобъ тѣ наши подданные, которые вашъ гнѣвъ принесли, хотя и поучена будутъ толко бы впереди болши того об нихъ писанья не было,
что вамъ мне въ беломъ платъи положить, хотя бы язъ и здоровъ был.

Итак, как кажется, и в древнерусском языке два союза *хотя* и *хоти* отличаются корреляцией акциональных состояний в обоих событиях, соединяемых союзом. *Хотя* соединяет **одновременные** события. *Хоти* связывает **разные по совершаемости** ситуации: при этом могут комбинироваться настоящее и «вечное», настоящее и давно прошедшее, настоящее и будущее и т. д.

Естественно, что интерпретация этого приводит к исходной функции *хотя* как деепричастия настоящего времени, предполагающего акциональную одновременность. Это объясняет тот факт, что *хотя* почти не встречается в конструкциях с *ино*, так как здесь описывается ситуация условная, а не реальная. Это объясняет также частое тяготение контекстов с *хоти* к будущему времени: это и есть сентенциональный рефлекс на происхождение *хоти* от императива.

Таким образом, именно *хоти* оказывается наиболее близким к современному русскому *хоть*, если его рассматривать в противопоставлении *хотя*.

Логически из этого вытекает, что *хоти* было в русском языке вытеснено партикулой *хоть*¹⁸.

7. Последний, поднимаемый в настоящей работе вопрос — это проблема происхождения союза (частицы) *хоть*.

Как уже указывалось, во многих современных работах *хоть* объявляется либо «фонетическим» вариантом *хотя*, либо его «разговорным» вариантом. Наиболее внимательно к этому вопросу подошел Б. Лавров [Лавров 1941: 118—121]. Он обращает внимание на не анализировавшийся нами вариант уступительного союза *хошь*: *Хошь*

¹⁸ Процесс вытеснения *хоти* партикулой *хоть* очевидно нужно проследивать, начиная со второй половины XVIII в. По данным Словаря русского языка XI—XVII вв. это сделать не удалось.

черта *впряги, инъ не тянетъ*; *Изловя вошь, отпусти хошь* и под. По его мнению, безусловно *хошь* здесь — вариант от *хочеши*, но семантика его стерта и не всегда можно сказать, имеем ли мы дело со сказуемым или с частицей: *Злоречивой хошь языкъ отрѣзать, и она перстомъ киваешь*. Б. Лавров обращает внимание на то, что такое *хоть* часто встречается в севернорусских говорах, где наблюдается и *мошь* вместо *можешь*. В памятниках встречается и форма *хочь* как форма 2-го лица. Б. Лавров полагает, что это форма повелительного наклонения, которая функционирует в роли формы наклонения изъявительного. Что касается *хоть* и *хоти*, то обе они, по мнению Б. Лаврова, являются формами повелительного наклонения. *Хоти*, по его данным, встречается редко, а *хоть* связано главным образом с фольклорными текстами (напоминаем, что речь идет о древнерусском языке). Далее, Б. Лавров сомневается и в общепринятом мнении (которое он, однако, принимает) о том, что *хотя* — наиболее распространенный союз современного русского языка — является изначально причастно-деепричастной формой. Дело в том, что в польском языке ему эквивалентен союз *chocia*, тогда как нормативное соответствие русским деепричастным формам должно иметь на конце носовое *a*. «Так как русск. *хотя* не вполне соответствует польск. *chocia*, то это заставляет с большой осторожностью определять исходную форму союза» [Лавров 1941: 121].

Однако, по нашему мнению, более загадочным является генезис формы *хоть*.

Возможны при этом следующие гипотезы.

Это форма повелительного наклонения, имеющая функционирование в диалектах, подобно *положь, глянъ, становь* и под., и перешедшая в современный язык после вытеснения *хоти*, которое, как мы старались показать, в древнерусском языке было аналогичным современному *хоть*. Тогда неясно — почему *хоти* было вытеснено, во-первых, и когда именно возникла эта диалектная форма, во-вторых?

Хоть является «фонетическим вариантом». Но — какой формы: от *хотя* или от *хоти*? Скорее, вероятно

второе, так как *хоти* исчезло из употребления. Тогда можно построить теорию двух *хоть* и «новое» *хоть* могло совпасть со «старым» и диалектным. Важно осознать, что существует еще чисто «металингвистическая» привычка определять диалектные формы как некие «отражения» литературных и тем самым им приписывать — хотя бы неявно — историческую вторичность.

Можно предположить иначе: на каком-то периоде развития русского языка (вероятно, это период постпетровский) произошло перераспределение функциональной парадигмы трех лексем: *хотя/хоти/хоть* (последнее из некоей параллельной «народной» формы). *Хоть* стало восприниматься и описываться как вариант от *хотя*, что фонетически было облегчено ударением на первом слоге в слове *хотя*, на самом же деле оно разделило с ним ряд функций (как мы показывали выше), а *хоти* было вытеснено как функционально избыточное.

ГЛАВА II МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ И ИХ БЕССОЮЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

СЕМАНТИКА МЕЖФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ И/ИЛИ ГРАММАТИКА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I

1. В течение долгого времени лингвистика — сознательно или под давлением метатеоретического прессинга — ориентировалась на выявление однооднозначных отношений: форма/единица грамматической структуры. Идентичность метаописания, выстроенного лингвистами, и той модели, которая соответствует формально-содержательным отношениям в синхронии и последовательности изменений членов той или иной парадигмы в диахронии, практически под сомнение не ставилась. Даже в настоящее время достаточно сложно осознать тот простой факт, что противопоставляемые в системе и в употреблении элементы валоризованы именно так лишь в метатеории, а в речупотреблении носителя языка они, скорее, представлены на подсознательном уровне. Факты такого рода уже вполне признаны, в частности, структурной антропологией К. Леви-Стросса. Несомненно, что носитель *pensée sauvage* не опишет свое поведение и мировоззрение в терминах и наборах признаков: верх — низ, мужской — женский, сырой — вареный, левый — правый и под. Между тем для языкознания мысль об асимметричности языковых моделей описания и реализации языковых элементов (как в синхронии, так и в диахронии) практически всерьез еще не вполне осознана.

Только в последние десятилетия антропоцентристский натиск оказывает все большее давление на гипнотическую распространенность позитивистской таксономии. В ряде работ, например коммуникативно-дискурсивного направления (см. об этом подробно в [Николаева 1984]), обнаружено, что изменение парадигмы управления (например, винительный падеж или родительный при некоторых русских глаголах) связано со степенью важности объекта для говорящего и отличается по роду и по одушевленности объекта: *Я боюсь скандала — Я боюсь Марию Ивановну; Я жду жену — Я жду письма* и т. д.

2. Все сказанное в течение очень долгого времени относилось и к квалификации отношений между единицами сложного предложения (clause). Эти отношения считались таксономически секуляризованными, равноправными и обладающими своими — для каждого свое — специфическими формальными средствами. То есть разделены сложноподчиненные предложения, например, условия, уступительности, причины, времени и проч. Предполагалось также, что, во-первых, бессоюзные предложения могут классифицироваться по той же рубрикации. Во-вторых, предполагалось, что каждый тип сложного предложения имеет свой специфический, ему соответствующий тип интонации.

В 60-е годы эта априорная установка в большой степени определяла тип исследований об интонационных средствах выражения отношения частей сложного предложения. Как ни странно, точность экспериментальной фонетики в данном случае была не подспорьем, а, скорее, приносила вред, так как смысловые отношения между частями фразы определялись не только типом союза, а целым рядом иных факторов, поэтому выведение средней интонационной модели могло иметь и свою специфику, за которой пряталась гамма более тонких «смыслов», просодическая структура которых тем самым оставалась невыясненной. Популярный сейчас тезис о том, что «дьявол таится в деталях», тогда еще не был распространен. А между тем его можно трактовать так, что, поскольку дьявол принадлежит *иному миру*, то анализ этих деталей может привести к раскры-

тию иных, по сравнению с усредненными, закономерностей, которые могут оказаться реликтами чего-то уходящего, маргинальными рефлексамии какой-то иной системы, представленной в синтаксисе сложного предложения более широко, и т. д.

3. Однако сейчас уже несомненно, что в реальной речи сложные предложения не раскладываются отдельно друг от друга, как разноцветные карандаши на прилавке, а комбинируются в виде разнообразных по семантическому наполнению пучков, соответствующих в формальном плане одной модели. Например (возьмем самые очевидные вещи), комбинируются временные и условные значения: *Когда в товарищах согласья нет...* Известно, что, в частности, в немецком языке здесь представлено и формальное различие: *wenn* — когда придаточное временное с компонентом условия и *als* — когда оно чистое временное. В отечественной традиции, как указывалось выше, этим вопросом наиболее фундаментально занимался В. Б. Евтюхин, сформулировавший нечто вроде теории полей в отношении сложного предложения. Конечно, упоминания о таком семантическом «склеивании» есть во всех Академических грамматиках, начиная с Грамматики 1954 г., но В. Б. Евтюхиным это подробно разработано и сформулировано в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса — обусловленности».

Было отмечено также, что содержательно комбинируются уступительные и противительные отношения: *Хотя и пришлось прождать автобус довольно долго, но в целом день прошел чудесно.* И. Фужерон исследовала подробно те ситуации, когда синтаксическая структура требует *но* или не требует его. В нашей совместной работе, исследующей возможные содержательные различия в употреблении *хотя* и *хоть* (см. выше), мы отметили, занимаясь уступительностью, смысловые пучки — содержательные комплексы в древнерусском языке.

Например, это семантический комплекс «пусть — если — хотя бы»:

прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать; Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану.

Менее «расширенный» семантический комплекс «пусть — если»:

нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назваться, повелель съсечь его; какъ ни ѣсть хотя негъ согласия между ими и другъ друга укоряеть ѡбаче всѣ согласнo заповѣдь магометскую сохраняють; у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таится, а в князя дѣла ещо со мною не дѣлываль; есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яице без огня и рибу хотъ без дровъ и без огня. и т. д.

Несомненно, что при бессоюзном соединении фраз возникают содержательные пучки еще большей сложности. Например (из современной песни): *На дальней станции сойду — трава по пояс...* Здесь одновременно представлено и временное значение, и условия, и следствия, и места — «там, где...», и, возможно, последовательности действий. См. многозначность в соединении с иконичностью в знаменитой фразе: *Оборачиваюсь — Грушицкий*, которая на самом деле не такая простая синтаксически. Однако еще большая многозначность была бы в том случае, если она имела бы вид: *Я обернулся — Грушицкий*. Причина этому — исчезновение абсолютной иконичности при передаче последовательности действий во втором примере.

4. Удивляющим фактом, обнаружившимся при экспериментально-фонетических исследованиях интонации, оказалось то, что наличие/отсутствие союза, как это было замечено, не всегда влияло на изменение интонационной модели, которая, таким образом, определялась чем-то другим, хотя ранее можно было предположить, что наличие/отсутствие союза во многом обеспечивает однозначность/многозначность содержательной структуры. Например, *Завод получил новые заказы, началась война — «когда»...*

«едва только»... «потому что» и так далее. Кажется, что здесь можно вставлять почти все возможные союзы — и либо в первую, либо во вторую часть. Однако это не всегда так. И бессоюзная структура может быть однозначной. Может быть многозначной и союзная. Например,

Я закричал: испуг был таким сильным; Если Вы навестите меня, я буду рад; Почему жена смеется, он не понимал.

Кроме того, реальные исследования показали, что в некоторых случаях мы имеем дело не с содержательными «пучками» отношений, но с появлением того, что иногда на отношения внутри сложного предложения накладываются как бы дополнительные смысловые нюансы. Например, таковы подобные «суперсегментные» значения противопоставления, результата, пояснения и т. д. Например, во фразе: *Они считали его ребенком — он все понимал*, это противопоставление и уступительность.

5. Намечающийся пересмотр аксиоматики положений синтаксической теории дает основания для того, чтобы вернуться к экспериментальным данным, полученным автором настоящей статьи около тридцати лет тому назад [Николаева 1969; 1975], и их реинтерпретировать. Более конкретно, речь идет об экспериментально-фонетической проверке широко известного «компенсационного закона» А. М. Пешковского, предположившего, что в бессоюзном предложении мы будем иметь более «яркую» интонацию, чем в соответствующих семантически союзных (или в союзных вообще).

Книга «Интонация сложного предложения в славянских языках» [Николаева 1969] описывает следующий эксперимент. Были взяты сложные предложения со всеми предписанными канонически союзами и в их пределах сделаны следующие трансформации. Осуществлялась перестановка главного и придаточного: *Если вы навестите меня, я буду рад — Я буду рад, если вы навестите меня*. Производилось опущение союза с такой же последующей перестановкой: *Навестите меня, я буду рад — Я буду рад, навестите меня*. При этом во все трансформированные структуры вставлялись на стыке компо-

нентов сложного предложения разные знаки препинания из следующего набора: запятая, тире, двоеточие и скобки. Все высказывания, полученные таким образом, — как трансформированные, так и исходные, прочитывались тремя дикторами.

Для того чтобы конкретные акустико-интонационные показатели были сопоставимы, в работе была использована система релятивных показателей, посредством которых выявлялись наиболее типичные интонационные модели реализации двухфразовых единств. Так, в систему были включены три показателя паузы: большая (3), средняя (2) и минимальная (1); три показателя темпа: темп равновесный (1), больше длительность звука в первой синтагме (2), больше длительность звука во второй синтагме (3); три показателя мелодики: в первой синтагме мелодика восходящая (1), в первой нисходящая, но регистры равны (2), в первой нисходящая, а вторая произносится в гораздо более низком регистре (3). При введении такой нумерации получались индексации типа 111, 132, 333 и т. д. Так как эти индексы передавали вид отношений интонационных параметров при передаче частей сложного предложения, то эти индексы и были названы нами тогда интонемами. При этом существенным лингвистически оказалось то немаловажное следствие, что все прочитанные примеры распределялись по своим показателям не равномерно, а группировались не всегда предсказуемым образом вокруг четырех основных конфигураций. Например. Группа первая. Индекс 111 (то есть: пауза минимальная, темп равновесный, мелодика первой части восходящая). Примеры:

Что касается меня, я согласен;

Чтобы сестра могла отдохнуть, я взял девочку к себе;

Мне говорили, отец ее уже умер;

Мы увидели двор, куда вошла сестра.

Именно эта группа — с индексом 111 — была представлена самым большим числом примеров, и потому в работе она была названа исходной интонемой.

Группа вторая. Индекс 211. (То есть она отличается от предыдущей размером паузы.) Примеры:

Хотя времени было много — она не успела собрать вещи;

Я не понимал этого — теперь я понял;

Насколько требовали обстоятельства — он был любезен...

(здесь при сохранении предписываемого грамматиками основного синтаксического значения появляется «дополнительное»: сопоставление, противопоставление).

Группа третья. Индекс 313. Интерпретируется как: пауза очень большая, темп ровный, мелодика первой части нисходящая, вторая синтагма расположена ниже по регистру. Примеры:

Я вышел: стало душно;

Он ушел незаметно, уйти открыто было нельзя.

Чаще всего в этой группе оказывались бессюзные межфразовые единства. Возникавшее «дополнительное» значение: важное для коммуниканта пояснение.

Группа четвертая. Индекс 333. Интерпретируется: большая пауза, мелодика первой части понижающаяся, быстрый темп второй части. В материале эта группа в основном была представлена межфразовыми единствами со скобками. Например,

Он был любезен (насколько требовали обстоятельства).

Итак, полученные данные дали также основания для экспериментально-фонетического пересмотра широко известного положения А. М. Пешковского, обозначенного выше как «компенсационный закон» Пешковского, то есть положение о том, что при опущении союза интонация становится более «яркой», чем при союзе. Наши данные продемонстрировали, что этому закону Пешковского подчинены только темпоральные показатели, но не мелодика.

Таким образом, было сформулировано положение о принципиальной функциональной неоднородности основных составляющих фразовой интонации — так называемых акустических параметров.

Именно это также было написано и в АГ 80, где автор соответствующего раздела Е. А. Брызгунова также — на другом материале — пришла к выводу о том, что

мелодика бессоюзных соединений не отличается от мелодики союзных.

В этой же нашей работе [Николаева 1969] было сформулировано и более существенное именно для задач, ставившихся в нашей работе, положение о том, что при чтении примеров — как исходных, так и трансформированных, выбор интонационной реализации предопределяется иерархией трех рядов сегментных показателей, влияющих на диктора. Это — Союзы, Знаки препинания и Лексический состав частей межфразового единства. Они организованы по иерархическому принципу: С > ЗП > Л (то есть Союзы важнее Знаков препинания, а те в свою очередь важнее Лексического состава). Не менее важным оказалось и то наблюдение, что эти ряды сами неоднородны по своей структуре, а именно: внутри каждого такого ряда сегментных показателей существуют показатели маркированные, например, присоединительный союз — для союзов, скобки — для знаков препинания, лексический состав типа *Стоило ему войти, все притихли* и под. — для лексических корреляций. Таким образом теоретически были обоснованы следующие ситуации: 1) сегментные показатели могут действовать как бы «в одном направлении» и они могут все быть немаркированными — тогда действует указанное выше правило иерархии; 2) они могут создавать разные комбинации маркированного и немаркированного в каждом ряду. Тогда естественным следствием является возможность одинакового интонационного воплощения при разных исходных комбинациях сегментных указателей. Например, *Лес рубят — щепки летят*. Здесь средняя величина паузы диктуется тире, знаком препинания. Она промолчала, и в этом был упрек — такая же величина паузы уже диктуется маркированным союзом и в присоединительном значении.

II

6. Спустя тридцать лет фактические данные интонационного эксперимента, излагавшиеся выше, по-прежнему могут считаться небезынтересными и новыми. Их реинтерпретация может дать дополнительные соображения для

обращения к теории межфразовых связей на современном этапе.

Прежде всего это относится к преувеличенной тогда значимости знаков препинания.

Во-первых, они сейчас не так интересны, поскольку, как это важно понять, они являются по сути такой же, хотя и более упрощенной, «упаковкой», как и интонационные модели. Более важна и интересна теперь нерешенная проблема содержательной сути межфразовых отношений.

Во-вторых. Внутри каждого ряда сегментных показателей более целесообразно говорить о системе шкалированных отношений, а не о биполярной системе: маркированные/немаркированные компоненты смыслового ряда. В связи с этим хочется обратить внимание на устное высказывание В. А. Виноградова, сделанное им осенью 1999 года на Конференции по фонетике и фонологии в Звенигороде о том, что лингвистика перехода к XXI веку — это прежде всего лингвистика шкалирования и градуальности.

В-третьих. Можно высказать предположение, которое, правда, в неочевидной или близкой к очевидной форме высказывалось и ранее, что интонационные параметры не коррелируют напрямую с системой союзов, а выражают некие дополнительные отношения внутри своей системы, которые — в силу особенностей манифестации интонационных данностей — накладываются сложным образом на линейные структуры.

Предложения, состоящие из нескольких фраз, знаменательны тем, что в них есть перерывы — это точки, где кончается одна фраза и ожидается другая. В соответствии с теорией информации эти точки являются максимально нагруженными информационно, здесь происходит как бы напряжение ожидания, поэтому именно однооднозначная трактовка межфразовых отношений часто является упрощенной.

7. Таким образом, мы приходим к выводу о сосуществовании нескольких систем при интонационной реализации межфразовой связи. Важно понять и еще раз подчеркнуть тот накопленный интонационной эмпирией факт, что при реализации этой связи разные параметры

по-разному свободны. Это значит, что в некоторых случаях говорящему предоставляется свобода — как прочтения, так и толкования, в других же структура межфразовых корреляций диктует интонационное воплощение. Таким образом, для говорящего есть как бы три ясно очерченные ступени шкалы: 1) прочесть без выбора (например, в работе 1969 года все единообразно прочли единство: *Вы не хотели его обидеть, я верю*); 2) вторая ступень — внести элемент дополнительной семантики или «второго набора» или не внести: *Он был любезен, насколько требовали обстоятельства*; 3) третья ступень — оформить это непредсказуемыми для экспериментатора семантическими возможностями интонационных параметров. Это шкалированное распределение зон свободного выбора и зон жесткой нагруженности при окончательном воплощении (как письменном, так и устном) речевых фрагментов относится, конечно, не только к межфразовым связям, но вообще к порождению текста любой сложности — равно, как и к интерпретации любых речевых фрагментов.

Итак, нагруженность/нейтральность межфразовой семантики может быть большей или меньшей степени, и ее распознавание определяется гораздо большим числом действующих факторов, чем это обычно предполагается в синтаксической теории.

8. Об одном из таких факторов, как правило, не упоминающихся в теории сложного предложения, скажем ниже. Это — понятие цельности сообщения. Иначе говоря, адресант рассматривает событие в его целостности, не разделяя на части, соответствующие «фразам». Информация о событии как будто «сканируется». Для синтаксической теории существенно то, что цельностью могут обладать и сложные высказывания как целое, так и отдельные его части — фразы.

Приведем некоторые примеры. Так, наименьшей нагруженностью стыка между «фразами» и тем самым наибольшей цельностью обладают союзные высказывания типа *где, куда, что, когда*: *Я не знаю, где эта книга; Говори, что хочешь* и под. Кстати, в ряде языков,

например во французском языке, в подобных случаях запятая перед союзом не ставится.

Гораздо большей семантической нагрузкой «стыка» обладают высказывания, где общее значение цельности события имеет первая часть. Тогда вторая как бы присоединяется к ней, и семантика «стыковки» приобретает разные смысловые оттенки.

Человек со стороны был бы поражен, если бы мог быть такой человек;

Ей стало грустно, так как разговор не получился.

В свете положений о цельности становится очевидным, что те высказывания, которые у меня тогда обозначались и манифестировались через так называемую «исходную» интонемику, то есть высказывания с индексом 111 (пауза минимальная, темп равновесный, мелодика первой части восходящая), можно теперь интерпретировать как высказывания цельные:

Я понял, что был неправ;

Мы вошли в подъезд, куда вошла сестра.

Пользуясь языком современного синтаксиса, можно сказать, что сфера сказуемого главного предложения (score) охватывает в своей семантической валентности и придаточное. Вот несколько примеров из АГ 80:

Федя никогда не плакал, зато находило на него временами дикое упрямство;

В поэме было точно названо место действия, так что не спугаешь;

Тут помереть надо, чтобы забыть такое приключение;

Я не беспокоился, хотя к вечеру у нее сделался небольшой жар.

9. Что происходит на промежуточном этапе, когда все высказывание в целом не является цельным? Именно тогда начинают работать при реализации смысловых межфразовых связей дополнительные системы. О них говорилось выше. Это значения противопоставления, сопоставления, результата и т. д. Почему же мы их называем «дополнительными»? О дополнительной, как кажется, приходится говорить тогда, когда речь идет о сложнопод-

чиненном предложении и семантике его межфразовой связи. «Основная» связь, по нашему мнению, тогда передается через союз, а дополнительная — через до сих пор еще не сформулированные как перечень корреляции лексических составов обеих частей.

10. Однако — и именно это выносится на обсуждение — эти системы, основная и дополнительная, не параллельны между собой, а между ними существуют сближения в определенных точках общего смыслового поля синтаксиса сложного предложения.

Например, придаточные со значением изъяснения, присоединения, следствия в этом отношении неравны придаточным времени, дополнительным и проч. Например, *Она промолчала, что послужило мне укором*. Здесь произошла манифестация «дополнительного» значения в явном виде, и подобные предложения уже по всем правилам таксономического синтаксиса включаются в общий перечень типов сложноподчиненного предложения.

Итак, заключая, я считаю, что можно говорить о трех системах содержательных шкал, реализующихся при манифестации адресантом высказываний, состоящих более чем из одной фразы. Это: 1) заданные линейным синтаксисом полевые отношения между фразами, которые принято связывать с союзными отношениями, то есть с главными и придаточными предложениями; 2) та смысловая гамма, которая передается интонационными параметрами, главным образом темпоральными; 3) отношения между событиями, отражаемыми в соединяемых фразах, то есть степень законченности первого или второго событий или же всего сообщаемого события в целом, и налагаемые при этом или не налагаемые дополнительные смыслы.

11. Таким образом, предлагается в исследовании реализации межфразовых отношений понимать, что при «стыковке» двух фраз в единое оформленное целое несомненно есть схождения в семантике этих фраз, но есть и блокирование для их семантического объединения.

То есть мы имеем дело с совокупностью смысловых шкал при разной степени свободы их сочетаемости и реализации.

ЧАСТЬ II

СКРЫТАЯ СЕМАНТИКА «Я»

МЕСТОИМЕНИЕ «Я» И ПОСТРОЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вступление

Прислушавшись к диалогу или к повествованию рассказчика нетрудно заметить, что при глаголе 1-го лица единственного числа настоящего времени подлежащее, местоимение я, то присутствует, то нет. Русский, носитель языка, не обращает на это внимания. А не русским, людям, изучающим наш «великий, могучий» язык, употребление этого местоимения причиняет немало неприятностей, зачастую они ставят его там, где не надо, а там, где надо, его нет. А где оно должно быть? И где его не должно быть? Ни в одной из грамматик на этот вопрос нет ответа.

Итак, в русском языке окончание глагола 1-го лица единственного числа настоящего (и будущего) времени содержит в себе необходимые данные о подлежащем. Следовательно, местоимение я освобождено от функции указателя лица. Какова же тогда его роль? На эту тему написано немного. Несколько замечаний по этому поводу находим у А. М. Пешковского [Пешковский 1956: 184–187], позже у Д. И. Розенталя [Розенталь 1968: 163]. Из зарубежных лингвистов следует отметить работу Барбро Нильсон [Nilsson 1982: 163–182], посвященную местоимениям в русском и польском языках, и общую типологическую картину, описанную Гельмбрехтом [Helmbrecht 1999]. Можно также упомянуть работу Жака Леписье (Франция).

Вопрос о наличии или отсутствии какого-либо члена влечет за собой вопрос о том, какая из позиций марки-

рованная. Прямо ответить на этот вопрос затруднительно. За отсутствием специальных исследований напомним слова А. М. Пешковского, который замечал, что «<...> в первых двух лицах подлежащее все же большей частью употребляется, несмотря на свою ненужность. <...> Таким образом, присутствие личных слов можно рассматривать в русском языке как норму, а отсутствие их — как отступление от нормы, имеющее всякий раз свои причины и свой смысл» [Пешковский 1956: 186—187]. Иначе говоря, Пешковский считает опущение местоимения маркированным членом оппозиции. С. И. Карцевский присоединяется к этому мнению, говоря, что «[...] когда опущение местоимения-подлежащего проходит вне диалога, оно приобретает особое грамматическое или экспрессивное значение». И дальше: «Употребление [глагола] 1-го лица без местоимения-подлежащего является экспрессивным приемом» [Karcevski 1927: 132—133]. Нильссон тоже считает, что «в русском языке в коммуникативно и стилистически нейтральных [высказываниях] употребляется подлежащее, эксплицитно выраженное местоимением» [Nilsson 1982: 59]. Нильссон замечает, что в польском языке наблюдается обратная картина: высказывание с эксплицитным местоимением 1-го лица выступает как маркированный член оппозиции.

Пешковский отмечает, что в других языках (латинский, древнегреческий и др.), «имеющих глагольные формы лица» местоимения употребляются «только при особом ударении на них. «<...> употребление неударяемых личных слов составляет важную особенность русского языка» [Пешковский 1956: 186—187]. Пешковский предполагает, что употребление местоимения-подлежащего глагола настоящего времени развилось по аналогии и связано с отсутствием глагола в предложениях типа *я дома*, а также с отсутствием формы лица в прошедшем времени, где местоимение необходимо.

Но как же все-таки объяснить присутствие «ненужного» местоимения? Почему речевая практика до сих пор не упразднила его? Если глагол включает в себя форму лица, но местоимение все-таки остается, логично пред-

положить, что оно освобождается для какой-то другой функции. Но для какой?

Попытаемся выявить хотя бы некоторые условия, регулирующие употребление этого местоимения.

1. Обязательное присутствие «я»

1.1. Выражение отношений «говорящий — другой»

1.1.а. Противопоставление

Употребление я тесно связано с выражением категории «другой». Ее наиболее простым и очевидным выражением является противительная конструкция с союзами *а* или *но*.

(1) Что вы, честное слово, — забеспокоилась Маруся, — спите, утром поедете, **а** я у соседей переночую, никому не мешаете (А. Рыбаков, «Дети Арбата»).

Противопоставление, введенное союзом *но*, представляется не столь непосредственным.

(2) Он хочет жениться на мне и ввести меня в свою семью. **Но** я ставлю условие: ... (В. Токарева, «Почем килограмм славы»).

Здесь союз отмечает, что пропущено одно звено: «я согласна», и вместе с тем ограничивает его значимость, подчеркивает его относительный характер: «он хочет ... , я согласна, **но** ...»

Вот другой пример:

(3) Отчего вы решили заняться психиатрией? <...> Из желания покопаться <...> в чужих душах? Если так — это интересно. **Но** я подозреваю, что причина может оказаться еще более яркой (Б. Акунин, «Черный монах»).

Мы имеем дело с переоценкой мотивировки, предложенной собеседником. Говорящий возвращается к предшествующей информации, чтобы поставить ее под сомнение и тем самым ограничить ее значение. Заметим, что обычно после союза *но* местоимение *я* интонационно выделено.

1.1.б. «Раздвоение» личности говорящего

Понятие «другой» может иногда касаться самого говорящего. Оппозиция тогда отмечает две противоположные

стороны его поведения. Так в рассказе Б. Окуджавы «Уроки музыки» молодой солдат, которому доверили обучение добровольцев, старается вести себя соответственно роли командира и подражать своему старшине:

(4) <...> командирское во мне готовится выкрикнуть: «Отставить разговорчики! Равняйся!» — но я говорю негромко, <...> «Подравняйтесь» <...>.

Мы имеем дело с противопоставлением того, что требует должность, тому, что больше соответствует личности героя.

Другой случай подобного «раздвоения» противопоставляет то, что говорящий реально совершает, тому, что следовало бы сделать.

(5) Мне бы посмеяться, а я обижаюсь (И. Грекова, «Вдовый пароход»).

Это высказывание можно перефразировать:

(5а) Вместо того, чтобы посмеяться, я обижаюсь.

В обоих случаях я необходимо. В (5а) первая часть предложения выражает оппозицию между тем, что следовало бы делать, и тем, что делается, точно так же, как это выражает союз *а* в примере (5). Таким образом оппозиция между модальностью действий одного субъекта так же обуславливает присутствие я, как оппозиция между действиями разных субъектов:

(5б) Все бы посмеялись, а я обижаюсь.

1.2. Распределение ролей

В ряде случаев присутствие местоимения я объясняется представлением персонажей — говорящего и его партнера.

(6) За стеной моей комнаты жил сосед Меладзе, пожилой, <...> неразговорчивый, особенно со мной, словно боялся, что я попрошу у него взаймы. <...> Кем он был, чем занимался, теперь я этого не помню (Б. Окуджава, «Девушка моей мечты»).

Мы имеем дело с почти сценической расстановкой сил. Отношение с «другим» выливается здесь в отсутствие этих отношений. Интересно отметить, что если бы мы

захотели опустить я в последнем предложении, это вызвало бы и опущение указательного местоимения *этого* (об этом см. [Фужерон, Брейар 2001: 53–57]), что лишило бы главное предложение «теперь я этого не помню» дискурсивного характера и превратило бы его в мало значимое замечание типа «не знаю, не помню».

Иногда местоимение я употребляется, чтобы позволить говорящему выделиться из ансамбля, частью которого он был прежде:

(7) Ничего, <...> все наладится. *Допьем чай и я поведу ее в кино* (Б. Окуджава, «Девушка моей мечты»).

Говорящий подчеркивает свою роль в ансамбле: инициатива принадлежит ему (ср. *Допьем чай и пойдем в кино*).

1.3. Выражение тождественности

Употребление я обязательно при выражении тождественности позиций говорящего и его собеседника. Лексически эта тождественность подчеркивается союзом *и*.

(8) — Хочешь? — Нет. — *И я не хочу*.

(9) — ...рожай, поженимся. <...> — Не женишься ты, да *и я не пойду за тебя* (А. Рыбаков, «Дети Арбата»).

Напомним, что С. И. Карцевский отмечал, что союз *и* — единственный сочинительный союз, который может стоять не в начале фразы, но «всегда перед словом, носителем фразового ударения» [Karcevski 2000: 198]. Действительно, союз *и* в выражении тождества эквивалентен наречию *тоже*, которое всегда перетягивает на себя ударение с одного из членов тождества. Употребление союза (остающегося безударным) позволяет выразить тождество, подчеркнув один из его членов [Fougeron 2001: 142–143].

1.4. «Я» аргументации

Наш анализ показывает, что в тех случаях, когда ни тождество, ни противопоставление не выражены, когда непосредственно отсутствует «другой», наличие местоимения-подлежащего я, однако, связано с выражением отношений с собеседником. Так в следующем примере:

(10) — Вы подозреваете, что Максим знал о преступных замыслах своего друга?

— Я ничего не подозреваю, <...>. У меня нет оснований для каких бы то ни было подозрений (А. Маринина, «Реквием»).

Верификативный вопрос представляет собой завуалированное утверждение. В ответе я присутствует, несмотря на то что говорящий введен в коммуникативное поле уже в предыдущей реплике. Наличие я служит для выражения несогласия с утверждением собеседника, но не просто отбрасывая его, а переводя его в дискурсивный план аргументации. Именно этот прием и позволяет восприятие подобного ответа как вежливого, лишённого резкости.

Эксплицитное присутствие местоимения-подлежащего наблюдается в тех случаях, когда говорящий стремится объяснить свои слова, свое отношение:

(11) — Вы негодай! Я стою здесь два часа! Я вся окоченела! (Б. Акунин, «Статский советник»).

Присутствие я (я стою) устанавливает связь этого высказывания с предыдущим: резкость по отношению к собеседнику объясняется долгим ожиданием. Причинно-следственные отношения не выражены лексически. Конечно, восклицательная интонация обоих высказываний и их лексический состав помогают установлению связи. Но я сигнализирует наличие связи между действием, выраженным глаголом *стою* и имплицитным выражением причины *из-за вас*, создавая таким образом основание для оскорбления. Упразднение я нарушает причинно-следственные связи, содает впечатление двух последовательных ситуаций:

(11а) Вы негодай! Стою здесь два часа!

Имплицитная причина становится менее очевидна. Я выпадает как средство аргументации.

1.5.а. Переход в новый дискурсивный план

Местоимение я действует иногда, как двуликий Янус, что в какой-то мере сближает его с союзом *а* [Фужерон 1997]. Местоимение-подлежащее, указывая на связь содержащего его высказывания с предыдущим, одновременно отмечает переход к другому плану повествования.

(12) А тот с красным носом совсем не тянет... И тут я почему-то вспоминаю своего погибшего отца (Б. Окуджава, «Уроки музыки»).

Конечно, местоимение не действует в одиночку: связь с предыдущим подчеркивается употреблением союза и наречия *тут*, а разрыв наречием *почему-то*. Однако опущение *я* могло бы изменить дальнейший текст — воспоминание относилось бы к тому, о ком говорилось раньше:

(12а) А *тот* с красным носом совсем не тянет... И тут вспоминаю, что вчера он был болен.

Так же можно проанализировать и следующий пример, который нам кажется особенно ясным. Сосед Меладзе объясняет молодому человеку поведение его матери:

(13) — Понимаешь?
— Понимаю.

Я надеюсь на завтрашний день. Завтра все будет по-другому. Ей нужно сбросить с себя тяжелую ношу минувшего (Б. Окуджава, «Девушка моей мечты»).

После диалога наблюдается как бы остановка. Разговор на этом этапе заканчивается. Употребление *я* служит для изменения направления, для перевода повествования в другой план — о будущем. Благодаря местоимению *завтрашний день* воспринимается как обобщение будущего, а не как конкретное завтра. Отсутствие *я* переводило бы весь фрагмент после диалога в продолжение реплики *Понимаю*, конкретизируя сочетание *завтрашний день*.

1.5.6. Введение новой линии повествования

До сих пор мы разбирали случаи, когда местоимение предшествует глаголу. Высказывания с постпозицией *я* начинают новую линию повествования, часто совершенно не связанную с предыдущим. Это переход к рассказу, который представляет собой самостоятельный текст, вплетенный в канву данного повествования. Само высказывание с постпозицией *я* нередко вводится обращением к собеседнику: *Слушай!* или *Представляешь!* *Представь себе!* и др.

(14) (Слушай!) Иду я по улице. Вдруг вижу, ребята дерутся...

Высказывание, идущее следом за высказыванием с постпозицией *я*, вводит в самую суть рассказа. Оно часто содержит один из глаголов восприятия, выполняющих роль темы. Событие (*ребята дерутся*) представляется так, как его воспринимает говорящий в момент, когда событие происходило, что объясняет обязательное употребление настоящего времени (даже если предыдущая фраза в прошедшем: *шел я по улице...*) [Fougeron 1989: 220]. Высказывание с постпозицией *я* остается за пределами введенного текста. Напротив, высказывание *Я иду по улице* входило бы в текст, представляя одну из картин описываемой ситуации.

Постпозиция *я* в данном случае показывает ориентацию высказывания к последующему контексту. *Я* выступает здесь как неотъемлемый элемент внутритекстовых связей.

1.6. Введение чужой речи

1.6.а. Вводящие слова автора

Вводящие слова автора, находящиеся внутри прямой речи характеризуются особой интонацией, близкой к интонации вводности и постпозицией подлежащего по отношению к сказуемому.

- (15) — Понимаю, понимаю, — *говорю я*, — чего там...
(Б. Окуджава, «Уроки музыки»).

В русском языке, по сравнению с французским, в качестве вводящих употребляется семантически более широкий круг глаголов. Это не только глаголы речи и мысли, но также глаголы выражения речи или мысли: мимики (улыбнулся *я*), жеста (пожимаю *я* плечами), чувства (стонет он, хнычу *я*) и др. Это может быть выражение конкретного поведения говорящего:

- (16) — Напишу, напишу, — *тороплюсь я*, — обязательно про всех напишу (Б. Окуджава, «Уроки музыки»).

Именно присутствие *я* «превращает» глагол *тороплюсь* в глагол речи.

1.6.б. Несобственно-прямая речь

В этом случае местоимение *я* необходимо. Именно оно показывает переход от речи говорящего к передаче чужой речи.

(17) Я вспомнил, что Жарык — это станция, возле которой находилась мама, откуда иногда долетали до меня ее письма, из которых я узнавал, что она здорова, бодра, и все у нее замечательно, только ты учишься, учишься хорошенько, я тебя очень прошу, сыночек... и туда я отправлял известия о себе самом, о том, что я здоров и бодр, и все у меня хорошо, и я работаю над статьей о Пушкине, меня все хвалят, ты за меня не беспокойся, я уверен, что все в конце концов образуется, и мы встретимся (Б. Окуджава, «Девушка моей мечты»).

В этом фрагменте передача содержания письма матери сменяется содержанием письма сына. И в том и в другом случае упразднение *что* и употребление местоимений *ты* и *я* отмечают переход к цитированию. Интересно отметить, что и здесь наличие союза *и* обуславливает в какой-то мере присутствие *я*. Действительно, в «и я работаю...» *и я* выступает как марка разрыва с предыдущим, перехода к другому пункту, показывая, что работа над статьей не входит в обобщающую информацию «у меня все хорошо».

1.7. Восклицательные высказывания с отрицательным значением

Русская разговорная эмоционально насыщенная речь насчитывает немало восклицательных высказываний, положительных по форме, отрицательных по содержанию. Все они характеризуются постпозицией местоимения-подлежащего по отношению к предикату. Этот последний является носителем фразового ударения, а местоимение выступает энклитикой.

(18) Стану я просить у него разрешения!

Эквивалентом этого предложения является:

(18а) Я не стану просить у него разрешения.

Но пример (18) выступает как ответ — отказ на возможное предложение. Иначе говоря, в основе его функционирования лежит определенная пресуппозиция. Упразднение *я* вызывает изменение глагольной формы, переносит фразовое ударение на дополнение и возвращает высказыванию его положительную модальность:

(18в) Попрошу у него разрешения.

Присутствие я в постпозитивной энклитической позиции строит отношения возражения, несогласия с возможным предыдущим высказыванием. Напомним, что высказывания с подлежащим в постпозиции сказуемому, когда это последнее выступает носителем фразового ударения, функционируют для выражения несогласия с собеседником, для опровержения пресуппозиции. Высказывания где подлежащим является я, представляют лишь частный случай этого общего правила.

1.8. Местоимение Я и вопрос тематизации

Всегда ли я-подлежащее в позиции перед сказуемым выполняет функцию темы? Наш анализ показывает, что я в высказывании не всегда обладает теми характеристиками, которые, на наш взгляд, определяют тему, а именно: начальная позиция, восходящее движение тона в ударном слоге [Fougeron 1989: 216–221]. Именно это последнее положение иногда не может быть реализовано. Действительно, пауза после я очевидна только там, где оппозиция эксплицитно выражена противительным союзом, и я находится во втором члене оппозиции, т. е. после союза.

(19) Он рубит дрова, а я складываю.

Анализ различных контекстов позволяет определить условия, при которых местоимение-подлежащее функционирует как тема или ее основа.

Вернемся к примеру (1).

(1) Что вы, честное слово, — забеспокоилась Маруся, — спите, утром поедете, а я у соседей переночую, никому не мешаю (А. Рыбаков, «Дети Арбата»).

Здесь совершенно очевидна темо-рематическая организация второго сочиненного предложения, которое выступает вторым членом оппозиции: вы спите здесь, а я буду спать в другом месте.

В примере (3) в роли темы функционирует главное предложение:

(3) Отчего вы решили заняться психиатрией? <...> Из желания покопаться <...> в чужих душах? Если так — это

интересно. Но я подозреваю, что причина может оказаться еще более яркой (Б. Акунин, «Черный монах»).

Местоимение я выступает основой темы. Именно оно отмечено основным формальным показателем — восходящим движением тона. Этот фрагмент можно перефразировать: «Это может быть и так, но что до меня, то я думаю, что есть другая причина».

Похожая ситуация наблюдается и в следующем примере:

(20) Кто хочет вернуться к старому, волен уплыть <...> обратно. Насильно там никого не держат. Я считаю, что выбор у человека отбирать нельзя (Б. Акунин, «Черный монах»).

В этом контексте перед нами иерархия тем: первой темой выступает главное предложение *Я считаю*, где я является основой: мое мнение противопоставляется любому другому возможному. Через вторую тему — *выбор у человека*, где в качестве основы выступает *выбор*, — устанавливается связь с предыдущими высказываниями.

В цитированном выше примере (10) картина несколько иная.

(10) — Вы подозреваете, что Максим знал о преступных замыслах своего друга?

— Я ничего не подозреваю, <...>. У меня нет оснований для каких бы то ни было подозрений.

Здесь если и имеет место оппозиция (*подозреваете — не подозреваю*), то, на наш взгляд, не она обуславливает функционирование я в роли темы. Говорящий *концентрирует внимание на себе*, что не исключает противопоставления себя любому другому, кто мог бы быть на его месте и иметь иное мнение. Это скорее скрытое противопоставление. Перед нами своего рода эмфатизация подлежащего.

Следующий пример особенно интересен:

(21) ... Меладзе засопел у меня за спиной. Он протягивал мне миску с лобно.

— Что вы, — сказал я, — у нас все есть...

— Держи, кацо, — сказал он угрюмо, — я знаю.

(Б. Окуджава, «Девушка моей мечты»).

Здесь реализация *я знаю* без тематического выделения *я* значительно упростила бы смысл реплики: *я знаю, что у вас все есть*. Тематическое выделение *я* переводит высказывание в другой регистр. Это не просто ответ на предшествующее утверждение. Это выражение собственной мудренности, *я-то знаю, что делаю*. Перед нами еще один случай эмфатизации.

Иногда тематизация местоимения, имея в основе своей оппозицию в широком смысле слова, опирается в высказывании на дополнительные средства:

(22) Все, понимаешь, стараются, сил не щадят, а Акаджав с прохладцей. <...> Я, товарищ лейтенант, с ним в разведку не пойду (Б. Окуджава, «Уроки музыки»).

Безусловно, наличие обращения подчеркивает, выделяет *я-тему*. Однако в первую очередь тематизацию *я* следует видеть в отношениях, которые говорящий устанавливает между своими высказываниями. Перед нами опять причинно-следственные связи на оппозиционной основе: раз *он* такой, *я* с им не пойду.

Последний пример тематизации, который мы хотим привести, показывает, что концентрация внимания говорящего на самом себе, т. е. эмфатизация, может не иметь в своей основе оппозиции. Рассмотрим следующий контекст.

(Генерал, стараясь удержать Каменскую в своем отделе, давно обещал прислать ей работников для обучения.)

(23) — Получайте своего первого ученика, — улыбнулся генерал. — Я свои обещания выполняю (А. Маринина, «Реквием»).

Анализ широкого контекста показывает, что здесь нет никакого сравнения или противопоставления. Никаких отношений с «другим» не строится. Говорящий переходит от речи о выполненном обещании к другому плану, концентрируя внимание на своей собственной характеристике: *я таков*.

Оппозиция и эмфатизация являются условиями тематического выделения местоимения-подлежащего *я*. Отсутствие этих двух факторов приводит к тому, что *я* становится неотделимо от глагола-сказуемого.

2. Высказывания без я

Как мы видели, присутствие я в высказывании объясняется намерением говорящего сконцентрировать внимание на себе, выделяя себя из ансамбля, или приводя в равновесие отношения собеседников, или переводя повествование в другую плоскость. Можно предположить, что отсутствие я связано с нейтрализацией роли говорящего.

2.1. Устоявшиеся выражения и формулировки

Действительно, в ряде случаев отсутствие я выражает снижение роли говорящего в процессе речи. Это приводит к созданию устоявшихся формулировок, которые иногда могут заменяться «безличными» выражениями или же эквивалентными предложно-падежными формами.

(24) Извините, что *отрываю* вас... = Извините за *беспокойство*.

(25) *Умоляю*, расскажите! = *Пожалуйста*, расскажите!

(26) *Прошу* прощения = Извините.

Так же можно расценивать ответ на телефонный звонок

(27) — *Слушаю*.

— Здравствуй, мама,

где *Слушаю* равнозначно «алло». Интересно заметить, что при повторении реплики, в случае, например, плохой слышимости, она будет реализована с я:

— *Слушаю*. — ... — *Я слушаю*.

Отсутствие я является правилом в формулировках социального этикета, когда говорящий является лишь исполнителем возложенной на него роли, своего рода рупором:

(28) *Объявляю* заседание открытым.

(29) ... *приказываю* произвести салют.

2.2. Выражение категоричности

В других случаях отсутствие я может быть связано с выражением категорического решения, которое говорящий принимает самостоятельно, за которое готов отвечать, которое не требует комментариев:

(30) Поработай еще пару дней в первой, потом переведу (А. Рыбаков, «Дети Арбата»).

Собеседник в такой ситуации является лишь потенциальным собеседником: его мнения не спрашивают, на разговор его не вызывают. А. М. Пешковский отмечал, что форма лица в глаголе наиболее самостоятельна, особенно 1-го и 2-го лица. Отсутствие местоимений 1-го и 2-го лица придает речи «некоторую энергичность, быстроту и взволнованность» [Пешковский 1956:188]. К этому можно добавить, что в диалоге отсутствие я сигнализирует, что говорящий полностью или частично соглашается с мнением собеседника. Так в примере

(31) — ...рожай, поженимся. <...>

— Не женишься ты, да и я не пойду за тебя. <...> *Выйду, только не за тебя* (А. Рыбаков, «Дети Арбата»)

говорящий лишь частично соглашается с собеседником: мысль о женитьбе принята, но *только* не с тем, кто предлагает.

2.3. Последовательность действий

Отсутствие я наблюдается при перечислении следующих друг за другом действий:

(32) Если в Катовице меня не кинут, я осенью *открою* лавку на рынке — через год *арендую* магазин, *поставлю* своих продавцов, *завезу* товар. Вот уж *развернусь* (С. Успенская, «Какого цвета ночь»).

Наличие я при первом действии вводит идею говорящего, за которой следует изложение *заранее продуманной программы*. Первый акт приводит в движение все остальные. Условие их реализации — реализация первого действия. Если бы последовательность не была заранее предусмотрена, и все останавливалось бы на первой фазе, я могло бы быть опущено, что показало бы тесную связь между придаточным и главным предложениями.

Особым случаем «цепной» реализации действий является последовательность «глагол движения + совершенный вид другого глагола». Этот последний выполняет роль древнего супина, я перед ним исключается.

(33) А-а, — протянул альбинос и глянул в окно. — Это что, Клинт? Садись, Мишель. Я скажу про самовар. *Выйду*

ноги разомну. Заодно проверю, не дрыхнут ли черти (Б. Акунин, «Статский советник»).

Говорящий начинает с распределения ролей ([ты] садись — я скажу), что объясняет наличие здесь я. Далее развертывается последовательность действий. Интересно заметить, что перед нами две одинаковые формы глагола, но в разных функциях, так же как и в следующем примере:

(34) Чаю его высокопревосходительству. Ух, душно. Выйду воздуха глотну (Б. Акунин, «Статский советник»).

2.4. Удвоение глагола

Удвоение глагола, как правило, ведет к опущению местоимения-подлежащего. Представим себе ситуацию: Катя из столовой зовет Таню, находящуюся в ванной, завтракать:

(35) Катя: — Таня, кофе.

Таня: — Иду.

Но Катя не слышит ответа и зовет снова:

(35а) Катя: — Ко-офе!

Таня: — Иду-иду.

Мелодически две формы спаяны в одно «большое слово». Заметим, что удвоение глагола выражает не столько настоятельность, как это принято считать, сколько желание говорящего дать понять, что речь идет о повторении первого ответа, который не был услышан. В качестве эквивалента употребляется

(35с) Я иду.

Удвоение глагола и отсутствие я употребляются также для выражения тщетности усилия.

(36) Есть у меня пациентка, которая каждое утро, просыпаясь, возвращается в самый страшный день ее жизни <...>. Ложится с улыбкой <...>. А утром просыпается, — и все сначала <...>. Бьюсь, бьюсь, а ничего пока сделать не могу (Б. Акунин, «Черный монах»).

В этом отрывке говорящий с самого начала занимает место в повествовании (есть у меня). Местоимение не призвано выразить ни одного из выше упомянутых

имплицитных сообщений. Говорящий не стремится противопоставить себя другому лицу. Союз *а* несет в себе оппозицию между усилием и результатом, вернее отсутствием результата, действия *одного и того же лица*. Если заменить предложение *ничего пока сделать не могу* предложением, где референтом подлежащего будет другое лицо, и упразднить удвоение глагола, *я* в первом сочиненном предложении станет необходимым:

(36а) *Я бьюсь, а она не поддается.*

Если восстановить удвоение глагола, *я* может быть опущено:

(36б) *Бьюсь, бьюсь, а она не поддается.*

Таким образом, можно сказать, что между присутствием *я*, которое выражает оппозицию по отношению к другому лицу, и отсутствием *я* при удвоении глагола, выражающем настойчивое действие, существует функциональный эквивалент. Из этого вытекает, что отсутствие удвоения глагола само по себе предполагает наличие какой-то оппозиции.

2.5. «Я» и дискурсивные связи

Обычно первое появление говорящего вызывает употребление *я*. Так, например, начало какого-нибудь доклада или сообщения:

(37) *Я хочу поделиться с вами первыми результатами наших исследований.*

Отсутствие *я*, на первый взгляд, может быть связано с тем, что говорящий уже присутствует в коммуникативном поле:

(38) *У меня за эти годы собралась изрядная коллекция — когда-нибудь окуплю все расходы по клинике (Б. Акунин, «Черный монах»).*

Однако, если вспомнить пример (17):

что я здоров и бодр, и все у меня хорошо, и я *работаю* над статьей о Пушкине, меня все хвалят...

и сравнить его с (38), то видно, что в последнем отсутствие *я* не просто средство языковой экономии, но в

первую очередь выражение непосредственной связи между двумя частями высказывания, тогда как в (17) присутствие *и я* отмечает разрыв, переход к новому пункту рассказа.

3. Случаи, когда присутствие или отсутствие *я* одинаково возможны

До сих пор мы рассмотрели крайние случаи, когда присутствие *я* было или совершенно необходимо, или совершенно невозможно. В ряде случаев мы попытались указать, какие изменения могло бы внести введение или упразднение местоимения. Рассмотрим теперь несколько параллельных контекстов.

(39) — Давай приезжай. Адрес знаешь?

— Да. Ты все там же?

— Конечно.

— Хорошо, приеду. Ты когда дома бываешь?

(40) (Мариана — бывшая жена говорящего)

— Звонила Мариана. Сын Павел попал в тюрьму.

— Ах ты, Господи-батюшки! Напасть какая! Поезжай к ней, к мученице.

— Я поеду. Только позвоню (И. Грекова, «Пороги»).

В примере (39) перед нами выражение полного согласия говорящего с предложением собеседника; оно подчеркивается и наречием *хорошо*. Именно это согласие обуславливает отсутствие местоимения-подлежащего. А в примере (40) присутствие *я* обуславливается наличием пресуппозиции: «Вы думаете, что я не поеду, так вы ошибаетесь — я поеду». Такое же рассуждение можно провести по поводу следующего примера:

(41) — Виноват, ваше высокоблагородие, — повесил голову наказанный. — Только от оперативной работы не отстраняйте. Я заслужу, вот вам крест, заслужу (Б. Акунин, «Статский советник»).

Здесь говорящий стремится убедить собеседника, а убедить — предполагает преодолеть мнение противника, т. е. враждебную пресуппозицию. Наличие *я* вводит ка-

чественную характеристику говорящего, которая должна изменить мнение собеседника.

Таким образом возможность пресуппозиции делает присутствие *я* обязательным. Следующий пример особенно интересен, так как в нем имеются оба случая:

(42) — Мариана с минуты на минуту должна вернуться.
Я звоню без нее, чтобы не причинять боли. *Понимаешь?*

— *Понимаю.*

— Я теперь должен быть здесь. Может быть, долго к тебе не приду. Может быть, совсем не приду. *Понимаешь?*

— *Я все понимаю (И. Грекова, «Пороги»).*

Первое появление *я* как бы приостанавливает текст, говорящий притормаживает его, старается показать, что он спокоен. Реплика собеседника *Понимаю* выступает, как простой ответ на заданный вопрос, ответ не имеющий никакой имплицитной информации. Тогда как последняя реплика строится на пресуппозиции: «Если ты думаешь, что я не все понимаю, и мне надо объяснять, то ты ошибаешься». И здесь через присутствие *я* выражаются оппозиционные отношения между собеседниками.

В заключение мы хотим вернуться к замечанию А. М. Пешковского, который видел в высказываниях без *я* энергичность и быстроту. Действительно, в целом ряде случаев отсутствие местоимения придает высказыванию категоричность, которая создает впечатление ускоренности речи. Можно напомнить в этом отношении пример (30):

Поработай еще пару дней в первой, потом переведу
и сравнить его с высказыванием, в котором фигурирует *я*:

Поработай еще пару дней в первой, потом я тебя переведу.

Если в примере (10) во второй реплике убрать *я*, то «ускоренное» высказывание по своей резкости граничит с грубостью.

(10а) — Вы подозреваете, что Максим знал о преступных замыслах своего друга?

— Ничего не подозреваю, <...>. У меня нет оснований для каких бы то ни было подозрений.

Точно так же подчиненный спрашивает у вышестоящего:

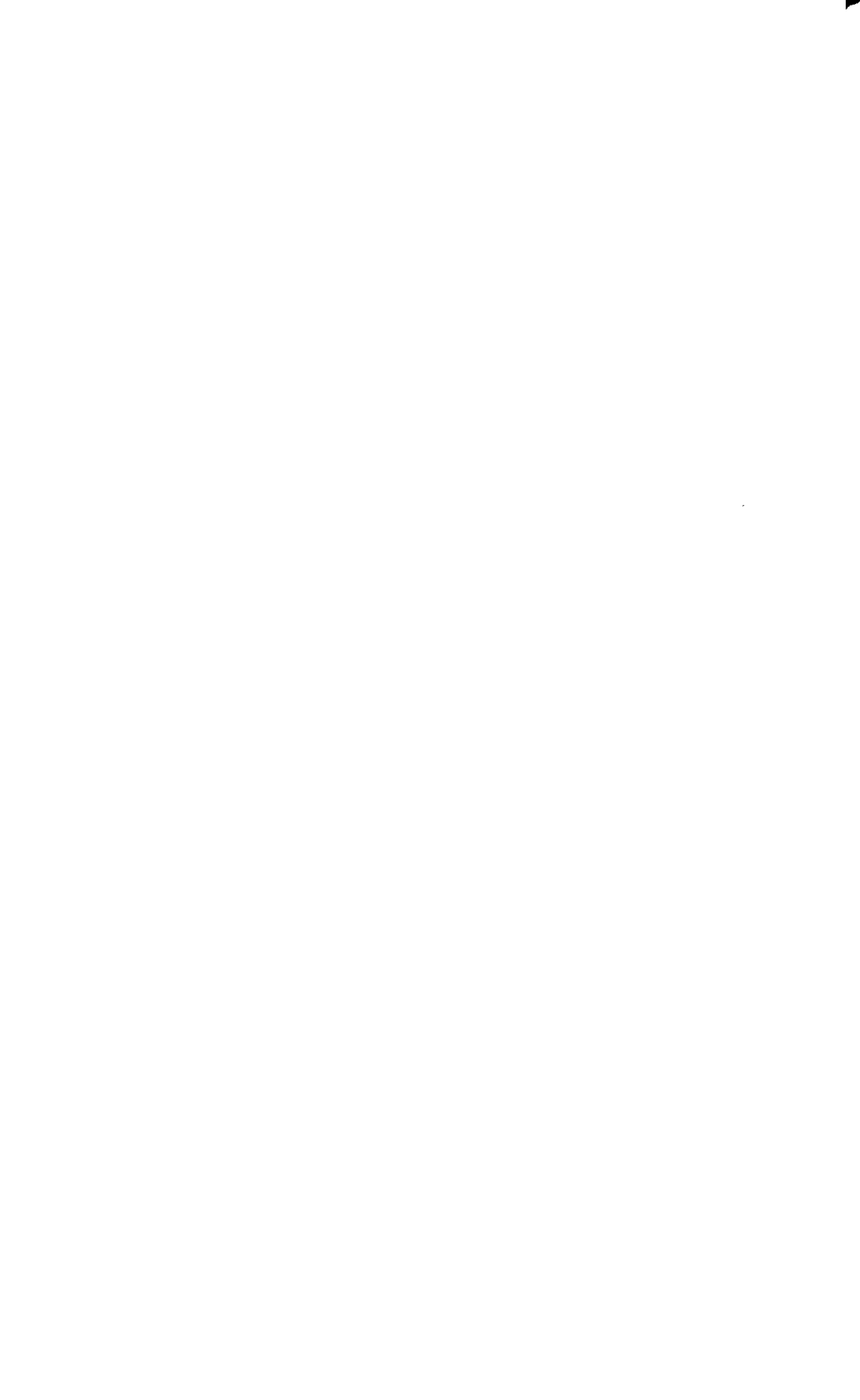
(43) Я могу идти?

Упрямление я сделало бы вопрос резким. Можно сказать, что в диалоге присутствие я имеет прагматический эффект — оно сближает собеседников. Я — это всегда побуждение к разговору; присутствие местоимения делает «другого» не просто слушателем, а потенциальным собеседником.

Заключение

А. М. Пешковский отмечал, что присутствие местоимения-подлежащего я является нормой. Мы сегодня можем пойти дальше и добавить, что функционирование я обслуживает сложный комплекс речевых операций и обеспечивает единство, целостность текста. Действительно, во все недостаточно просто обозначить лицо (ответить на вопрос — *Кто говорит?*), когда в дискурсивном обмене стоит вопрос об аргументации.

Выражение субъекта речи, личное местоимение 1-го лица, в роли подлежащего глагола настоящего времени выступает как одно из основных средств построения и поддержания дискурсивных связей.

ФУНКЦИИ РУССКОГО «Я» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Насколько можно судить по литературе, вопрос об употреблении — неупотреблении в речи русского местоимения первого лица имел, по сути, два решения.

Согласно первому из них, употребление я в русском языке является нормой. Таковы, например, выводы скандинавской исследовательницы Б. Нильссон, описавшей функции эксплицитного местоимения в польских и русских высказываниях [Nilsson 1982]. Автор считает, что эксплицитный местоименный субъект — это «нормальная ситуация» русского языка, тогда как для польского «нормален» нулевой субъект, поскольку польский глагол «обеспечивает необходимую информацию для идентификации субъекта» [Nilsson 1982: 34–37]. Таким образом, современные языки Европы как будто можно разделить на языки с обязательно выраженным местоимением первого лица и языки, где эта обязательность не предполагается. Таковы, в отличие от русского, языки типа польского, испанского, итальянского, где местоимение, как правило, опускают (или не вводят) в нейтральной речи. См. польские примеры: *stuham; jestem dzennikarzem; nie pamiętam, gdzie ona mieszka*. Однако (и на это обратим внимание для нужд дальнейшего изложения!) при противопоставлении и подчеркивании местоимение возникает также и в польском: *A ja od wczoraj tam urlop; ja również jestem dzennikarzem*. (См. это же положение и для испанского: «Личное местоимение в функции подлежащего обычно опускается, если нет противопоставления» [Васильева-Шведе 1948: 530].) Аналогичную ситуацию отмечает для польского и Б. Нильссон: эксплицитные местоимения характеризуют конструкции противопо-

поставительные (adversative constructions), даже и при отсутствии соответствующих союзов [Nilsson 1982: 54].

К языкам с обязательным местоимением «слева» принадлежат английский, французский и др.

Но все же русский язык в этом отношении представляет для исследователя некоторую загадку, поскольку всякий русский может сказать:

— Я решил поехать в Конго! — Почему? — Люблю Африку!

и

— Я решил поехать в Конго. — Почему? — Я люблю Африку.

Тогда можно было бы говорить о втором решении: это различие стилистическое, оттенки смысла почти неуловимы, здесь имеется ситуация «свободного выбора».

Выше читателю предлагалась концепция Ж. Брейяра и И. Фужерон о мотивах употребления/неупотребления я в русском тексте. К этой концепции мы полностью присоединяемся. Исследования Ж. Брейяра и И. Фужерон показали, что существует определенная иерархия предпочтений ситуаций «с местоимением и без». Это соответствовало общей концептуальной установке, проходящей через данную монографию, а именно — там, где предполагают «свободный выбор», существуют на самом деле скрытые категории.

1) так, я всегда ставится в предложениях с противопоставлением, вводимым через *а*, так что практически как бы возникает слитный комплекс *ая*, который орфография, правда, не допускает. См. *Говорите с моим отцом сами, а я не стану* (А. П. Чехов). Ср. **Говорите с моим отцом сами, а не стану*. Такой комплекс может быть и дистантным. Например, *Прогуляемся по течению верст пять-шесть, потом я останусь, а вы вернетесь* (Домбровский). Здесь дистантное противопоставление представлено в одном высказывании. Оно может быть и в двух простых: *Ведро твое в кухне стоит — я в нем не мою. А Панька моет* (И. Грекова). Говоря шире, я употребляется при наличии противопоставления, хотя бы

выраженного и не через *а*, вообще — любого эксплицитного противопоставления. Противопоставление может быть достаточно развернутым: *...Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура (А. П. Чехов).*

2) Я употребляется при наличии внутри высказывания других местоимений¹. *Но я хотела, чтобы он, отбывая наказание, знал, что я его жду, что он мне нужен (А. Маринина).*

3) Наличие я может быть вызвано переменной топика. Так, Треплев в «Чайке» после развернутого монолога о кризисе искусства и одновременной критики матери-актрисы говорит: *Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно (Смотрит на часы). Я люблю мать, сильно люблю, но она ведет бесполовую жизнь... (А. П. Чехов).* Здесь введение я демонстрирует несогласие с возможным выводом дяди (Сорина) о том, что Треплев просто не любит мать.

4) Напротив, существуют коммуникативные штампы, в основном публично-этикетного характера, когда я как раз не употребляется. Например: *Объявляю заседание открытым; Прошу разойтись; Стреляю; Считаю выборы не состоявшимися* и под. В этих случаях подобные реплики обычно принадлежат Начальнику (Председателю) или другому «облеченному» лицу. *Слушаю вас, — важно заметил мэтр неожиданно высоким тенорком (А. Маринина).*

¹ Интересно, что для старославянских текстов В. С. Ефимова подобных случаев не отмечает [Ефимова 2002], тогда как употребление местоимения при *а* и/или противопоставлении в них практически обязательно. Это значит, что в диапазоне употребления я есть устоявшиеся семантические универсалии, требующие обязательного воплощения, и грамматикализованные — возможно, в каждом языке индивидуально — поверхностно-синтаксические комбинации.

Последний пример подводит нас к интерпретации тех случаев, когда выбор возможен. Анализ русских высказываний с *я* и без *я*, рассмотренных в их связи с предыдущим контекстом, как явным, так и имплицитованным (см. выше работу И. Фужерон и Ж. Брейера), показал, что содержательной категорией, определяющей употребление личного местоимения, является **согласие/ несогласие с горизонтом ожидания Другого**. Этим Другим в принципе может быть и сам коммуникант. *Люблю хороший чай!* — восклицает человек, приступая к чаепитию. Это он говорил уже не раз (возможно, и самому себе). *Я люблю хороший чай* может сказать он же, объясняя гостю, почему чай заваривается так долго². В самых простых диалогах на вопрос *Ну, ты идешь?* возможен ответ *Иду-иду*, т. е. *конечно, иду*, или *Я иду* (возможно, с некоторой раздраженной интонацией: *ты думаешь, что я копаюсь, а я иду*).

Ориентация на горизонт ожидания собеседника связана не только с подтверждением/неподтверждением его мнения (ожидания), но и, естественно, с введением в коммуникацию принципиально **нового** по информации сообщения³.

² Метатеоретическим подкреплением этого положения можно считать интересные в теоретическом плане данные И. Хельмбрехта [Helmbrecht 1998] о принципиальной противопоставленности 1-го лица остальным лицам. Эту изначальную противопоставленность он прослеживает на материале самых различных «экзотических» языков современности. Важно и то, что он подчеркивает «идиорефлексию» говорящего: «Только говорящий сам знает все о себе и может не сомневаться в своих ощущениях и реакциях» [Там же: 295]. Диахронические данные — в частности, как показывает И. Хельмбрехт, то, что категория рода связывается с 1 лицом не первоначально, ибо говорящий сам знает, какого он пола, снимают частые возражения лингвистов «парадигматической ориентации» о том, что все 3 лица нужно описать в их дискурсивной установке как единую модель.

³ Именно поэтому существенно наблюдение В. С. Ефимовой [Ефимова 2002: 3–7] о том, что в евангельских текстах с **азъ** начинаются реплики Христа, несущего **новую** весть; так же с **азъ** вводятся реплики самоидентификации, столь характерные для евангельских текстов.

Поэтому абсолютно инициальное сообщение — начало романа или повести, например, часто начинается с Я-конструкции.

2. В главе первой в связи с этимологией и индоевропейской перспективой сочинительных союзов *a*, *и*, но говорилось о партикулах как основных минимальных единицах, из которых — на определенном этапе — порождались все лексемы славянского (и индоевропейского) коммуникативного фонда.

Союзы описывались как примарные единицы, неразложимые далее и имеющие зоны самостоятельного функционирования в языке.

Какое же к этому отношение может иметь русское односложное *я*, представляющееся неразложимым местоимением первого лица единственного числа? Обратимся прежде всего к Этимологическим словарям.

Наиболее подробно различные взгляды на этимологию и языковые связи славянского местоимения первого лица приводятся в «Этимологическом словаре славянских языков. Грамматические показатели и местоимения» (в дальнейшем — *Etim. slov.*), в статье *AZЪ* [*Etim. slov.* 1980: 73–78]. Прежде всего, в этой статье сообщается об особом положении первого лица местоимений практически в большинстве языков — эта форма отличается супплетивностью (это не только языки индоевропейские, но и лакский, монгольский, уррофинские и др).

Ближайшие параллели для славянской формы — лит. *aš*, ст.-прусск. *as*, более далекие — греч. *ἐγώ*, лат. *egō*, готск. *ik*, арм. *es*, авест. *azət*, др.-инд. *aḥam*.

Для каждой из сегментных составляющих слова *азъ* приводятся точки зрения исследователей, кстати, как правило, противоречащие друг другу. Так, древнейшей считается у одних лингвистов форма **jazъ*, у которой в дальнейшем инициальное *j* отпало и появилась форма *азъ*. Доказательством этого считается сохранение именно такой формы в большинстве славянских языков. Этой концепции придерживались: Фортунатов, Вондрак, Кнутсон, Бернекер, Преображенский, Брюкнер, Славский, Фасмер, Махек.

Существует и другая точка зрения (ее приверженцы не названы), по которой древнейшей формой была *azъ*, а *j* выполнял позднейшую функцию протезы.

Утрату конечного *-zъ* некоторые приписывают влиянию формы второго лица — *ty*, не имеющей по реконструкции консонантного исхода (Бернекер, Шмидт, Вакернагель-Дебруннер).

Сложной проблемой для этимологов оказалась реконструктивная интерпретация начального *a*. Одно из объяснений: *jazъ* < *jezъ* < *ezъ* < **egh-* (Шляков, Соболевский, Ягич, Фортунатов, Вондрак). Есть и концепция, по которой *ja* < **eg-* (в Мариинском Евангелии есть и форма **ѣзъ**). Предполагалось, что *i* + *azъ* могло дать *jaz*. Инициальное *e* соотносено рядом лингвистов и с реконструкцией не только славянских данных: хеттск. *ug/uk* < **ogh-*.

Конечное *ъ* в славянском и *-m* (*-om*) в языках родства объяснялось через добавленность *-om* как частицы (значение которой нельзя определить).

Более общую схему предложил Эрхарт [Etim. slov.: 77], возводя эту форму к двум исходным: *H'A—GA/HA—GA*.

О двукомпонентности реконструируемой формы писали, кроме Эрхарта, судя по статье в Etim. slov., и другие лингвисты (Торп, Бругманн, Тромбетти, Шпехт). Так, в инициальном вокалическом компоненте видели дейктическо-прономинальный элемент (элемент того же качества находят перед *m-n-* формой местоимения первого лица и в угрофинских языках). Вторая часть слова интерпретируется так же, как дейктическая частица, близкая, например, др.-инд. *gha/ha*, греч. *γε* (такой *g*-овый элемент также находит соответствие в угрофинских формах местоимения).

Хотя общепризнанной для употребления этой полной формы является **семантика противопоставленности**, возможность возникновения инициального *a* (или, напротив, введения йотированной протезы) из-за контактности с противопоставительным союзом *a*, в Etim. slov. категорически отрицается.

Несколько иная интерпретация славянского местоимения первого лица представлена в «Этимологическом сло-

варе славянских языков» (в дальнейшем — ЭССЯ). В ЭССЯ прежде всего говорится о факте «несомненно эмфатического употребления и.-е. **egom*» (то есть я, — Т. Н.) [ЭССЯ, вып. 1: 101], что не позволяет никак (такие идеи были) приписывать ему древнее влияние со стороны личных форм глагола. Как показывает этимологический анализ, согласно ЭССЯ [ЭССЯ вып. 1: 100–103] Я [ja] соотносится с аналогичной формой (идентичной?) во всех славянских языках: ст.-слав. азъ, болг. аз, мак. јас, чеш. ја и т. д. Оно связано и с др.-инд. аham, авест. азəт, арм. es, лат. egō, греч. ἐγώ, лит. аš и т. д. Односложную форму русского ја Р. Якобсон (цит. по этой статье) объяснял как моносиллабический вариант двусложного јаъ.

Судя по статье в ЭССЯ, актуальными проблемами для интерпретации этой формы являются: сведение воедино функционально инициального е и а, реконструкция консонанта: eg или eg(h), а также возникновение начального j (или его исчезновение; см. об этом выше в связи со статьёй в Etim. slov.). Последний пункт тоже очень интересен. В указанной статье в ЭССЯ О. Н. Трубачев полагает, в отличие от позиции в Etim. slov., что j как вставка возникло именно, чтобы избежать зияния, так как очень частой в речи была конструкция с а (см. современные русские примеры) и тогда было бы $a+a > aa$.

Однако возможно предположить, что *j- восходит здесь к релятивному форманту, соединяющему части высказывания⁴. Важное дополнение по этому поводу находим в статье К. Г. Красухина [Красухин 2001]. См. у него: «Частица о/јо, стоявшая в начале предложения (колонна) в критомикенских текстах, обладала сильным фразовым ударением. Это не морфема генитива, а частица, функционально подобная *de, т. е. выражающая **противопоставление предшествующей конструкции** (выделено мною. — Т. Н.) и направленность на последнее сообщение» [Красухин 2001: 129].

⁴ Так, еще Я. Гонда говорил о том, что относительное местоимение *jo имело и чисто разделительный характер [Gonda 1954–55: 1].

В целом же О. Н. Трубачев склоняется к идее метатезы: *jъza < *azъ, объясняющей происхождение этой формы.

Но более существенно для нашей работы его утверждение о том, что я возникло как свернутое во времени выражение-оборот: *egom < *e + go + me 'вот я' ('It is me'). Итак, я в первоначальном употреблении — это «вынесенный вперед катафорический местоименный комплекс + он +я». Интересно, что подобное выражение, сходное по семантической структуре, но не идентичное лексически, а именно: вот он(а) я; я вот он(а) и сейчас используется русскими как реплика-ответ на вопрос А где X?, хотя у школьников подобный ответ, как правило, пресекается.

О. Семереньи [Семереньи 1980: 231], рассматривая корреляцию начального *egō/eg(h)om/*-em-/*-m-, пришел к выводу, что личным окончанием глагола было именно -m-, а не -eg(h)-, так как -m- было более ранним. Он пишет: «Следовательно, значащим элементом в номинативе является не *eg(h)-, а -om-; *eg(h)- — это элемент, который в качестве префикса присоединялся к местоимению *em-» [Там же]. Действительно, многие категориальные формы, связанные с 1 лицом, имеют в составе прежде всего -m-, например м-ой.

Совершенно новая гипотеза была выдвинута В. Н. Топоровым ([Топоров 1992] и более поздние его работы). Обращаясь к этой форме, реконструируемой им как *eg'hom, он пишет: «и.-е. eg'hom, как бы его ни членить <...>, состоит более чем из одного элемента, из двух по крайней мере» [Топоров 1992: 131]. Соглашаясь с тем, что первым элементом является дейктический элемент (*e-, *H'e-, *H'ei-, *H'i и т. п.), а вторым — усилительная частица (*-g'h-, *-gh-), он основное внимание уделяет последнему элементу с -m-, развивая далее идею совместного существования в синтагматике этой указанной формы и формы *men-, которое выступает в родительном падеже и обычно трактуется как супплетивное образование для косвенных падежей местоимения 1 лица. Это *men в свою очередь соотносится В. Н. Топоровым с корнем «общементального» значения, «тонкой духовной субстанции» (противопоставленном ты, соотносимом с субстанцией более

грубой). Тем самым, по концепции В. Н. Топорова, сначала, в виде интродукции, вводится 'вот моя здешность', то есть *вот я*, а затем это я поясняется через **ten-*, то есть я атрибуируется. Таким образом, здесь вводятся две важных идеи: 1) первичная форма 'Я' представлена комбинацией **eg'h* + *ten*; **ten* в именительном падеже было идентично (или не различалось) с формой родительного падежа, как часто было в индоевропейском имени; 2) именно **ten-* и образовывало базу местоимения первого лица.

Очень интересно, что с выводами В. Н. Топорова можно соотнести недавние наблюдения Г. А. Золотовой [Золотова 2000] о том, что в русском *Мне хочется* (которое рассматривается ею в противопоставлении с *Хочется*) *мне* является полноценным субъектом высказывания, но выражающим не активное действие, а «инволютивную маркированность» [Золотова 2000]. Более того, утверждения Г. А. Золотовой в свою очередь интересно сравнить со специальной работой, где прослеживается социолингвистическая история двух конструкций *I think* и *Methinks* [Palander-Colin 1998] в среднеанглийском и на раннем этапе современного английского. Автор приходит к выводу, что *I think* как более категорическое высказывание свойственно «элитарным» слоям населения, а более колеблющееся по решительности *Methinks* употребляли в основном купцы и более низкие слои. То есть эти выводы полностью совпадают с положениями Г. А. Золотовой о волютивной и инволютивной маркированности.

То, что «на самом деле» первому лицу и.-е. парадигмы соответствует именно *m*-форма, вытекает из довольно сложного построения, предлагаемого Б. Бичакжаном в связи с общей идеей возможных внутренних языковых конфликтов в рамках общей эволюционной линии [Bichakjian 2002: 191]. А именно:

You and I will go with John;
John will go with you and me.

Форма *I* обычно сочетается с последующим глаголом: *I work*; *I will go* etc. Но *You and I* — это целое сочетание. Оно тогда приравняется дистрибуционно к *you*

and me. И получается: *and me = with me*. Отсюда возникает исправляемое педагогами: *You and me will go with John*. Важно здесь, что Б. Бичакжан рассматривает *I*, скорее, как поздний заместитель подлинно первого лица, ориентированного на *m*-форму.

Однако и до сих пор общепринятым является положение о «супплетивности» склонения местоимения 1-го лица, когда эта форма **men/man* считается принадлежащей только генитиву. См. у Д. И. Эдельман: «Такие (посессивные. — Т. Н.) конструкции строились по модели оборотов, зафиксированных в древнеперсидском: **ima...mana//mai kartam (asti)* ‘это сделанное у меня есть’». Здесь, по мнению автора, логический субъект выражен генитивом местоимения 1 лица — *mana*. [Эдельман 2001].

Но для нас существенно наличествующее практически во всех последних указанных работах утверждение о «композитном устройстве» нашего я, которое — первоначально — подчеркивало активное объявление «сиюминутности» и актуальности делаемого заявления. С этим сопоставляется и анализируемая К. Шилдсом [Shields 1998] первоначальная структура другой и.-е. формы «я», восходящей к хеттскому *UK* и затем продолженной в германских языках, многое в местоименных формах которых К. Шилдс считает реликтовыми. Форму *UK* К. Шилдс объясняет как контаминацию уже «ослабленного» первоначального дейксиса (дейктической частицы) **и* с дейктической частицей **k(e/o)*, «обладающей значением ‘here and now’» [Shields 1998: 46]. То есть это тоже такая же первоначально композитная форма, с тем же самым значением, что и форма я.

Тем самым я хочу подчеркнуть идею, что высказывание с я при глаголе как бы «помнит» первоначальную давнюю функцию я быть интродуктивным компонентом, вводящим новое, не присоединяющееся к предыдущему и — благодаря этому — часто ему противопоставленное высказывание, что в настоящее время для слова «я» никак не фиксируется и нигде об этом в нормативных грамматиках не сообщается.

Итак, древняя история местоимения я как свернутого комплекса партикул интродуктивной для высказывания

актуализирующей семантики объясняет или подтверждает ситуацию псевдосвободы выбора этих форм в современном русском языке. То есть именно таково «подтверждающее» значение фраз *Люблю грозу в начале мая* (Да, я люблю...) или *Люблю тебя, Петра творенье*. Напротив, начинающий с местоимения С. Есенин предполагает, что кто-то может не любить Москву, его город, и сам понимает, почему: *хоть обрюзг он и обдряб*, но настаивает: *Я люблю этот город вязевый*.

Люблю хороший чай! — восклицает человек, приступая к чаепитию. Это он говорил уже не раз (возможно, и самому себе). *Я люблю хороший чай* может сказать он же, объясняя гостю, почему чай заваривается так долго.

Таким образом, русский язык сохраняет восходящее к индоевропейской древности противопоставление высказываний с интродуктивным партикулярным комплексом, не присоединяющимся к предыдущему (то есть — со значением нового, актуального, противопоставленного), и высказываний, следующих за предыдущим контекстом, синсемантических текстуально.

МЕСТОИМЕНИЕ ПЕРВОГО ЛИЦА В СТАРΟΣЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ — СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ

Как было показано в предыдущем разделе, существуют общие закономерности в употреблении личных местоимений в языке вообще, и в то же время каждый конкретный язык вырабатывает свои собственные нормы их функционирования, причем нормы, изменяющиеся по мере исторического развития языка. Это справедливо и в отношении славянских языков¹. В связи с этим представляется, что адекватное определение параметров наличия/отсутствия личного местоимения как функциональной категории языка (понятие, выдвинутое в [Брейяр, Николаева, Фужерон 2002]) требует не только чисто синхронного рассмотрения этого вопроса в современных славянских языках, но и исследования его в диахроническом аспекте. В частности, свидетельства древнейших славянских текстов об употреблении в них местоимения 1-го лица могут стать своеобразной «точкой отсчета» в представлении о развитии этой категории в славянских языках и пролить свет на правила ее работы в условиях современного дискурса.

Для изучения особенностей развертывания фраз, содержащих в глубинной структуре значение 1 л. ед. ч. (выражаемое или не выражаемое личным местоимением), мы выбрали материал евангельских текстов как содержащих довольно большое количество примеров «прямой речи».

¹ Ср., например, наблюдения над изменением норм употребления личных местоимений в языке новгородских берестяных грамот в известном исследовании А. А. Зализняка [Зализняк 1995: 152–154].

Путем сопоставления древнейших славянских списков между собой и с греческим оригиналом выявлялись условия наличия/отсутствия в таких высказываниях местоимения 1-го лица. В этих целях мы прибегли к методике сплошного расписывания евангельского текста, начиная с «классических» старославянских евангельских кодексов, ранних церковнославянских списков XI–XIII вв. разных изводов и греческого оригинала², привлекая для сравнения латинский и современный русский синодальный перевод, при этом нашей задачей была прежде всего не фиксация важных для текстологии фактов, а определение *возможностей языка*. Данная методика требует анализировать достаточно большое количество примеров *подряд*, позволяя заметить неочевидные на первый взгляд факты. Это особенно важно в нашем случае, так как в большинстве евангельских примеров высказывания, содержащие в глубинной структуре значение 1 л. ед. ч., принадлежат Иисусу Христу, чьи слова, в силу особого авторитета, сохраняют большую стабильность в движении по спискам, чем остальной текст Евангелий. Результаты данного исследования были довольно подробно изложены в статье [Ефимова 2002].

Местоимения 1-го и 2-го лица относятся к тем особым «неповторимым» языковым единицам, каждая манифестация которых имеет свою собственную референцию с уникальным речевым актом. Функции интересующего нас местоимения 1 л. ед. ч. мы разделили на «основные»

² При поиске разночтений использовались известные критические издания Нестле и Мерка [Nestle 1950; Merk 1984], изданная архимандритом Амфилохием греческая рукопись 835 г., а также указанные им разночтения [Амфилохий 1882]. При этом автор отдает себе отчет, что данный поиск не может быть исчерпывающим. Так, показательны найденные И. Огрен примеры вариантов, касающиеся употребления местоимения 1-го лица, в греческих списках Паренесиса Ефрема Сирина. Поскольку они непосредственно касаются нашей темы, приведем их: с ними же и азъ живѹ (26,63) — μεθ' ὧν κατοικῶ — μεθ' ὧν ἐγὼ κατοικῶ; ксмь с тобою (30,66) — ἐγὼ ἕσομαι μετὰ σοῦ — ἕσομαι μετὰ σοῦ [Огрен 1991: 29–30; 32].

(собственно местоименные) и «дополнительные» (т. е. не связанные с грамматической нагрузкой, но не менее важные для высказывания и текста). Собственно местоименные функции местоимения 1 л. ед. ч. были в свое время определены Э. Бенвенистом как обозначение индивида, «который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я». Давая симметричное определение местоимению *ты*, Бенвенист характеризует *я* и *ты* как категории языка и подчеркивает, что «при этом не рассматриваются проявления этой категории в отдельных языках, и представляется также несущественным, находят ли они эксплицитное выражение в речи или остаются там имплицитными» [Бенвенист 1974: 287]³. «Раскрывая» и приводя в соответствие с современной лингвистической парадигмой приведенное выше высказывание Э. Бенвениста, можно сказать, что значение 1 л. ед. ч., содержащееся в глубинной структуре высказывания и отражаемое в поверхностной языковой структуре, в индоевропейских языках (в том числе и в славянских) может выражаться как личным местоимением («собственно местоименная» функция местоимения), так и глагольной флексией, и «распределение ролей» при этом зависит от особенностей поверхностной структуры каждого конкретного языка. В отличие от русского языка, в поверхностной структуре старославянского, так же как и греческого (имеются в виду, конечно, эпохи раннехристианских текстов и византийского) и латинского, обладающих спрягаемыми глагольными формами во всех временах, «собственно местоименное» значение 1 л. ед. ч. способно полностью выражаться глагольной флексией. Отметим попутно, что этим обстоятельством во многих случаях объясняется расхождение в употреблении или неупотреблении местоимения 1 л. ед. ч. в старославянском

³ Способность местоимения 1 л. ед. ч. к передаче информации о высшем уровне характеристики, отмеченную А. Г. Елисеевой и О. Н. Селиверстовой [Елисеева, Селиверстова 1987: 79], относим к «собственно местоименной» функции как представляющую собой часть местоименного значения.

евангельском тексте, греческом оригинале, латинском переводе с одной стороны, и русском переводе с другой: в русском переводе местоимение 1 л. ед. ч. употребляется значительно чаще именно по этой причине. Ср., например:

(1) И 9,15: ὁ δὲ εἶπεν αὐτοῖς: πηλὸν ἐπέθηκέν μου ἐπὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς, καὶ ἐνιψάμην, καὶ βλέπω.

— онъ же рече имъ. бренье положи мнѣ на очню. и оумыхъ са и виждж⁴.

— Ille autem dixit eis: Lutum mihi posuit super oculos, et lavi et video.

— «Он же сказал им: брение положил Он на мои глаза, и умылся, и вижу».

Таким образом, каждое употребление местоимения 1 л. ед. ч. в старославянском евангельском тексте (так же как и в греческом, и в латинском) может быть «заподозрено» в выполнении «дополнительных функций». Вместе с тем выясняется, что местоимение 1 л. ед. ч. **азъ** в евангельском тексте является довольно частотным словом. Судя по индексу В. И. Ягича, в Мариинском евангелии **азъ** (именно как личное местоимение в форме 1 л. ед. ч.) употреблено 246 раз [Ягич 1960: 477—478]. Какие же «дополнительные функции» фиксируют у местоимения **азъ** древнейшие славянские рукописи?

Прежде всего бросается в глаза употребление местоимения **азъ** в различных сопоставительных конструкциях, в том числе и содержащих противопоставления говорящим себя 'другому', что уже отмечалось, в частности, М. И. Лекомцевой⁵. Однако в отличие от русского языка, где

⁴ Если в обследованных нами древнейших славянских рукописях не отмечено разночтений, относящихся к употреблению личного местоимения, в целях экономии места старославянский текст дается только по Мариинскому евангелию. При отсутствии текста в Мариинском цитируем другие старославянские кодексы с указанием на них. Разночтения в греческом оригинале указываем в квадратных скобках.

⁵ М. И. Лекомцева выделяет два типа конструкций: «1) конструкция с личным местоимением построена как антитеза конструкции, субъект которой выражен номинативно» и

местоимение я в условиях противопоставления, похоже, обязательно [Фужерон, Брейар 2001:], в древнейших славянских текстах употребление местоимения **азъ** в таких конструкциях не было обязательным. Показательными в этом отношении представляются случаи колебания в древнейших славянских евангельских списках в его наличии/отсутствии. Ср., например:

(2) И 14,12: ἀμὴν ἀμὴν λέγω ὑμῖν· ὁ πιστεύων εἰς ἐμὲ τὰ ἔργα ἃ ἐγὼ ποιῶ κάκεινος ποιήσει, καὶ μείζονα τούτων ποιήσει. («Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творяю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит»);

— **амин . амин глѣхъ вамъ . вѣроуѣми въ ма дѣла ѣже азъ творюхъ . и тѣ сътворитѣ . и больша сътворитѣ си хъ .** в Мар, Ас, Сав, Остр, Мст, Карп, Гал, Дбрш, Дбрм, Бан, Вук;

— **амин . амин глѣхъ вамъ . вѣроуѣми въ ма . дѣла ѣже творюхъ . і тѣ творитѣ . і больша творитѣ си хъ .** в Зогр и Врач.

Видимо, наличие/отсутствие местоимения 1 л. ед. ч. в таких случаях в старославянском, как и в изводах раннего периода, зависело от понимания переводчиком (или даже переписчиком) смысла высказывания, и наличие/отсутствие местоимения **азъ** следует отнести к той сфере смыслового компонента высказывания, который мы уже называли «субъективной интерпретацией» (см. в Главе I). Использование местоимения **азъ**, видимо, в немалой степени было связано со спецификой евангельского текста — простого по стилю, но живо рисующего «картинки из жизни», с обилием монологических поучений и диалогов, очень тонко передающих не только «обязательное» содержание прямой речи, но и его нюансы. Прямая речь в

«2) конструкция с одним личным местоимением построена как антитеза конструкции с другим личным местоимением» [Лекомцева 1979: 213]. В этой же работе описаны условия употребления высказываний «самоидентификации» типа «**азъ есмь**» [Лекомцева 1979: 214–215].

евангельском тексте часто принадлежит самому Иисусу Христу (как и в приведенном выше примере), что обуславливает ее экспрессивность, заданность на необходимость для говорящего *внушить* свою точку зрения слушающему (слушающим). Наличие местоимения 1 л. ед.ч. подчеркивало противопоставление, усиливало его эмоциональное воздействие на слушающего (реципиента), хотя язык позволял его выразить — в качестве обязательной информации — и без введения личного местоимения. Интересно, что таким же образом (т. е. в качестве «субъективной интерпретации») противопоставление могло быть усилено в некоторых древнейших евангельских списках введением «противопоставленного» местоимения 2 л. — при отсутствии его в греческом оригинале и в других древнейших славянских списках. Ср., например:

(3) И 13,36: ἀλεκρίθη αὐτῷ Ἰησοῦς ὅπου [ἐγὼ] ὑπάγω οὐ δύνασάι μοι νῦν ἀκολουθῆσαι.

— отъвѣшта нѣ ѣможе азъ идѣ не можешн нѣнѣ по мнѣ ити. в Мар, Зоґр, Ас, Сав, Остр, Мст, Карп, Гал, Дбрм, Врач, Вук;

— ѡвѣща нѣ ꙗможе азъ идѣ ты не можешн прити. в Бан;

— ѡвѣща иѣ ꙗможе азъ идѣ вы не можете прити. в Дбрш. Местоимение 2 л. отсутствует в этом чтении в латинском переводе, но присутствует в русском синодальном: Respondit Iesus: Quo ego vado, non potes me modo sequi. — «Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти».

Союз **а** в конструкциях с сопоставлениями встречается довольно редко, при этом могут наблюдаться колебания по спискам в употреблении **а** или **же**:

(4) Мк 1,8: ἐγὼ [μὲν] ἐβάπτισα ὑμᾶς [ἐν] ὕδατι, αὐτός δέ βαπτίσει ὑμᾶς [ἐν] πνεύματι ἁγίῳ. «я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым»

— азъ оубо крѣстихъ вы водою . а тѣ крѣститѣ вы дѣомъ сѣмъ . в Мар, Зоґр, Ас, Сав, Остр, Карп, Гал, Дбрш, Бан;

— азъ оубо крѣстихъ вы водою . тѣ же крѣститѣ вы дѣомъ свѣтѣимъ . в Мст.

Подчеркнем это отличие старославянского (и языка ранних церковнославянских списков разных изводов) от русского и, видимо, древнерусского языка, где употребление местоимения я (*ja*) тесно связано с союзом *a*, что дало основание О. Н. Трубачеву даже высказать гипотезу, что именно частотностью сочетаний с *a* может объясняться появление *j* в русском [*ja*], так как в этом случае язык избегает зияния: *a + j + a*.

Не всегда присутствовало местоимение **азъ** и в высказываниях, содержащих дополнение, в том числе и выраженное местоимением 2-го лица, при глаголе. Иными словами, поверхностная структура языка древнейших славянских рукописей не требовала обязательного создания бинарной опоры фразы типа я тебя и т. п., которая, видимо, необходима для современного русского языка [Фужерон, Брейар 2001: 54; Chevalier 1998: 71–72]. Так, например, в чтении И 13, 34, при наличии разночтения в греческом оригинале в наличии/отсутствии местоимения ἐγώ, в обследованных нами древнейших славянских списках местоимение **азъ** отсутствует:

(5) Ἐντολὴν καινὴν δίδωμι ὑμῖν, ἵνα ἀγαπᾶτε ἀλλήλους, καθὼς [*ἐγώ*] *ἠγάπησα ὑμᾶς*, ἵνα καὶ ὑμεῖς ἀγαπᾶτε ἀλλήλους.

— заповѣдь повѣдаѣ вамъ . да любите другъ другъ . ꙗкоже **възлюбихъ вы** . да и вы любите другъ друга . (В апракосе ближе к известному греческому оригиналу, но тоже без местоимения **азъ**: Заповѣдь новъ даѣ вамъ . да любите другъ друга . ꙗкоже **възлюбихъ вы** . да и вы любите другъ друга. [Ac].) Латинский перевод тоже без местоимения 1 л. ед. ч., а в синодальном русском — с местоимением я: Mandatum novum do vobis, ut diligatis invicem, sicut *dilexi* vos, ut et vos diligatis invicem. — «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как **Я возлюбил вас**, так и вы да любите друг друга».

Наибольшее количество примеров использования местоимения 1 л. ед. ч. в древнейших славянских евангельских текстах нужно, видимо, квалифицировать как эмфатическое его употребление. При этом наличие/отсут-

ствие личного местоимения в таких высказываниях мы относим к той части смыслового компонента высказывания, который назвали «субъективной интерпретацией». Следует особо подчеркнуть, что при этом одна и та же «обязательная информация» может быть передана как с использованием личного местоимения, так и без него — хотя это небезразлично для выражения смысловых нюансов и «эмоциональной составляющей» высказывания (и текста). Значение 'именно я', которое в таких случаях вносит местоимение **азъ**, факультативно. Показательны в этом отношении различия в наличии/отсутствии местоимения **азъ** в древнейших славянских списках. Ср., например:

(6) И 14,28: ἤκούσατε ὅτι ἐγὼ εἶπον ὑμῖν· ὑπάγω καὶ ἔρχομαι πρὸς ὑμᾶς (местоимение **егу**)

— слышасте **ѣко азъ рѣхъ вамъ**. **ндж** и **прндж** къ **вамъ**. в Мар, Зогр, Ас, Остр, Мст, Гал, Карп, Дбрм, Врач, Вук (местоимение **азъ**);

— слышасте **ѣко рекохъ вамъ**. **ндж** и **прндж** къ **вамъ**. в Дбрш и Бан (без **азъ**). (В латинском и русском синодальном переводах — с личными местоимениями *ego* и *я*: *Audistis quia ego dixi vobis: Vado et venio ad vos* — «Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам».)

(7) И 14,14: ἐάν τι αἰτήσητέ με ἐν τῷ ὀνόματί μου, [τοῦτο] [ἐγὼ] ποιήσω (в греческом различия)

— **и (а)ште чесо просите въ имя мое**. **то сътворж**. в Зогр, Ас, Остр, Гал, Дбрм, Дбрш, Бан, Врач (без **азъ**);

— **и аште чесо просите въ имя мое азъ сътворж**. в Мар, Сав, Мст, Карп, Вук (с местоимением **азъ**). (В латинском переводе без личного местоимения: *Si quid petieritis me in nomine meo, hoc faciam*; в русском синодальном переводе с местоимением *я*: «Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю».)

Таким образом, в языке древнейших славянских рукописей употребление местоимения **азъ**, несмотря на довольно высокую частотность, не было обязательным

в любых формально определяемых условиях⁶, но относилось к той сфере смыслового компонента высказывания, который мы назвали «субъективной интерпретацией». Даже в условиях сопоставлений, где азъ употребляется почти всегда, было возможным и его отсутствие. Гораздо большую частотность местоимения я в языке русского синодального перевода сравнительно с местоимением азъ в языке древнейших славянских рукописей нельзя объяснить полностью только необходимостью употребления местоимения 1 л. ед. ч. в современном русском языке в прошедшем времени в качестве указателя лица из-за отсутствия этого указателя в глагольной форме. Все вовлеченные нами в сравнительный анализ языки (как древние — старославянский, греческий, латинский, — так и современный русский язык синодального перевода) в отношении употребления/неупотребления в высказывании местоимения 1 л. ед. ч. являются «языками выбора», однако в современном русском языке этот «выбор», видимо, в значительной степени более формализован, чем в указанных древних языках. Пользуясь идеей выдвижения наличия/отсутствия личного местоимения в качестве функциональной категории языка, которое было сделано в работе [Брейяр, Николаева, Фужерон 2002], можно сказать, что в отличие от современного русского языка, где исходной позицией для данной категории является, видимо, наличие местоимения я и правило выбора его наличия/отсутствия может быть сформулировано со стороны объяснения причин его отсутствия, в языке древнейших славянских рукописей исходной позицией для этой категории (во всяком случае по отношению к местоимению 1 л. ед. ч.) было отсутствие местоимения, поскольку именно наличие его требует объяснений и введения фактора «субъективной интерпретации» высказывания.

⁶ За исключением употребления при местоимении выделительных частиц, но этот фактор является уже не выбором при порождении высказывания, а следствием выбора.

ЧАСТЬ III

МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ И ИНТОНАЦИЯ

ИНТОНАЦИЯ, ПОРЯДОК СЛОВ И МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ

I. Постановка вопроса

В основе данного очерка два положения, которые не приходится больше доказывать, как несколько десятилетий назад, а именно: 1) коммуникативную функцию интонации нельзя рассматривать в отрыве от порядка слов, 2) порядок слов в высказывании является следствием функционирования этого высказывания в тексте.

Постараемся проиллюстрировать это сначала на примере двухсловных предложений, состоящих из подлежащего (s) и сказуемого (p).

Прежде чем перейти к непосредственному анализу возможных «перестановок», остановимся на нескольких предварительных замечаниях.

Напомним, во-первых, что А. М. Пешковский считал, что интонация — это особый вид ударения, а именно *фразовое* ударение (ФУ) [Пешковский 1938: 176]. Даже если считать сегодня такое представление вещей несколько упрощенным (суженным), невозможно отрицать важность этой просодической составляющей в организации высказывания, в частности в выражении основного элемента информации. Необходимо также напомнить, что ФУ в русском языке подвижно, т. е. не имеет закрепленной позиции в высказывании. Учитывая это, а также возможность

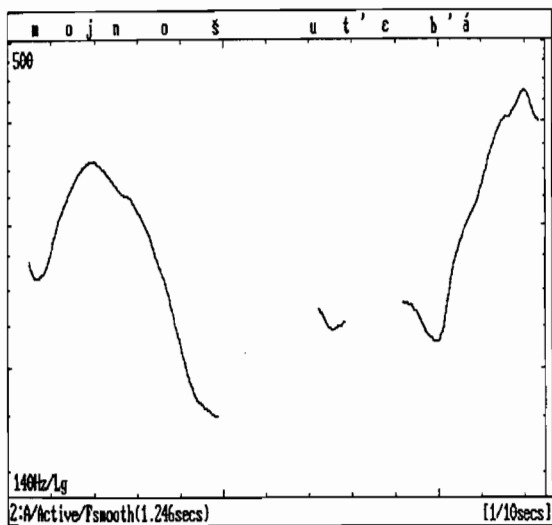
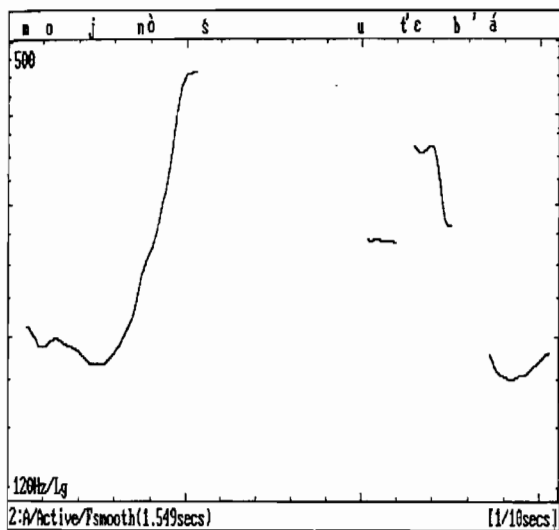
перестановки членов высказывания, даже двусловные конструкции представляют некоторое количество «вариантов».

Порядок слов в высказывании неразрывно связан с понятием актуального членения. Наши предыдущие исследования привели нас к убеждению, что понятие *темы* и *ремы* не могут определяться на основе понятий *нового* и *данного*, которые, как одно, так и другое, могут быть приложимы к обоим членам актуального членения. Безусловно новым в высказывании будут отношения, которые говорящий устанавливает между этими двумя членами. По нашему мнению, члены актуального членения могут быть определены формально, на основе данных инструментального анализа. В этом отношении члены актуального членения находятся в неодинаковом положении. Если определение *ремы* практически не вызывает разногласий: *ремой* (R) считается член, ядро которого отмечено самым значительным в высказывании изменением тона (сброс тона в повествовании, резкий подъем в вопросе) в районе ударного слога, то формального определения *темы* (T) лингвистическая литература не приводит. Возможно, что это следствие того, что традиционная грамматика не закрепляет за темой определенного места в высказывании: она может и предшествовать реме, и следовать за ней. Подобное положение вещей нам кажется совершенно неприемлемым. Во-первых, с точки зрения дискурсивной стратегии говорящий вряд ли наделяет одинаковым значением, а следовательно и одинаковой функцией, начальный и конечный элементы. Начальный элемент призван сконцентрировать внимание собеседника и держать его в напряжении до появления «разрешения», т. е. до появления основной информации. Эта функция обеспечивается тремя параметрами, которые, по нашему мнению, характеризуют тему: 1) начальной позицией в высказывании, 2) определенным, в зависимости от модальности высказывания (об этом см. ниже), движением тона в пределах ударного слога, 3) возможностью паузы после этого члена перед остальной частью высказывания. Подобное определение темы показывает, что мы не признаем возможности существования порядка R—T. Пострематический элемент по своим акус-

тическим параметрам (монотонность, слабая интенсивность) не может концентрировать внимание собеседника.

Что касается движения тона в ударном слоге темы, то на этом вопросе следует остановиться несколько подробнее. Говоря об отношениях, существующих между «членами фразы», С. И. Карцевский в работе «*Sur la phonologie de la phrase*» особенно подчеркивает «прогрессивный» характер интонации: «именно первый член фразы в какой-то мере определяет интонацию второго члена» [Karcevski 2000: 105–115]. Первая часть как бы сигнализирует появление второй. В этом отчасти заключается и значение первого члена, т. е. темы, — хотя он и не самодостаточен для образования коммуникативной единицы, именно исходя из него, отталкиваясь от него, собеседник может предположить характер продолжения.

Совершенно очевидно, что в повествовательном высказывании, сегментированном на тему и рему, перед нами чередование интонации напряжения и расслабления. Известно, что интонация вопроса (без вопросительного слова) в русском языке характеризуется резким подъемом тона на ударном слоге главноударного слова, что соответствует интонации напряжения в вопросно-ответном единстве, требующей и сигнализирующей интонацию расслабления в ответе. Вопросительное предложение может быть так же расчленено на тему и рему. Тема вводит в коммуникативное поле элемент, к которому относится вопрос. Логично предположить, что такое предложение тоже представляет чередование двух типов интонации. Ранее проведенные опыты подтверждают это предположение [Fougeron 1991: 262–265]. Действительно, тема вопросительного предложения характеризуется нисходящим движением тона в ударном слоге, а ударный слог ремы резким подъемом: *Мой нож/у тебя?* (см. рис. 1), тогда как в повествовательном предложении *Мой нож/у тебя.* перед нами «восходящая» тема и нисходящая рема (см. рис. 2).

Рис. 1: *Мой нож / у тебя?*Рис. 2: *Мой нож / у тебя.*

Таким образом, члены вопросительного высказывания интонационно представляются как диаметрально противоположные членам повествовательного.

Прежде чем перейти к анализу двухсловных высказываний, заметим, что исследования показали, что для того, чтобы лексическая единица была воспринята как повествовательное высказывание, ее реализация, не говоря о семантических ограничениях, должна отвечать определенным интонационным требованиям: предударная часть должна быть отмечена восходящим движением тона, а ударный слог отмечен спадом тона (соответственно — интонация напряжения и интонация расслабления в терминологии С. И. Карцевского) [Karcevski 2000: 90]. Интонационная модель однословного предложения реализуется и в других, более развернутых структурах¹.

Итак, подвижность ФУ в сочетании с подвижностью членов представляет нам для анализа четыре последовательности, являющиеся нераспространенными высказываниями: sP , pS , P_s , S_p , где заглавная буква обозначает член, отмеченный ФУ. Напомним, что традиционная грамматика рассматривает структуры с ФУ в начальной позиции как «экспрессивные» варианты структур с ФУ в финальной позиции. С самого начала отметим, что «экспрессивный вариант» предполагает возможность функционирования высказывания в контексте, отличающемся от исходного только эмоциональной насыщенностью. Однако анализ собранного материала показал, что выше указанные структуры вовсе не взаимозаменяемы в текстах, отличающихся эмоциональностью. (Кроме того, в ряде случаев оказывается, что «экспрессивные» варианты не имеют нейтрального.) При выборе той или иной структуры говорящий руководствуется не принципом эмоциональности, а определенными семантико-синтаксическими правилами межфразовых связей. Проиллюстрируем это на ряде примеров.

¹ Отсутствие предударной части приводит к реализации ударного слога на высоком уровне и перенесению сброса тона к первому заударному слогу [Fougeron 1989: 27–54].

II. Высказывания, равные предикативной основе

A. Расчлененные высказывания

Только структуры с ФУ в финальной позиции членятся на тему и рему.

Структура *sP*.

Высказывания, соответствующие порядку *sP*, могут функционировать в абсолютном начале повествования, позиция, которую А. В. Исаченко называл «*contexte zéro*».

(1) *Ирочка* занимается. Она пишет старательно, низко склонившись над тетрадкой...

Здесь подлежащее вводит в коммуникативное поле новый элемент, а основную информацию о нем содержит предикат. Эта информация распространяется последующим контекстом.

Когда структура *sP* встречается в середине текста, элемент *s* может вводить новый элемент, но, как правило, он в какой-то мере предопределен ситуацией.

(2) В сентябре наша жизнь вошла в свою колею. Один день похож на другой. *Отец* работает. Он встает в семь часов. По пути в ванную ставит чайник. Потом встает мама. ...

Подлежащее *Отец* определяется здесь как элемент ансамбля *наша жизнь* и служит базой для рематического элемента *работает*.

Высказывания структуры *sP* функционируют и в диалоге, обычно в качестве вторичных реплик.

(3) — Я голодная, пора бы ужинать.

— *Отец* вернулся. Можно накрывать на стол. У меня все готово.

В этом диалоге трудно строить анализ на традиционных понятиях *нового* и *данного*. *Отец* не фигурирует в первой реплике, и поэтому может расцениваться как новое. Однако очевидно, что этот элемент присутствует в коммуникативном поле, так как оба собеседника знают: чтобы сесть за стол, надо дождаться отца.

В высказывании *Отец вернулся*, как и в двух предшествующих, подлежащее, отвечая всем характеристикам темы (начальная позиция, характерное для повествования

восходящее движение тона в районе ударного слога, возможность последующей паузы), служит базой для основной информации — ремы.

Как подтверждают многочисленные высказывания структуры $s\rho$, ФУ в конечной позиции указывает на ориентацию предложения направо, к последующему контексту. Диалогическая реплика может не иметь продолжения, но если оно имеет место, то продолжает или уточняет то, что выражено ударным предикатом предыдущего высказывания.

Структура ρS .

Как и высказывания $s\rho$, высказывания структуры ρS посредством темы ρ связаны с предыдущим, с левым контекстом, а ударное подлежащее S предопределяет ориентацию направо, т. е. связь с последующим. Высказывания структуры ρS могут функционировать как в нарративном тексте

(4) У меня на даче все стаканы побились. Так я Андрею из города последний взяла. Упаковала, чтобы не раздавить — вещей-то много! Приехала, стала разбирать — что-то звенит. Ну, думаю, может, блюдце, чашка, Как же! Разбился стакан. Все остальное — ни трещинки,

так и в диалоге:

(5) — Как тихо! Спит малыш? Укачала его бабушка?

— Спит бабушка. А малыш молчит, но не спит, играет с погремушкой.

— Так он бабушку разбудит.

Как видно из этих примеров и подтверждается многими другими, которые мы не можем привести за неимением места, структура ρS не может функционировать в абсолютном начале текста. Кроме того, разбор контекстов позволяет заключить, что высказывания структуры ρS функционируют, как правило, при оппозиции, которая выражается на синтагматической оси. Они выступают в качестве первого члена оппозиции. Финальная позиция главноударного члена S открывает путь к продолжению, которым является второй член оппозиции. Второй член оппозиции может быть введен противительным союзом «а»,

но его присутствие не обязательно, так как о наличии оппозиционной структуры уже заявлено просодико-синтаксической структурой первого члена. Действительно, каноническим синтагматическим порядком слов в высказываниях, состоящих из подлежащего и сказуемого, считается порядок с конечной позицией последнего. В данной же структуре эта позиция занята подлежащим, носителем ФУ. Это расхождение между синтаксической и просодической структурой выступает как своеобразный маркер оппозиции. В первом члене оппозиции пауза между сказуемым и подлежащим не является факультативным элементом: разрыв мелодического контура (посредством реальной паузы или эквивалентного ей слома мелодической кривой) является характерной особенностью просодической схемы этих высказываний. Учитывая это, мы предлагаем обозначать структуру через p/S , чтобы подчеркнуть присутствие паузы.

Что касается оппозиционной структуры в целом, то ее целью является выражение отношений сравнения, сопоставления: каждой теме соответствует определенная рема, и никакая другая рема для этой темы невозможна (и любая другая исключается). Схематически это может быть представлено следующим образом:

$$\begin{array}{l} T - R, \quad T' - R' \\ *T' - R, \quad *T - R' \end{array}$$

Б. Нерасчлененные, рематические высказывания

В первую очередь следует отметить структуры, где носителем ФУ является член в начальной позиции. В высказываниях, равных предикативной основе, представляются два случая.

Структура S_p .

Высказывания этой структуры могут функционировать как в связном тексте, в рассказе:

(6) Мы вчера легли поздно: от ец вернулся. Разбирались, ужинали, потом он долго рассказывал,

так и в диалоге в качестве вторичной реплики:

(7) Двое сидят, разговаривают. Вдруг один резко встает и спешит в переднюю.

— Ты куда?

— Телефон звонит.

Как видно из этих примеров, высказывания структуры S_p служат для объяснения, для выражения причины того, о чем говорилось в предыдущем контексте. Интересно отметить, что контексты, содержащие эти высказывания, представляют некоторую логическую инверсию: следствие сообщается до причины. Так в рассказе хронологическая последовательность событий — возвращение отца, а потом факт позднего отхода ко сну; в ситуации диалога сначала звонит телефон, а потом возникает вопрос, вызванный действиями собеседника.

Причинные отношения в этих контекстах не имеют лексического выражения. Они сигнализируются исключительно переносом ФУ на начальный член. Как только причинные отношения выражаются лексически, необходимость в употреблении этой структуры исчезает:

(7а) Мы вчера легли поздно, *потому что* вернулся отец².

Высказывания этой структуры могут функционировать и в абсолютном начале как «экстренное введение в ситуацию» [Николаева 1982: 74].

(8) Де Голль умер.

(9) Снег пошел.

Традиционная грамматика считает высказывания структуры S_p «экспрессивным вариантом» структуры pS . Нам кажется такое утверждение неправомерным. Во-первых, как мы видели, эти структуры функционируют в разных контекстах, во-вторых, если под «экспрессивностью» понимать эмоциональную насыщенность, то она вовсе не является неотъемлемой частью функционирования структуры S_p . В-третьих, и может быть, в главных, эти структуры имеют, на наш взгляд, различную конструкцию.

² Вопрос об употреблении структуры типа «вернулся отец» в распространенном или сложном предложении должен быть темой отдельного исследования.

Структура p/S , как мы показали выше, делится на тему и ремю. Что же касается структуры $S\rho$, то ни один из ее членов не представляет характеристик, присущих теме. Элемент ρ никогда не играет роли члена, концентрирующего внимания. Он либо неотделим от главноударного члена [см. (6), (8)], либо играет второстепенную роль напоминания, пояснения [см. (7), (9)]. Все сказанное позволяет нам считать структуру $S\rho$ нерасчлененной, полностью рематической, где S ядро ремы.

Что касается межфразовых связей, высказывания этой структуры безусловно обращены к предшествующему контексту. Они могут не иметь продолжения и заключать текст.

Структура P_s .

Высказывания этой структуры встречаются исключительно в диалоге. Для их употребления необходимо наличие пресуппозиции, вытекающей из левого контекста. Роль этих высказываний — выразить несогласие говорящего с предположением собеседника:

- (10) — Кирюша музыкой не занимался?
— *Играет* Кирюша.

Здесь вторая реплика отбрасывает предположение, выраженное в первой. Необходимость наличия пресуппозиции объясняет тот факт, что эти высказывания полностью обращены к левому контексту. Противоречие выражается не лексически, а интонационно-синтаксической структурой: перенос ФУ на сказуемом в начальную позицию. Как только противоречие находит лексическое выражение, структура P_s заменяется на s/P :

- (10а) — Нет, *Кирюша* играет.

Как и в высказываниях предыдущей структуры, в конструкциях P_s отсутствуют какие бы то ни были показатели темы. Их следует считать нерасчлененными. Безударный член, подлежащее, всегда повторяет элемент предыдущей реплики и не несет никакой информативной нагрузки, и P выступает ядром ремы. Семантика и употребление высказываний этой структуры не позволяет, на наш взгляд, рассматривать ее как «экспрессивный

вариант» структуры sP . Что же касается эмоциональной насыщенности, то учитывая полемический характер высказывания (выражение несогласия с собеседником), ее возможное присутствие не удивительно.

Интонационная схема нерасчлененных предложений с ФУ на первом члене напоминает реализацию однословных предложений с отсутствующими предударными слогами (*Холодно. Вечер*).

В разделе нерасчлененных высказываний следует остановиться на одной структуре, в которой подлежащее является носителем ФУ и находится в конечной позиции. Это высказывания типа *Наступает утро. Распускаются листочки. Просыпаются птицы*.

В отличие от структуры p/S , в этой структуре, которую мы обозначим PS , пауза между членами невозможна. Неприемлемость паузы проявляется как в содержании высказывания (семантически она не оправдана), так и в интонационной схеме. Особенность этой схемы в том, что между ударными слогами первого и второго члена основной тон устанавливается на уровне, достигнутом при подъеме на ударном слоге первого члена, и сброс тона происходит только к/в ударной гласной второго члена. Эта своего рода тоновая площадка обеспечивает неразрывность, нерасчлененность структуры PS , где оба члена входят в состав ядра [1989: 134–144, 229–230].

Высказывания структуры PS функционируют, как правило, в начале текста для описания ситуации, на фоне которой будет разворачиваться действие. Часто они следуют одна за другой вплоть до высказывания, заключающего описание. Их ориентация направо обуславливается местом ФУ на последнем члене. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в случае следования друг за другом нескольких структур PS ориентация каждой из них к последующей выражается более высоким, чем обычно, конечным уровнем основного тона.

Анализ более сложных синтаксических структур показывает, что в них повторяются интонационные схемы двухсловных высказываний и их функционирование.

Мы постарались показать на примере самых простых синтаксических структур, что в русском языке порядок слов в сочетании с интонацией регулируются определенными семантическими задачами. Организация высказывания отражает дискурсивную стратегию говорящего и определяет включение высказывания в контекст.

МЕЖФРАЗОВЫЕ СВЯЗИ В ТЕКСТЕ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

На какие физические параметры при восприятии устного текста и при его членении на смысловые отрезки ориентируется слушающий — паузы, характер основного тона, глубину просодических швов [Кривнова 1995] или что-то еще, — проблема, решением которой давно занимаются специалисты по просодии. О. Ф. Кривнова отмечает: «полагаем <...>, что просодическим швам <...> соответствуют такие артикуляторно-перцептивные разрывы (перебои или паузы) в плавном течении звучащей речи, степень обнаружимости которых при восприятии определяется функциональной природой ПШ, их глубиной и значимостью. Естественно допустить также, что слушающие достаточно согласованно оценивают степень разрыва, а тем самым и глубину ПШ» [Кривнова 1995: 228]. Кроме того, неясно, существуют ли определенные корреляты между интонационным оформлением того или иного речевого сегмента говорящим и адекватным восприятием его слушающим.

Для нас было важно найти соответствие между членением слушающим текста спонтанной речи на смысловые отрезки (фразы) и характером интонации. Для выявления корреляции между интонационным оформлением текста устной речи и синтаксическим его членением был проведен эксперимент.

Материалом послужила магнитофонная запись спонтанной диалектной речи, отражающей сибирский (один из алтайских) говор среднерусского типа. Информантам (их было десять) была предъявлена магнитофонная запись и распечатка ее в письменной форме без знаков препинания и прописных букв (кроме начала текста, реплики или имен

собственных). Задача, которая была поставлена перед информантами, — расставить знаки препинания. Некоторое усложнение задачи определялось тем, что слушатели — носители литературного языка должны были оценивать текст, произнесенный носительницей алтайского диалекта. Впрочем, оценка магнитофонной записи специалистами по интонации показала, что интонационные отличия этого диалекта от литературного языка незначительны.

О событиях 30-х годов в Синьцзяне говорит Степанида Тимофеевна Пяткова, жительница г. Вудбурна (США, штат Орегон), запись авторов 1998 г.:

— Мой дедушка Фёдор Иванович Иванов он проживал в Бурановской Бураново может быть сейчас знаете город Буранов

— Нет.

— Бурановский этот город

— Это где?

— В Союзе

— Ага.

— И он служил в армии у царя Николая и тогда когда почу... а как он почувствовал увидел что будет большой переворот или что-то такое и он тогда сговорил некоторых зн...э как близких людей надёжных и в... убежали в Китай 1907-го года оне убежали и тогда (з)нач(ит) ино стали семьи доставать свои и семьи к им приехали 1912-го года и стали жить там китайцы приняли их очень хорошо вежливо с ними обходились всё и мой дедушко пошёл он был тогда уже но он уже после был губернатором сначала был Зенков какой-то русский губернатором а потом мой дедушко был

— Его как фамилия была?

— Иванов Иванов он был и е ей... когда немножко как сказать когда была война эта дунганская то дедушко был он далёко он от семьи а мы я была маленька я осенью родилася весной мне полгода было ездили по горам на конях убежали от этих от этих вот а оне тогда а бросили Ком у нас там бывают ну как посёлки далёко в горах один от одного деревни сказать расположились русские когда после того как оне при... прибежали русские а Алтай он живое место там много очень зверков всяких разных это пушнина называли мы белки там соболи всяки разны такие они наохотничают

съезды в город они продадут хорошо советским продавали так оне зажили люди зажили хорошо опять и тут стала война но наши как-то бежали оне оне ко границе ближе были они побежали по горам как ко границе то эти дунганы враги подумали что побежали русские за границу в Россию и бросили бросили оне тогда поехали в... в этот в самый Чункур вот этот вот а русски там воюют на фронте с... с остальными а эти ше это въехали армия их шибко много было с тылу зашли и прямо в деревню зашли зашли увидели человека там и сказали что не бойтесь все выходите вот на эту площадку посередь э деревни была площадка для школы была оставлена соберитесь мы вам поясним новая власть новый закон будет какой вы приходите вас никто не потрогат человек обошел всю деревню ну и собрались стары малые брюхатые больные и всяки разны и с детьми тогда оне окружили всех и начали а пики знаете какие что за пики эти на... на оружии такие и пиками колоть начали и всех всех всех покололи тут всех полбжили

Десять информантов получили задание расставить знаки препинания в этом тексте. В результате оказалось, что реакции информантов совпали лишь в тех редких случаях, когда выявлялась совершенно очевидная интонационная картина, в остальных же случаях наблюдался значительный разброс ответов.

Так, все информанты единодушно поставили точку в конце следующих высказываний: *И он служил в армии у царя Николая. Мой дедушка Фёдор Иванович Иванов. Иванов он был. 1907 года оне убежали. Китайцы приняли их очень хорошо, вежливо с ними обходились, всё. Сначала был Зенков какой-то русский губернатором, а потом мой дедушко был... И он тогда сговорил некоторых близких людей, надёжных, и убежали в Китай.* и др. Во всех этих случаях характер мелодического рисунка, оформляющего высказывания, не был единообразным.

Первый сегмент оформлен интонационным контуром ИК-1, с плавным понижением тона к концу высказывания. Это классический пример мелодического оформления завершенности (рис. 1).

На рис. 2 представлен сегмент *Иванов. Иванов он был*. Сегмент состоит из двух высказываний, каждое из которых оформлено с помощью мелодического контура ИК-1; кроме того, они разделены между собой и отделены от последующего повествования длительными паузами, так что у слушателей были все основания единодушно поставить точки в конце каждого высказывания. Однако характер двух мелодических рисунков различен (при общем восходяще-нисходящем движении тона): в первом подъём начинается со среднего тона говорящего, достигает значительной высоты (около 200 Гц), затем опускается до нижнего уровня (80 Гц). И подъём, и спуск характеризуются большой крутизной. Во втором высказывании тон, оставаясь в пределах среднего регистра, характеризуется незначительным подъёмом и плавным спадом, не достигающим нижнего уровня.

На рис. 3 — *вежливо с ними обходились всё* — мелодическая кривая имеет пословное оформление: каждое слово характеризуется восходящим контуром, а в заключительной части высказывания наблюдается нисходяще-восходящее движение тона в центре ИК при отсутствии пост-центральной части, что позволяет считать этот контур ИК-4.

На рис. 4 приведена осциллограмма и интонограмма, оформляющие высказывание *И убежали в Китай*. В заключительной части высказывания, где локализуется интонационный центр, наблюдается плавное повышение тона, достигающего значения в 250 Гц, и затем слабое понижение в пределах того же регистра. Это позволяет определять этот контур как ИК-3.

Примечательно, что в двух последних случаях длительность пауз как будто бы не играла существенной роли: пауза могла быть как долгой (1000 мс и выше), так и средней (от 500 мс до 900 мс), и краткой (короче 500 мс). Поставив точки, все информанты таким способом выразили свое восприятие завершенности высказывания. Разновидности характера движения тона в заключительной части высказывания находятся в соответствии с наблюдениями интонологов о возможностях интонационного варьирования для выражения близких по смыслу речевых

отрезков (см., например, [Брызгунова 1984: 8, 12]). Обращаясь к связи между интонацией и семантикой, О. Ф. Кривнова пишет: «...значимые просодические различия не соотносятся напрямую с синтаксическими характеристиками высказывания, а во многих случаях связаны с тонкими смысловыми (курсив наш. — Р. К. и Л. К.), и даже можно сказать, “интимными” сторонами речи» [Кривнова 1998: 165]. Все эти наблюдения, а также полученные нами данные лишней раз помогают развенчанию мифа, долгое время существовавшего в интонологии, о существовании так называемой «точковой» интонации.

Наблюдения над характером интонации и в частности результаты нашего небольшого эксперимента показывают, что точка может быть поставлена при самых разных интонационных оформлениях высказывания — в нашем случае их оказалось три: ИК-1, ИК-4 и даже ИК-3.

Все или большинство информантов (8–9) поставили запятые в следующих случаях:

перед союзом *а*:

— То дедушко был он далёко он от семьи, *а* мы...; Оне тогда поехали в этот в самый Чункур вот этот вот, *а* русски там воюют на фронте...; Воюют на фронте с остальными, *а* эти ше это въехала армия...;

перед союзом *что*:

А как он почувствовал, увидел, *что* будет большой переворот...; Эти дунганы — враги подумали, *что* побежали русские за границу...;

перед союзом *когда*:

Как сказать, *когда* была война эта дунганская...; Деревни сказать расположились русские, *когда* после того как оне прибежали...

При этом интонационные рисунки не были однообразными, здесь можно было видеть разные типы мелодических контуров; разными по длительности были и паузы. По-видимому, решающим критерием при выборе знака препинания был синтаксический: запятая ставилась перед союзом независимо от интонационного оформления и длительности паузы.

Такая же мотивация наблюдалась при постановке запятых при однородных членах предложения: здесь, по-видимому, действовали правила пунктуации, а не интонационные модели: *Бёлки там, собóли рáзны такие; Побежали русски за границу, в Россию; И собрались стáры, мáлые, брюхáтые, больные, и всяки рáзны, и с деть-ми; И всех, всех, всех поколóбли.*

Особый интерес представляли для нас случаи, когда мнения информантов кардинально расходились, т. е. при одном и том же мелодико-паузальном оформлении выбирались разные знаки препинания. В отрывке *они продадут хорошó* | *совётским продавали* после слова *хорошо* была небольшая пауза, мелодическое оформление слова как ИК-1: предцентровая часть произносилась с повышением тона от среднего к средне-верхнему уровню, от начала гласного центра резкое понижение до тона ниже среднего, но с небольшим подъемом тона в завершении. Были поставлены следующие знаки: 2 точки, 2 запятые, 2 двоеточия, 2 точки с запятой и два пропуска (никаких знаков препинания). В конце отрывка *совётским продавали* все информанты единодушно поставили точку; оформление этого сегмента ИК-2: согласный и гласный центра на среднем тоне, во второй части гласного понижение тона до уровня ниже среднего (см. рис. 5).

В заключении сегмента *в горах один от одного в дерёвне сказать* 3 информанта поставили точки, 3 — запятые, 3 не поставили никакого знака, 1 — многоточие. После этого отрывка следовала длительная пауза (1200 мс), а мелодически сегмент был оформлен ИК-3, но с небольшим интервалом подъема тона от среднего уровня до верхне-среднего на гласном центра в слове *в дерёвне* и затем понижении тона до низкого в постцентральной части (рис. 6).

В трех случаях мнения аудиторов разделились поровну: половина из них поставила точки, другая половина — запятые. Это было особенно неожиданно, так как знак точки обычно выражает идею завершенности, а знак запятой — незавершенности. Это были следующие сегменты: *пушнiна называли мы* — ИК-2 (рис. 7); *переворóт или что-то такóе* — ИК-3, но с небольшим интервалом

подъема тона и понижением тона на постцентральной части до среднего уровня (рис. 8); *иногда стали сёмы доставать свои* — ИК-3 с примерно таким же движением тона, но и с повышением тона в постцентральной части в конце фразы (рис. 9).

Во всех четырех последних случаях были представлены не «эталонные» реализации интонационных конструкций (см. [Брызгунова 1980]¹), а некие их модификации, что, возможно, и привело слушателей к полярному разделению мнений.

Однако в этой связи можно привести и другое соображение. В наше время наблюдается стирание, «размывание» ранее контрастных интонационных различий. Можно предположить, что общая неопределенность, зыбкость и отсутствие социальной стабильности отражается и на интонации.

Это положение в интонации коррелирует и с лексическим уровнем современной речи. В устной речи высокую частотность приобрело вводное слово *как бы*². Это наблюдение было нами проверено на записи интервью журналиста радио «Свобода» В. Бабурина с писателем Василием Быковым. Речь писателя, человека старшего поколения, свободна от вкраплений в нее «как бы» (в качестве вводного слова он иногда использует старое «так сказать»), в то время как речь журналиста пестрит словечками «как бы». Ниже приводим отрывки из записи речи журналиста:

В моём уже *как бы* понимании они *как бы* связаны друг с другом... *Как бы* мы сами себя покатали под уклон... Несмотря на то, что писателей *как бы* сейчас не слушают... Лукашенко они *как бы* своим человеком считают...

¹ Впрочем далеко не все интонологи признают существование таких «эталонных» интонационных конструкций, см. [Оде 1995].

² Наше наблюдение совпало с мнением писательницы Г. Щербаковой, которая от имени своей героини тоже утверждает: «“Но” и “как бы” — ключевые слова нынешней жизни» («Актриса и милиционер»).

Кроме **как бы**, могут употребляться и другие слова, отражающие стремление говорящего или пишущего ослабить категоричность высказывания. Вот отрывки (а их можно было бы привести во много раз больше) из книги известного современного искусствоведа Г. Г. Пospelова, где эти слова выделены нами:

Психологическое состояние людей, изображенных изнутри как живые души, — всегда **как бы** проскальзывающий переход от одного состояния к другому. Это не остановленные мгновения, **как будто** выхваченные из потока жизни, как в большинстве, в особенности второстепенных, характеров «Крестного хода», но **словно** сама эта жизнь во всем обаянии ее неостанавливаемых изменений. *И именно в этом потоке оттенков переживания и происходит восхождение души **как бы** во все более высокие сферы <...>* Можно сказать, что все эти сферы чаемой цельности, **словно бы** не затрагиваемой историческим ходом, <...> образовывали в совокупности еще один временной масштаб искусства второй половины столетия <...>. Конец столетия <...> наследовал многое из того, что было принадлежностью 40—80-х годов, а кое в чем **как бы** возвращался и к более ранним традициям. У Чехова, например, **как будто бы** возрождалось стремление мерить время эпохами человеческой жизни <...>. В человеческих характерах или типах на рубеже веков можно наблюдать <...> **как бы** отторжение типического начала в каждой отдельной личности. <...> В фигурах горьковских босяков уже преобладало ощущение освобожденности, романтической оголенности человеческого начала, которое «на дне» социальной жизни способно иной раз выплескиваться **как бы** в своем обнаженном виде <...>. В персонажах «На дне» на сцене МХТ ощущалось <...> двуединство подхода к ним как, с одной стороны, к фигурам, которые из-за своей злосчастной судьбы **как бы** выпали из социальной иерархии и потому способны подняться над ней в своем человеческом самоощущении, а с другой — опять как к типичным персонажам ночлежек, несущим на себе их кайнову печать [Пospelов 1997: 29–32].

Подводя итог, можно сказать, что восприятие синтаксического членения спонтанной речи не имеет одинакового

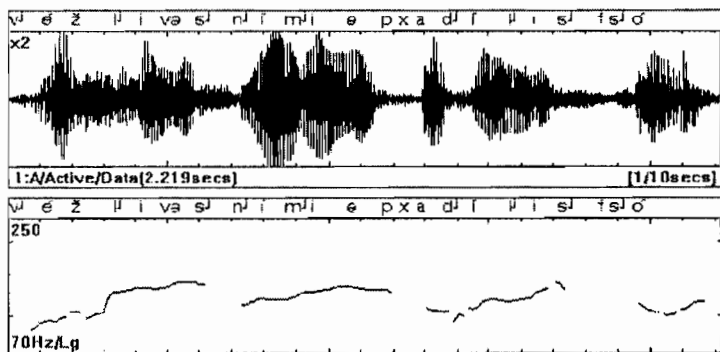

Рис. 3: (Китайцы приняли их очень хорошо,) вежливо с ними обходились всё.

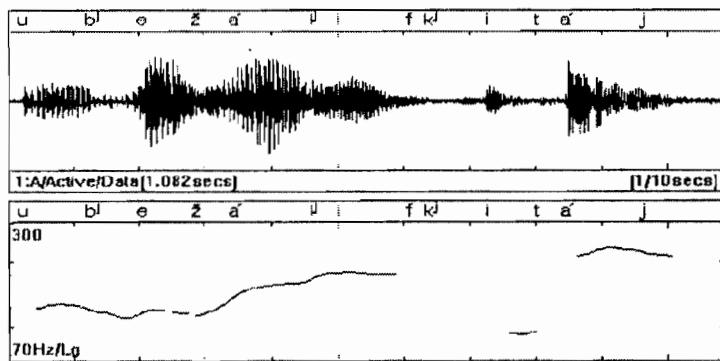

Рис. 4: (Он тогда сговорил некоторых близких людей <...>, и) убежали в Китай.

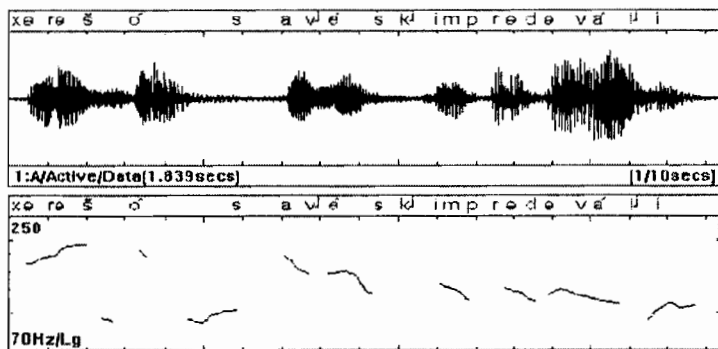

Рис. 5: (Съезжают в город они продадут,) хорошо советским продавали.

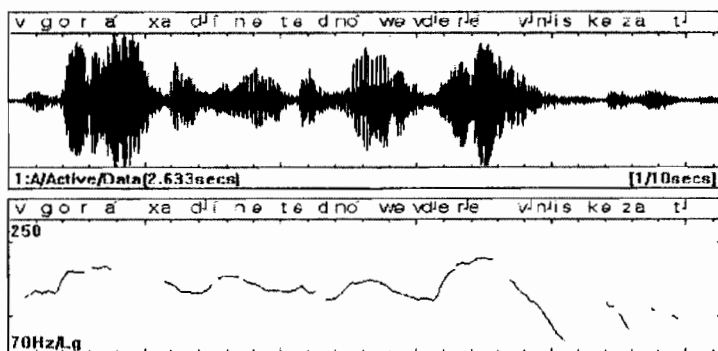

Рис. 6: (посёлки далеко) в горах один от одного, в деревне, сказать, (расположились русские).

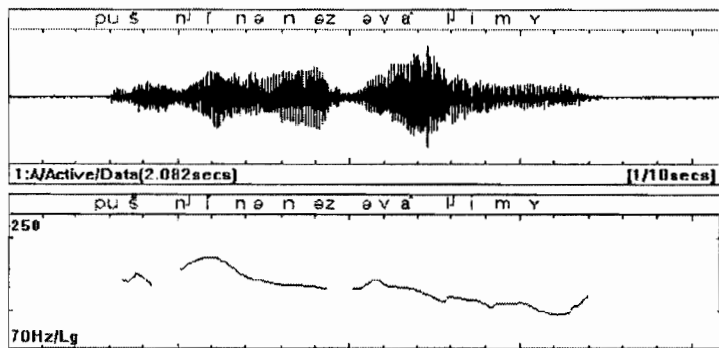

Рис. 7: пушнина называли мы

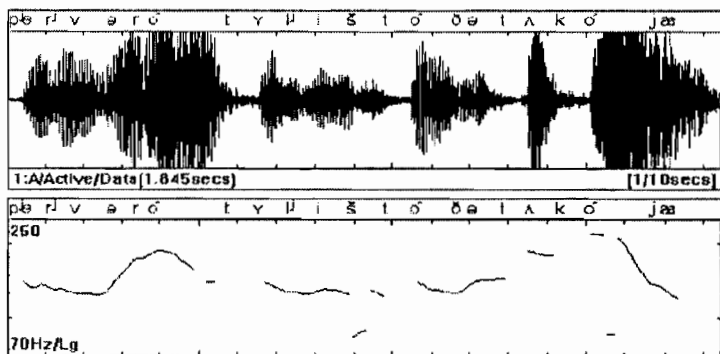

Рис. 8: (увидел, что будет большой) переворот или что-то такое

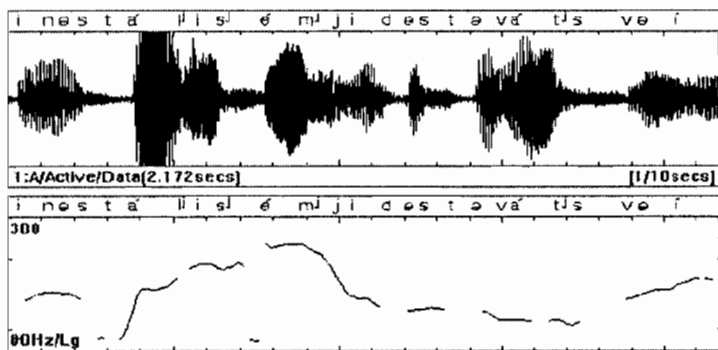

Рис. 9: иногда стали семьи доставать свои

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЛОДИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕЧИ: ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕГО ВОПРОСА¹

Как показывают многочисленные исследования, разные параметры мелодического контура воспринимаются слушателями (даже профессиональными музыкантами) с разной степенью надежности. Правильная (привычная) интонация определяет естественность звучания, а отклонения от нее могут приводить к возникновению иностранного «акцента» в речи говорящего [Grover et al. 1987: 277–295]. Некоторые интегральные свойства мелодики позволяют различать мужчин, женщин и детей или узнавать личность говорящего [Dommelen 1987: 325–328] и т. д. Но все это некоторые общие характеристики речевого сигнала, возможно, не играющие существенной роли в процессе понимания смысла речевого сообщения.

Нам кажется важным обратить внимание в первую очередь на те особенности мелодических контуров, которые могут определять правильное восприятие смысла речевого сообщения. Весьма вероятно, что решение этой проблемы, в конечном счете, поможет понять причины появления «акцента» при неправильном интонировании фразы и правила узнавания диктора по мелодическим особенностям его речи.

Если в конкретном языке существует система устойчивых мелодических признаков, однозначно интерпретируемых носителями языка при восприятии устной речи, то,

¹ Предварительные материалы этого исследования, полученные в рамках проекта CNRS — РАН № 2650 «Фонетическая и синтаксическая интерпретация мелодического контура», опубликованы на французском языке в сборнике «Polyphonie pour Iván Fónagy. L'Harmattan, 1997».

ставя задачу создания действующей функциональной модели восприятия речи, целесообразно описать в виде конкретных формальных правил процесс выделения таких признаков из непрерывного речевого сигнала и их последующей интерпретации: что, где и как измеряется в интонационном контуре; в какой форме хранятся результаты измерения; как они должны быть согласованы (синхронизированы) с сегментным составом высказывания; по каким правилам производится интерпретация полученных признаков интонационного контура; как эти правила соотносятся с лексическим составом, насколько они независимы от лексики и так далее.

Даже из этого краткого перечня видно, что речь должна идти о правилах, относящихся к нескольким разным уровням обработки сигнала: сначала производится субъективное (подсознательное) преобразование мелодии высказывания в набор признаков (нам пока неизвестных), обеспечивающих более экономное ее описание, причем по одинаковым правилам для носителей разных языков, а возможно, и для любых акустических сигналов (речь, пение, музыка и т. д.); затем происходит выделение неких интонационных единиц — «интоном» — по аналогии с «фонемами», а точнее, с позиционными аллофонами; на базе этих интоном, в процессе их соотнесения с лексикой, т. е. в результате их интерпретации системами высших уровней, возникают коммуникативные типы высказываний в собственно лингвистическом понимании.

В результате, одинаковые мелодические контуры могут интерпретироваться по-разному, и наоборот, в зависимости от конкретного лексического состава высказывания. Влияние лексико-грамматической структуры оказывается иногда настолько сильным, что в ряде случаев для надежной интерпретации коммуникативного типа высказывания достаточно только информации о его сегментном составе (интонационные характеристики, в частности мелодические, оказываются избыточными). Например, есть данные, что полная монотонизация вьетнамских фраз не приводит к нарушению их разборчивости при восприятии на слух, хотя роль мелодических изменений на слоговом уровне чрезвычайно велика для тонального вьетнамского языка.

Таким образом, проблема как бы делится на три составляющие: 1) поиск признаков и правил описания мелодических контуров, 2) выяснение «номенклатуры» «интоном» и тех наборов первичных признаков контура, которыми описывается каждая «интонома», и 3) выяснение правил интерпретации полученного признакового описания в сопоставлении с конкретным лексическим наполнением высказывания.

Первая составляющая касается общих принципов описания мелодических контуров в слуховой системе человека и имеет отношение не только к задаче моделирования восприятия речи, поскольку заведомо охватывает более широкий класс внешних сигналов. Применительно к этой стадии обработки необходимо установить, какие субъективные параметры и на каких участках контура измеряются, а также попытаться описать формальные алгоритмы этих операций.

Вторая — это нечто вроде мелодического транскриптора. Очевидно, что для описания алгоритмов транскрибирования потребуются количественные оценки эталонов (target), соответствующих разным коммуникативным типам, и границ области допустимой вариативности каждого субъективного параметра («зоны нечувствительности»), в пределах которых его изменение еще не приводит к изменению принимаемого слушателем (алгоритмом) решения о коммуникативном типе. Весьма вероятно, что при оценке коммуникативной важности сообщения один и тот же параметр может использоваться несколькими «блоками» и, следовательно, возможно существование нескольких эталонов и «зон нечувствительности».

Третья составляющая — относится к тому собственно лингвистическому уровню обработки сигнала, где на основе анализа интонационных характеристик высказывания и его лексического состава делаются заключения о семантико-синтаксической структуре данного высказывания.

В настоящей работе мы хотели ограничиться рассмотрением только первого этапа обработки мелодических контуров, а точнее, некоторыми методическими подходами, позволяющими, по нашему мнению, получить данные не

только о возможных параметрах субъективного описания контуров, но и количественные оценки этих параметров, пригодные для использования в функциональной модели системы восприятия речи. Однако, используя в качестве стимулов естественные речевые сигналы, мы обнаружили, что в ряде случаев изменение лексического состава стимула при неизменном мелодическом контуре изменяет структуру ответов испытуемых (см. об этом ниже).

В качестве материала для исследования были выбраны контуры с восходящим или восходяще-нисходящим движением частоты основного тона (О. Т.). Всем этим контурам свойственно повышение частоты О. Т., совпадающее по времени с реализацией ударного гласного, с возможным последующим понижением на заударной части слова (фразы).

В русском языке такие контуры характеризуют интонацию вопроса, некоторые типы интонации незавершенности и в частности реализацию темы в высказываниях с темо-рематической структурой [Fougeron 1971; Fougeron 1989]. Кроме того, повышением частоты О. Т. характеризуется также интонация восклицания и логического (контрастного) выделения.

Если носители языка способны различать указанные классы мелодических контуров (точнее, стоящие за ними языковые реалии), для создания адекватной функциональной модели восприятия речи необходимо в первую очередь выяснить, существуют ли у носителя языка эталоны соответствующих мелодических изменений, сопоставление с которыми реальных мелодических контуров позволяет классифицировать высказывания как относящиеся к тому или иному коммуникативному типу.

Фонетистов-исследователей давно интересует проблема восприятия мелодических изменений в речи, определяющих не только коммуникативные типы высказываний, но и степень акцентной выделенности элементов речевого потока (см., например, [Studdert-Kennedy, Hadding 1973: 293–313; Hermes 1991: 17–28; Makarova 2001: 137–154; Makarova, June-ko Matsui 1996; House 2002: 41–44]).

К сожалению, результаты подобных исследований едва ли могут быть применены при описании процессов восприятия речи человеком: используемые экспериментальные процедуры значительно отличаются от условий естественного речевого общения.

Методика

Сложность практического решения задачи именно в таком виде определяется несколькими обстоятельствами.

1. Мелодические характеристики сигнала в условиях естественного речевого общения не воспринимаются слушателями непосредственно (осознанно), а находят свое отражение в окончательной смысловой оценке высказывания. Поэтому использование в качестве стимулов в психоакустическом эксперименте естественных речевых сигналов усложняет в дальнейшем интерпретацию ответов испытуемых. С другой стороны, использование достаточно простых (не речевых) сигналов, изменяющихся по высоте, не даст желаемого результата, поскольку нас интересует не просто способность человека обнаруживать изменения высоты и его чувствительность к этим изменениям, а те субъективные эталоны, которые позволяют слушателю оценивать, например, сигнал с повышающимся тоном в одном случае как восклицание, в другом — как вопрос. Кроме того, нет уверенности в том, что искусственные неречевые сигналы и естественная речь оцениваются человеком (на уровне вербальных ответов) по одним и тем же правилам и что результаты, полученные в опытах с неречевыми сигналами, можно использовать при создании правил субъективного анализа естественной речи. Более вероятно обратное.

2. Одним из важных свойств любой сенсорной системы человека, присущих и системе восприятия речи, является ее способность к самообучению, т. е. способность подстраиваться к набору поступающих на нее сигналов. Но в психофизическом эксперименте эта способность может сыграть отрицательную роль: при многократном повторении одинаковых сигналов в экспериментальном наборе и при инструкции, предусматривающей выбор из ограниченного

числа возможных ответов (как правило, не больше трех), испытуемый переобучается в ходе эксперимента, соотнося свои ответы с вероятностями появления тех или иных классов сигналов в заданном наборе [Венцов, Касевич 1994]. При этом он вырабатывает новые эталоны, обеспечивающие «правильное» — с точки зрения условий конкретного опыта — оценивание предъявляемых сигналов. В результате, полученные в эксперименте величины «фонемных границ» и дифференциальных порогов в большей мере отражают состояние системы восприятия в условиях данного эксперимента, чем в условиях естественного речевого общения. Возникает проблема такой организации эксперимента, при которой режим работы испытуемого в опыте почти не отличался бы от условий восприятия естественной речи.

3. Наконец, для использования естественной речи в качестве стимулов в психофизическом эксперименте требуется техника измерения исследуемых параметров сигнала (в данном случае, мелодического контура) и, при необходимости, точной модификации этих параметров. Сегодня эта задача без особых затруднений может быть решена средствами вычислительной техники.

Для эксперимента были отобраны вопросительные фразы без вопросительного слова (общий вопрос) либо участки повествовательных фраз с восходящим тоном, которые по своему лексическому составу могли быть интерпретированы как самостоятельные высказывания и, будучи извлечены из контекста, могли бы восприниматься как вопросительные.

Исходный речевой материал в произнесении трех дикторов (2 женщин и одного мужчины) был введен в ЭВМ через 12-разрядный АЦП с частотой дискретизации 20 кГц. Необходимые экспериментальные сигналы получали редактированием исходных фраз, а при необходимости, их модификацией с помощью программ, разработанных А. В. Венцовым в Институте физиологии им. И. П. Павлова РАН.

Было составлено три экспериментальных набора фраз, в которые кроме вопросительных и незавершенных были

включены фразы с другими интонационными характеристиками, чтобы не создавать у испытуемых ощущения однообразия материала и не влиять, таким образом, на его ответы. Каждая фраза в наборе была представлена только один раз, но повторялась два раза подряд с интервалом в 1 с, образуя таким образом очередной «стимул». Интервал между стимулами составлял 15 с.

Предполагалось, что при такой структуре экспериментального материала реакции испытуемых на каждый конкретный стимул будут достаточно независимыми.

Инструкция не предусматривала никакой жесткой системы ответов: испытуемому давалось задание записать услышанный сигнал и проставить соответствующий интонационным характеристикам знак препинания (своего рода диктант). Если испытуемый затруднялся в выборе нужного знака, ему разрешалось дополнить записанное подходящим по ситуации текстом. Допускались комментарии. Предполагалось, что подобная экспериментальная процедура окажется наиболее близкой к условиям естественного речевого общения [Венцов, Касевич 1994] и позволит получить количественные оценки лингвистически значимых мелодических изменений для последующего использования их в действующей модели восприятия речи.

Опыты проводились параллельно в Санкт-Петербурге, Караганде и Париже на носителях русского языка. В Санкт-Петербурге это были студенты, аспиранты и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета. В Караганде — студенты Педагогического института, а в Париже участниками эксперимента были родившиеся во Франции в русской среде или приехавшие из России не более 10 лет назад, все они имели высшее образование. Каждый испытуемый прослушивал экспериментальный набор стимулов не более одного раза.

Результаты и обсуждение

Испытуемые легко справлялись с поставленной задачей, при этом зачастую они давали достаточно инфор-

мативные комментарии к записанным ими фразам². Сложнее обстояло дело с последующей интерпретацией результатов эксперимента. Дело в том, что завершенные высказывания, к которым относятся сигналы, записанные испытуемыми с точкой, вопросительным или восклицательным знаком в конце, практически не имеют альтернативных интерпретаций. Сигналы же, записанные с запятой или многоточием в конце и относящиеся к незавершенным, имеют обычно множественную смысловую интерпретацию. Запятой может завершаться фраза с перечислением («*Анна вытянет руки, [прищурится...]*»), часть фразы перед союзом, наконец, фразы, которые могли бы заканчиваться и точкой, но не имеют ее ни в авторском тексте, ни в чтении диктора, и были записаны испытуемыми с запятой в конце («*Бабы вскрикивали, [дети плакали]*»).

Такая же многовариантность присуща и стимулам, записанным с многоточием в конце: это мог быть стимул, в котором фраза почти буквально была «прервана на полуслове» («*полезли [в погреб]*»), или стимул, заканчивающийся запятой в написанном тексте, например, первое из сочиненных предложений с союзом *a* («*Вышла Матильда, [a за нею Мохов.]*»), функционирующее как тема [Fougeron 1987: 97–108; Fougeron 1989].

Вполне вероятно, что каждому из вариантов может соответствовать свой мелодический контур, но прежде чем анализировать различия в контурах подобных фраз, необходимо было бы провести лексико-грамматический анализ незавершенных фраз, чтобы иметь формально описанную их классификацию. Поэтому пока мы ограничимся

² Здесь следует отметить, что наблюдались существенные различия в реакциях русских и французских носителей русского языка на стимулы с вопросительной интонацией. В этих случаях последние значительно чаще воспринимали стимул как незавершенный (ответ «многоточие»). Возможно, здесь сказалось значительное влияние интонационной системы современного французского языка. Поэтому все дальнейшие выводы и заключения основаны только на данных, полученных в России.

анализом, главным образом, вопросительных фраз и сопоставлением их с «не вопросительными», не конкретизируя характер «невопросительности».

Поскольку в целом нас интересуют правила обработки мелодической составляющей речевого сигнала в слуховой системе человека на всех возможных стадиях его обработки, а в эксперименте мы имеем дело с суммарными реакциями испытуемых на естественный речевой стимул, которые являются результатом не только психо-акустического, но и лексико-грамматического анализа, при планировании экспериментов придется больше внимания обращать на лексико-грамматическую структуру стимулов. В необходимости этого мы убедились на результатах собственного эксперимента.

Ниже приведены частоты появления ответов разного типа на три фразы, произнесенные диктором как вопросительные, и для сравнения — реакции на стимулы, образованные отсечением от исходных фраз частей, не содержащих главноударного слога.

	тчк	зпт	мнгт	впр	воскл	испыт
даже не звонит	0	0	0	100	0	27
не звонит	0	0	12	88	0	17
совсем						
не видишься	0	0	7	93	0	28
не видишься	0	0	6.25	87.5	6.25	16
Вы на даче	0	0	0	5.6	94.4	27
на даче	0	11.7	6	11.7	70.6	17
даже не звонит (модиф.)	11.8	0	82.3	5.9	0	27

Лексико-грамматическая структура исходных фраз такова, что для слушателей оказались возможными только два варианта ответов: вопрос или утверждение (восклицание). В наибольшей степени это относится к фразе «даже не звонит», воспринятой всеми испытуемыми как вопросительная. Структура двух других, видимо, допускала большее разнообразие ответов.

«Усеченные» же фразы по своей структуре заведомо предполагают большое разнообразие контекстов, из которых они могли быть извлечены. Например, «[не пишет,] не звонит, [не приходит — кто знает, что с ним происходит?]»; «не звонит?»; «не звонит!»; «нет, не звонит.». И хотя основная часть мелодического контура усеченных фраз осталась неизменной, это отразилось в распределении ответов испытуемых.

Видимо, возможны случаи, когда фразы определенной структуры будут восприниматься как вопросительные без всякого повышения тона, а только при отсутствии его понижения. В качестве примера выше приведено распределение ответов испытуемых на фразу «даже не звонит» с модифицированным нами мелодическим контуром, в котором подъем частоты О. Т. не превышал 2 полутонов (мелодические контуры исходной и модифицированной фразы см. на рис. 1).

Прежде чем приступить к анализу количественных параметров мелодических контуров, использованных в эксперименте фраз, в их связи с ответами испытуемых, необходимо было установить, какими участками мелодического контура можно при этом ограничиться.

Имеются данные, что однозначная интерпретация характерного элемента мелодического контура (комбинации подъема и последующего спада частоты О. Т.), «hat»-контура по [t'Hart, Collier 1978: 31–35], обусловлена степенью синхронизации этого элемента с ударными слогами [Pakerys 1987: 319–322]. Еще раньше на материале русского языка было экспериментально показано, что смещение подобного элемента контура относительно сегментной структуры трехсловной фразы приводит к восприятию слушателями логического ударения (выделенности) на том слове фразы, на которое в данный момент приходится максимум в контуре [Naavel 1974: 33–41]. Аналогичные изменения в положении подъема/спада частоты О. Т. относительно гласного в односложном слове китайского языка вызывает изменение воспринимаемого слушателем тона (с 4-го на 3-й) и, как следствие, восприятие другой лексической единицы [Gårding et al. 1985: 53–67]. Имеются и

другие данные о том, что введение в сигнал изменений, обеспечивающих выделение меток микросегментации при его восприятии и создающих возможность членения непрерывного акустического сигнала на дискретные элементы типа слога или фонемы, существенным образом сказывается на интерпретации мелодических контуров этих сигналов [House 1985: 69–89; Венцов, Касевич 1994].

Представляется также очевидным, что восприятие речевой интонации не должно зависеть от того, содержит ли данное высказывание только глухие или только звонкие согласные. Ранее это предположение было проверено экспериментально с использованием высказываний, в которых все согласные были заменены паузами той же длительности. Оказалось, что данных о мелодическом контуре, полученных только на участках гласных звуков, достаточно для адекватного восприятия как коммуникативного типа высказывания, так и его эмоциональной насыщенности, если последняя действительно была реализована в мелодических характеристиках использованных сигналов [Венцов, Нушикян 1989: 45–46].

Все это позволило предположить, что для системы восприятия речи наиболее существенными являются участки мелодического контура, соответствующие гласным. При этих условиях мелодический контур фразы, даже если исходно он представлял собой непрерывный график изменения частоты *O. T.* (физически это означает, что анализируемое высказывание не содержало невокализованных звуков), на некотором этапе обработки в системе восприятия речи может быть представлен последовательностью дискретных отрезков, совпадающих по времени с гласными и разделенных «паузами», соответствующими согласным звукам (рис. 2). Учитывая сказанное выше и стремясь, по возможности, максимально формализовать процедуры измерения частоты основного тона, все последующие измерения производились нами только на участках гласных³.

³ Очевидно, что реализация подобного алгоритма субъективной обработки мелодических контуров требует выделения гласных

Теперь возникает вопрос, что и как должно быть изменено в таком субъективном представлении контура в процессе его количественного описания и последующей интерпретации.

Исходя из результатов анализа мелодических контуров, получаемых при исследовании процессов порождения речи, некоторые авторы приходят к выводу, что воспринимаемым признаком является скорость изменения частоты *О. Т.*, выражающаяся в крутизне соответствующих участков мелодического контура. Высказывается предположение, что для выделения этого признака могут быть использованы свойства специфических нейронных структур, избирательно реагирующих на частотно-модулированные сигналы [Wales, Taylor 1987: 199–211]. К сожалению, убедительных доказательств существования таких детекторов авторы не приводят. Полученный ими результат сводится к тому, что в английском языке вопросительные фразы характеризуются повышением тона, а утвердительные — понижением. При этом параметры повышения и понижения они определяли вручную по графикам частоты основного тона, а предполагаемые алгоритмы работы собственно детекторов даже не рассматривали. И совершенно не касались вопроса о возможных реакциях подобных детекторов на изменения частоты *О. Т.*, обусловленные особенностями сегментного состава

как дискретных элементов речевого потока. Последнее может быть обеспечено механизмом предварительной микросегментации акустического сигнала. Существование такого механизма подтверждается способностью слушателя синхронизировать свои реакции (речевые или двигательные) именно с началом гласного в слоге [Лисенко и др. 1972: 33–55], а также использовать длительность гласного как фонематический признак или как признак словесного ударения в русском языке [Ventsov 1983: 135–144]. Так как измерение длительности невозможно без выделения меток начала и конца гласного, есть все основания считать, что механизм восприятия речи предусматривает выделение этих меток и есть возможность их использования для считывания необходимой информации именно на участках гласных.

высказывания (переходы на стыке звонких взрывных и шумных согласных с гласными и сонантами) или общей просодической картиной фразы (начальный подъем тона, предшествующий конечному понижению в утвердительных фразах).

На первый взгляд результаты наших экспериментов как-будто не противоречат идее существования подобных детекторов (рис. 3): высказывания, надежно (более 85% случаев) воспринимаемые испытуемыми как вопросительные («не видишься», «не звонит»), характеризуются участком восходящего тона на ударном гласном, в то время как фраза «кладовщицей», не имеющая участка восходящего тона на ударном гласном, воспринимается как вопросительная «всего» в 57% случаев, хотя имеет сопоставимый с предыдущими фразами перепад частоты О. Т. между ударным и предударным гласными (около 6 полутонов).

В этих 57% ответов «вопрос» и заключается «как-будто», поскольку при отсутствии движения тона гипотетические детекторы частотной модуляции вообще не должны реагировать на подобные стимулы и, значит, ответов «вопрос» не должно было быть.

Сопоставление же реакций испытуемых на две фразы («А Фёдорыча...» и полученную из нее удалением начального «а» — «Фёдорыча») приводит нас к убеждению, что механизм обнаружения частотной модуляции вряд ли может использоваться при восприятии интонации в качестве единственного способа получения субъективного описания сигнала. Из приведенных ниже данных об относительной (в процентах) частоте появления разных ответов видно, что первая фраза воспринимается, в основном, как вопросительная или незавершенная, а вторая — как завершенная (высказывание с восклицанием в сущности является эмоционально окрашенной повествовательной фразой):

	тчк	зпт	мнгт	впр	воскл	испыт
А Фёдорыча	0	3	65.2	19.7	12.1	33
Фёдорыча	16.6	0	19.4	8.4	55.6	36

При этом участок мелодического контура, на котором собственно и происходит изменение О. Т., предположительно выделяемое упомянутыми выше детекторами скорости, в обеих фразах один и тот же (рис. 4), т. е. обе фразы характеризуются **одинаковой скоростью** нарастания частоты О. Т. на ударном гласном, и гипотетический детектор частотной модуляции должен был бы среагировать одинаковым образом на обе фразы, а тем не менее ответы испытуемых различаются.

Таким образом, из нашего материала, похоже, следует, что при восприятии интонации вопроса главную роль играет разница уровней частоты О. Т. на определенных участках мелодического контура, при этом скорость изменения частоты, видимо, не имеет существенного значения, хотя для окончательного решения проблемы необходимо более тщательное исследование.

К этому надо добавить, что результаты экспериментальных исследований, в которых изменения мелодического контура задавались уменьшением или увеличением его наклона на заданном участке [Grover et al. 1987], не менее успешно могут быть интерпретированы, если в качестве параметра использовать перепад частоты О. Т. в контуре вместо скорости изменения частоты.

Интересно также, что при исследовании восприятия мелодических изменений носителями вьетнамского (тонального) языка наилучшая интерпретация результатов эксперимента была получена, когда в качестве параметра был выбран именно перепад частоты О. Т. на участке изменения [Венцов, Касевич 1994]. Допустимость использования именно такого признака подтверждают и данные о восприятии изменений высоты, полученные методом имитации [Люблинская 1971: 66–74].

Учитывая то обстоятельство, что при восприятии речи носителями русского языка обязательно используется ритмическая структура слова, определяемая чередованием ударных и безударных гласных, и для этого выделяются границы гласных, функционирование измерителя градиентов частоты О. Т. может быть легко обеспечено: для этого достаточно считывать значения частоты О. Т. в начале и конце гласного.

Говоря о перепадах частоты О. Т. в мелодическом контуре фразы, авторы работ по интонации обычно ограничиваются упоминанием соседних гласных, не вдаваясь в детали того, как может или должно производиться подобное измерение в слуховой системе человека при восприятии речи. А ведь можно представить себе множество способов такого измерения: можно измерять величину градиента 1) как разность средних или максимальных значений частоты О. Т. на соседних гласных; 2) как разность этих значений на концах гласных; 3) наконец, как разность отсчетов частоты в некоторых специфических точках контура [Rossi 1972: 229–237].

Но совсем не рассматривается ситуация, когда предшествующий гласный отсутствует, как в одной из наших экспериментальных фраз («Фёдорыча»). Здесь надо говорить либо об отсутствии восходящего движения тона в такой фразе, либо допустить, что в подобных случаях в качестве конца предударного гласного используется начало ударного [Fougeron 1989]. И тогда становятся более или менее объяснимыми приведенные выше результаты: в первой фразе перепад между ударным и предударным гласными составляет 11 полутонов, если измерять его в моменты времени, соответствующие концам гласных, во второй — повышение частоты на ударном гласном всего 3,3 полутона.

Приступая к данному исследованию, мы предполагали получить количественное описание изменений в мелодическом контуре высказывания, приводящих к восприятию конкретных коммуникативных типов (в данном случае — вопроса). Однако полученного нами к настоящему времени экспериментального материала, к сожалению, недостаточно для сколько-нибудь надежного описания именно количественных характеристик. Особенно учитывая их зависимость от лексико-грамматического контекста конкретной реализации. Тем не менее есть возможность, как нам кажется, сделать некоторые выводы о качественных характеристиках мелодического контура, необходимых для надежного восприятия вопросительной интонации.

Сопоставляя контуры фраз, в которых вопрос воспринимался практически всеми испытуемыми (рис. 5а), с

контурами высказываний, для которых было получено значительно менее надежное восприятие (рис. 5б), не трудно заметить, что последние характеризуются наличием участка заметного понижения частоты О. Т. на ударном гласном, который захватывает либо целиком ударный гласный («кладовщицей»), либо его конечную часть сразу же после максимума («на рассвете»). Предположив, что именно это является причиной ненадежного восприятия вопроса, мы модифицировали мелодические контуры таких фраз так, чтобы на ударных гласных не было никакого понижения тона (рис. 6).

Наши собственные, достаточно субъективные, оценки звучания полученных таким способом сигналов подтвердили наши ожидания: фразы стали звучать как вопросительные. Понимая, что данных столь ограниченного числа испытуемых, к тому же явно заинтересованных в таком результате, совершенно недостаточно для сколь-нибудь убедительных выводов, надеемся все же, что дальнейшие исследования подтвердят правильность наших предположений. В этом нас поддерживает и тот факт, что исследованные нами сигналы с таким контуром основного тона на ударном гласном большинство испытуемых уверенно опознавало как вопросительные.

Выше мы пытались проанализировать степень влияния на восприятие вопроса изменений частоты О. Т. на участке контура до гласного главноударного слога включительно. Полученные нами данные позволяют судить и о роли заударной части в тех случаях, когда она присутствует в сигнале. На рис. 7 приведены мелодические контуры трех реализаций одной и той же фразы — «на рассвете [начался бой]» — с последовательным понижением частоты О. Т. заударного гласного на 3.6 и 6.8 полутона при сохранении неизменной начальной части фразы, включая ударный гласный. Там же приведены относительные частоты ответов «вопрос» (в процентах) для каждой фразы. Хорошо видно, как последовательное понижение тона на заударном гласном до уровня ниже предупредительной части фразы приводит к росту вероятности восприятия данного высказывания как вопросительного. Таким образом, для

адекватного описания процессов восприятия вопросительной интонации возникает необходимость исследовать правила и параметры субъективного описания не только предударной (повышающейся) части мелодического контура, но и заударной (понижающейся) его части.

Хочется сделать еще одно замечание. В фонетической литературе неоднократно указывалось, что интонация полного вопроса и неконечной синтагмы (ИКЗ) идентичны [Брызгунова 1963]. Не исключено, что подобная точка зрения основана либо на чисто внешнем сходстве мелодических контуров без учета того, как воспринимаются высказывания с такими контурами, либо на данных, полученных в психо-акустическом эксперименте, методика которого была неадекватна поставленной задаче (например, вынужденный выбор только из двух вариантов ответа). Наши данные позволяют предположить, что в том случае, когда неконечная синтагма выступает в роли темы, она интонационно отличается от полного вопроса: все фразы, произнесенные как вопросительные, так и были восприняты; в то же время тематические сегменты, при внешнем сходстве мелодического контура, чаще воспринимались не как вопросы, а как незавершенность (см., например, мелодический контур сегмента «на рассвете [начался бой]» на рис. 7 [вариант а]).

Заключение

1. Восприятие коммуникативных типов (в частности, вопроса) определяется не только качественными и количественными характеристиками мелодического контура, но и лексико-грамматической структурой высказывания. По этой причине количественные параметры контуров, задающие определенный коммуникативный тип высказывания, могут изменяться с изменением лексико-грамматического контекста. Видимо, по аналогии с позиционными вариантами фонем можно говорить о контекстуальных вариантах «интоном».

2. Для восприятия интонации вопроса большее значение имеет градиент частоты $O. T.$ между ударным и предударным гласными, чем скорость изменения частоты на этом временном интервале.

3. Для уверенного восприятия вопросительной интонации частота О. Т. ударного гласного должна быть выше чем в предударном, при этом на ударном гласном не должно быть понижения тона, а на заударной части О. Т. должен быть существенно ниже, чем на предударной.

4. Есть основания предполагать, что интонация темы, хотя и характеризуется мелодическим подъемом, тем не менее отличается от интонации вопроса.

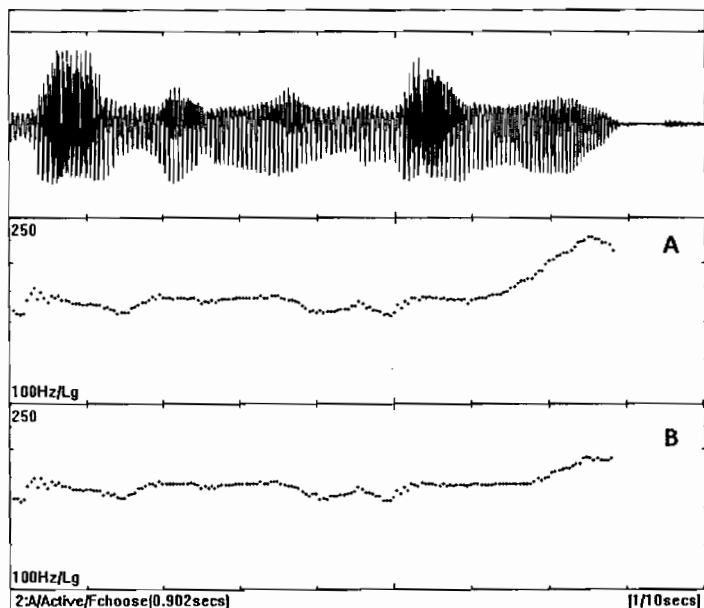

Рис. 1. Осциллограмма и мелодические контуры фразы «даже не звонит».

На А — исходный контур фразы, на В — модифицированный (повышение частоты О. Т. на ударном «и» всего на 2 полутона).

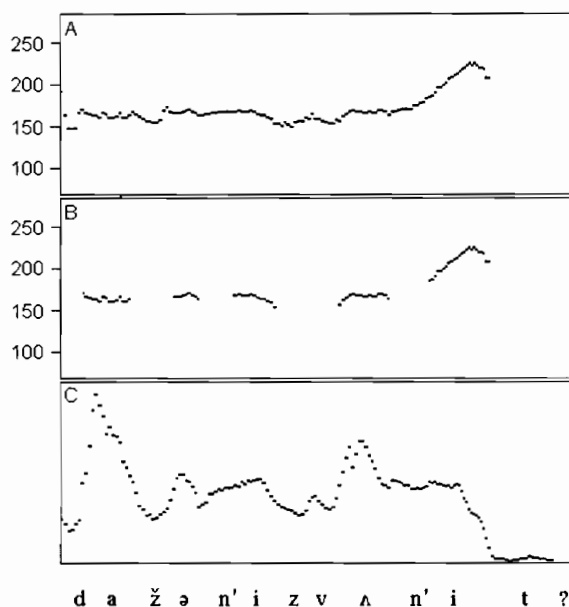

Рис. 2. Пример гипотетического представления в слуховой системе мелодического контура фразы «даже не звонит».
На А — «физический» контур фразы; на В — «субъективное» представление контура только участками гласных; на С — энергетическая огибающая сигнала.

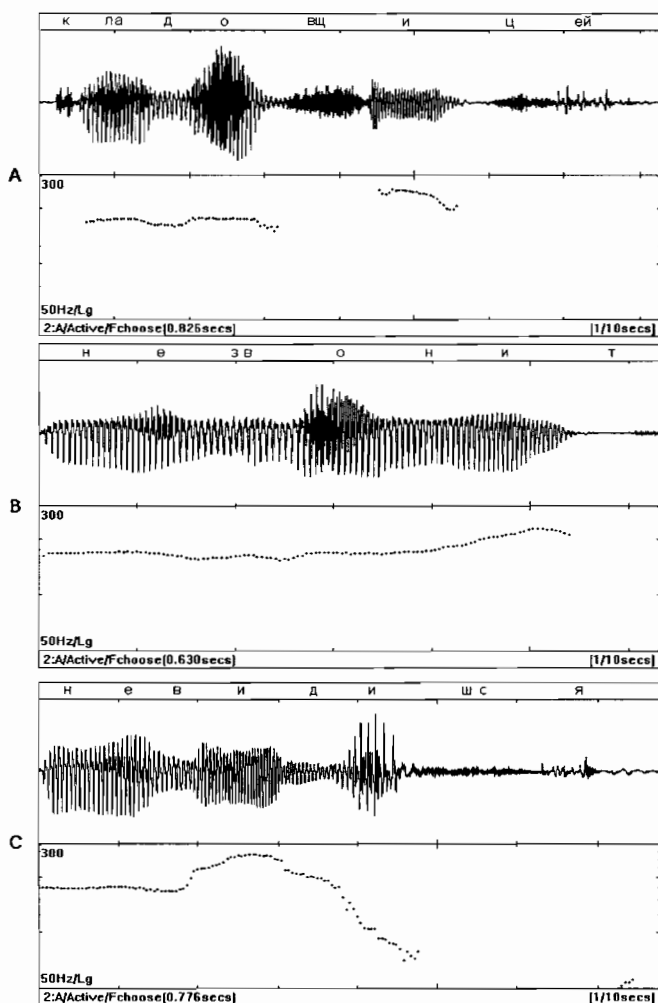

Рис. 3. Осциллограммы и мелодические контуры фраз, с разной вероятностью воспринимаемых как вопросительные. На А — с вероятностью около 60%; на В и С — с вероятностью, превышающей 90%.

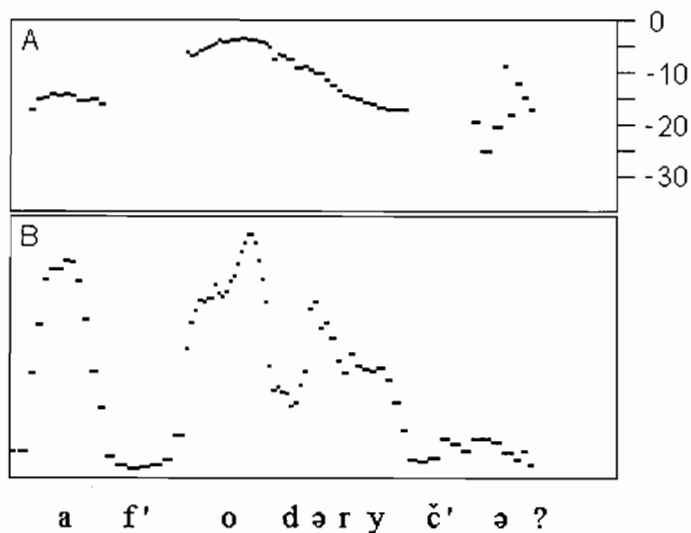

Рис. 4. Мелодический контур (на А) и энергетическая огибающая (на В) фразы «а Фёдорыча».

По оси ординат — частота О. Т. в полутонах относительно 220 Гц.

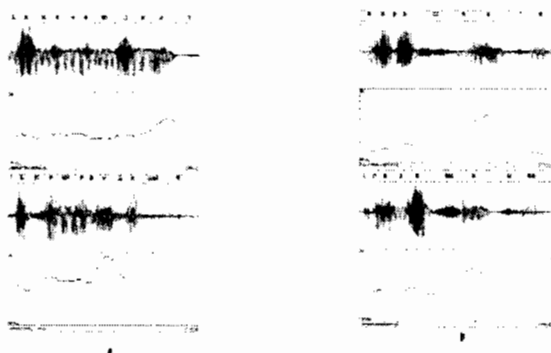

Рис. 5. Примеры осциллограмм и мелодических контуров фраз, воспринимаемых как вопросительные большинством испытуемых (на А) и менее чем половиной (на В).

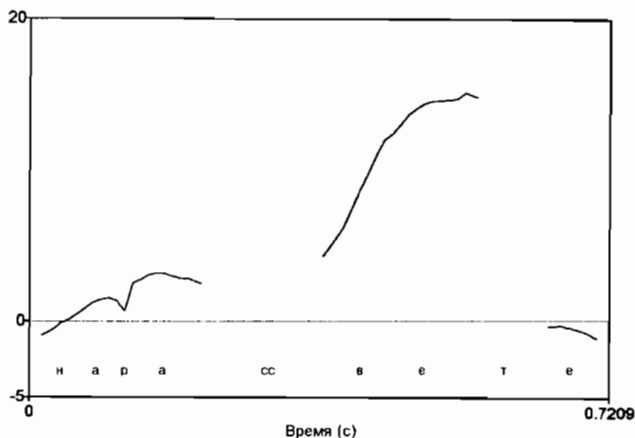

Рис. 6. Модифицированный мелодический контур фразы «на рассвете», при котором следует ожидать уверенного восприятия интонации вопроса.

По оси абсцисс — время в секундах, по оси ординат — частота О. Т. в полутонах относительно 100 Гц.

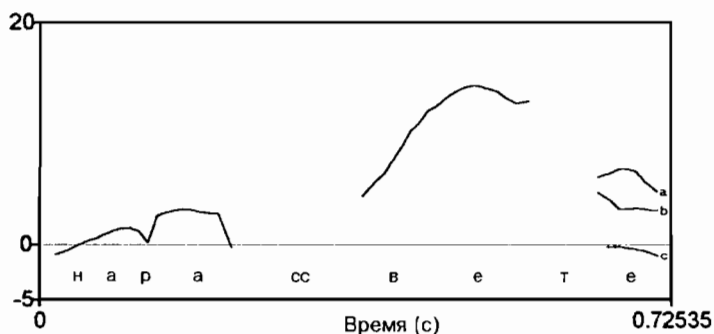

Рис. 7. Влияние тональных характеристик заударной части на восприятие интонации вопроса: а — относительная частота ответов «вопрос» 0% (27 испытуемых), б — 21.4%(28) и с — 55.9(17).

По оси абсцисс — время в секундах, по оси ординат — частота О. Т. в полутонах относительно 100 Гц.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- авест. — авестийский язык
арм. — армянский язык
Арх. — Архангельская область
Ас — Ассеманиево евангелие, рукопись X—XI вв.
Бан — Баницкое евангелие, рукопись XIII в.
болг. — болгарский язык
Врач — Врачанское евангелие, рукопись XIII в.
Вук — Вуканово евангелие, рукопись рубежа XII/XIII в.
Гал — Галицкое евангелие, рукопись 1144 г.
готск. — готский язык
греч. — греческий язык
Дбрм — Добромирово евангелие, рукопись XII в.
Дбрш — Добрейшево евангелие, рукопись XIII в.
др.-инд. — древнеиндийский язык
Зогр — Зографское евангелие, рукопись X—XI вв.
и.-е. — индоевропейский язык
Калужск. — Калужская область
Карп — Карпинские евангелие (рукопись XIII в.) и апостол
(рукопись начала XIV в.)
Кир. — Кировская область
Клоц — Сборник Клоца, рукопись X—XI вв.
Липецк. — Липецкая область
лат. — латинский язык
лит. — литовский язык
мак. — македонский язык
Мар — Мариинское евангелие, рукопись X—XI вв.
Мат — Матичин апостол, рукопись XIII в.
Мст — Мстиславово евангелие, рукопись конца XI в.
Остр — Остромирово евангелие, рукопись 1056—1057 гг.
Охр — Охридский апостол, рукопись XII в.
польск. — польский язык
русск. — русский язык
Сав — Саввина книга, рукопись X—XI вв.
славц. — словацкий язык
Слепч — Слепченский апостол, рукопись XII в.
ст.-польск. — старопольский язык
ст.-прусск. — старопрусский язык
ст.-слав. — старославянский язык

ст.-чешск. — старочешский язык

Супр — Супрасльская рукопись, рукопись X—XI вв.

Толк — Толковый апостол, рукопись 1220 г.

Толст — Толстовский апостол, рукопись XIV в.

укр. — украинский язык

чеш. — чешский язык

БИБЛИОГРАФИЯ

АГ 1954 — Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.

АГ 70 — Грамматика современного русского языка. М., 1970.

АГ 80 — Русская грамматика. М., 1980. Т. 1–2.

Амфилохий 1882 — *Архим. Амфилохий*. Четвероевангелие Галличское 1144 г., сличенное с древлеславянскими рукописными евангелиями XI–XVII вв. и печатными: Острожским 1571 г. и Киевским 1788 г., с греческим евангельским текстом 835 г. М., 1882–1883. Т. I–III.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1. М., 1980. Вып. 2. М., 1982. Вып. 10. М., 1999.

Апракос 1983 — Апракос Мстислава Великого. М., 1983.

Архангельское Евангелие 1997 — Архангельское Евангелие 1092 года. М., 1997.

Белешапкова 1967 — *Белешапкова В. А.* Сложные предложения в современном русском языке. М., 1967.

Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.

Богомолова 1955 — *Богомолова А. В.* Уступительные конструкции с союзом хотя (хоть) в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1955.

Богуславский 1969 — *Богуславский А.* К вопросу о вторичном обозначении определенного содержания в русском связанном тексте // *Филологические науки*. 1969, № 6.

Брейяр, Николаева, Фужерон 2002 — *Брейяр Ж., Николаева Т., Фужерон И.* Наличие/отсутствие личного местоимения — функциональная категория русского языка (в печати).

Брызгунова 1963 — *Брызгунова Е. А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.

Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // *Русская грамматика* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. I.

Брызгунова 1984 — *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

БТС — *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Васильева-Шведе 1948 — *Васильева-Шведе О. К.* Курс испанского языка. М., 1948.

Венцов, Нушикян 1989 — Венцов А. В., Нушикян Э. А. Исследование возможности восприятия мелодического контура, представленного изменениями основного тона только на гласных // Матер. докл. и сообщений 5-го Всесоюзного совещания-симпозиума цикла «Акустика речи и слуха: Эмоции и автоматическое распознавание речи». Одесса, 1989.

Венцов, Касевич 1994 — Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. СПб., 1994.

Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.

Валгина 1971 — Валгина Н. С. Сложноподчиненное предложение в современном русском языке. М., 1971.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1.

Грицанюк 1998 — Грицанюк Н. В. Особенности использования синтаксической частицы «же» в церковнославянском языке (на примере житийных текстов Успенского сборника) // Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова. М., 1998.

Дискурсивные 1998 — Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.

Евтюхин 1979 — Евтюхин В. Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979.

Евтюхин 1996 — Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность, Обусловленность. СПб., 1996.

Елисеева, Селиверстова 1987 — Елисеева А. Г., Селиверстова О. Н. Семантическая структура местоименного значения // Вопросы языкознания. 1987, № 1.

Ефимова 1997 — Ефимова В. С. *нъ* и другие союзы в старославянском // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.

Ефимова 2000 — Ефимова В. С. О союзе *а* в старославянских текстах // Межфразовые связи: кодирование и декодирование. М., 2000.

Ефимова 2002 — Ефимова В. С. Местоимение первого лица в древнейших славянских текстах // Славяноведение. 2002, № 4.

Зализняк, Янин 1993 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1993.

Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Золотова 2000 — *Золотова Г. А.* Понятие личности / безличности и его интерпретации // *Russian linguistics*. V. 24. 2000.

Изборник 1965 — *Изборник 1076 года*. М., 1965.

Ильенко 1966 — *Ильенко С. Г.* О «грамматическом объеме» уступительных сложноподчиненных предложений // *Ленинградский пед. ин-т. им. А. И. Герцена. Герценовские чтения 19. Программа и тезисы докладов 15 апреля — 25 мая 1966*. Филологические науки. Л., 1966.

Касаткина 1988 — *Касаткина Р. Ф.* Русская диалектная суперсегментная фонетика: Докт. дисс. М., 1988.

Касаткина 1991 — *Касаткина Р. Ф.* (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры // Приложение № 1 к Бюллетеню фонетического фонда русского языка. Москва; Бохум, 1991.

Касаткина 1999 — *Касаткина Р. Ф.* (ред.) Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.

Касаткин, Касаткина 1997 — *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Союзы и частицы *а*, *но* и *ну* в русской диалектной речи // *Славянские сочинительные союзы*. М., 1997.

Касаткина, Касаткин 1999 — *Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л.* Некоторые диалектные архаизмы в говоре орегонских «турчан» // *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*. М., 1999.

Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Китайгородская, Розанова 1995 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.

Козьма Индикоплов 1997 — *Книга нарицаемая Козьма Индикоплов*. М., 1997.

Красухин 2001 — *Красухин К. Г.* Некоторые особенности микенского синтаксиса // *Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова*. М., 2001.

Крейдлин, Падучева 1974 — Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1974. № 9.

Кривнова 1995 — Кривнова О. Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Кривнова 1998 — Кривнова О. Ф. Снова о старом: проблемы анализа и моделирования интонации // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук. М., 1998.

Кривнова 1999 — Кривнова О. Ф. Смысловая значимость просодических швов в тексте // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999.

Кручинина 1988 — Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.

Куриц 1963 — Куриц И. Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.

Кухаревич 1955 — Кухаревич Н. Е. Сложноподчиненные предложения с уступительной придаточной частью в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Лавров 1941 — Лавров Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М., 1941.

Лекомцева 1979 — Лекомцева М. И. Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке // Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Лисенко и др. 1972 — Лисенко Д. М. и др. Влияние временной структуры синхронизирующего речевого стимула на временную структуру произносимого звукосочетания // Сенсорные системы: Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов. Вып. 3. Л., 1972.

Люблинская 1971 — Люблинская В. В. Воспроизведение простых контуров изменения частоты основного тона звуков // Анализ речевых сигналов человеком / Ред. А. В. Венцов и др. Л., 1971.

Лэйсиэ 1995 — Лэйсиэ Л. Еще раз о *тоже* // Scando-Slavica. Т. 41. Copenhagen, 1995.

Ляпон 1986 — Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения, текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

МАС — Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М., 1985. Т. I.

Мейе 1938 — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Мещерский 1962 — Мещерский Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Теория и критика перевода. Л., 1962.

Мишланов 1993 — Мишланов В. А. Коннектор А в современных пермских говорах // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1993.

Николаева 1969 — Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

Николаева 1975 — Николаева Т. М. «Принцип замены» А. М. Пешковского и отдельные компоненты интонации // Вопросы фонетики и обучение произношению. М., 1975.

Николаева 1984 — Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. 1984, № 3.

Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.

Николаева 1999 — Николаева Т. М. Хотя и хоть в исторической перспективе // Славянские этюды. М., 1999.

Николаева, Фужерон 1999 — Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые соображения по поводу категории уступительности // Вопросы языкознания. 1999. № 1.

Николаева 2000 — Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.

Николенкова 2000 — Николенкова Н. В. Некоторые принципы синтаксической организации церковнославянского текста (на примере житийных текстов XI–XIII веков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Овсянко-Куликовский 1912 — Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.

Огрэн 1991 — Огрэн И. К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних сла-

вянских переводов // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 31. Uppsala, 1991.

Оде 1995 — Оде С. Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.

Павловский 1911 — Павловский В. Существуют ли в русском синтаксисе придаточные уступительные предложения // Филологические записки. Вып. 51. Воронеж, 1911.

Перфильева 1977 — Перфильева Н. П. Являются ли *хотя* и *хоть* вариантами? // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1977.

Перфильева 1984 — Перфильева Н. П. Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.

Пешковский 1914 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: Популярный очерк. М., 1914.

Пешковский 1938 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.

Пешковский 1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

Пешковский 1959 — Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.

Поспелов 1997 — Поспелов Г. Г. Русское искусство XIX века: Вопросы понимания времени. М., 1997.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. Л. А. Ивашко и М. А. Тарасова. Вып. 10. СПб., 1994.

Розенталь 1968 — Розенталь Д. И. Практическая стилистика русского языка. М., 1968.

РРР. Тексты 1972 — Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

Савченко 1960 — Савченко А. Н. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960.

Санников 1976 — Санников В. Э. Алфавитный, частотный и обратный словари восточнославянских юридических текстов

XI–XVI вв. 3–5 // Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Вып. 82–84. М., 1976.

Санников 1989 — Санников В. Э. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.

Семереньи 1980 — Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Словарь 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейглин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Г. А. Богатова. Вып. 1–26. М., 1975–2002.

Словарь древнерусского языка — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Под ред. Р. И. Аванесова. Т. III. М., 1990.

Срезневский 1958 — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. II. М., 1958.

Срезневский 1959 — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. III. М., 1959.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–32. М.; Л.; СПб., 1965–1998.

Стародумова 1974 — Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

Степанов 1989 — Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.

Структура предложения 1983 — Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983.

Теремова 1986 — Теремова Р. М. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.

Топоров 1992 — Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии IV (1). И.-е. *eg'h-om (*He-g'h-om): *men. 1. Sg. Prop. pers. // Этимология. 1998–1990. М., 1992.

Трёстеровая 1993 — Трёстеровая Э. К употреблению А в роли текстового коннектора // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1993.

Тронский 2001 — Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.

Фасмер 1964–1973 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

Фужерон 1997 — Фужерон И. Между сочинением и подчинением: хотя в современном русском языке // Доклад на XVII Международном лингвистическом конгрессе 20–25 июня 1997 г. Париж, 1997.

Фужерон 1998 — Фужерон И. Не заблудиться бы в трех хотя // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998, № 3.

Фужерон, Брейар 2001 — Фужерон И., Брейар Ж. Когда я нужно // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001, № 4.

Черных 1993 — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1993.

Шимчук-Щур 1999 — Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Frankfurt-am-Main; Berlin; Bern etc., 1999.

Шмальцгиг 1988 — Шмальцгиг В. Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. М., 1988.

Шувалова 1997 — Шувалова С. А. Сложное предложение // Энциклопедия «Русский язык». М., 1997.

Эдельман 2001 — Эдельман Д. И. К реконструкции праиранского предложения // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

Эрну 1950 — Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974.

Ягич 1960 — Ягич И. В. Словоуказатель (index verborum) // Ягич И. В. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Graz, 1960.

Янин, Зализняк 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

Adrados 1992 — Adrados Fr. The new image of I.-E.: the history of a revolution // Indogermanische Forschungen. Bd. 39. 1997. Hft. 2.

Allaona 1997 — Allaona A. Sur les pronoms personnels: questions d'autonomie primitive // Acta Orientalia Societates Orientales danica Fennica Norvegica Svecica. 1997.

Bichakjian 2002 — *Bichakjian Bernard H.* Language in a Darwinian Perspective. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2002.

Breuillard, Fougeron 2001 — *Breuillard J., Fougeron I.* Avec ou sans я // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.

Chevalier 1998 — *Chevalier J.-C.* Chrono-syntaxe et collocation des pronoms compléments en espagnol // *Mélanges de linguistique, sémiotique et narratologie dédiés à la mémoire de Krasimir Manchev.* Sofia, 1998.

Dommelen 1987 — *Dommelen van, W. A.* The contribution of speech rhythm and pitch to speaker recognition // *Language and speech.* Vol. 30. 1987. № 4.

Etim. slov. — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Praha, 1973–1980. Sv. 1–2.

Fougeron 1971 — *Fougeron I.* L'intonation des phrases interrogatives russes. Thèse de 3-e cycle (non publiée). Paris, 1971.

Fougeron 1987 — *Fougeron I.* *A* et *No*, deux conjonctions synonymes? // *Les particules énonciatives en russe contemporain.* Paris, 1987. Vol. 3.

Fougeron 1989 — *Fougeron I.* Prosodie et organisation du message // *Collection linguistique.* V. 76. Paris; Klincksieck, 1989.

Fougeron 1990 — *Fougeron I.* *A* et les rapports interphrastiques en russe contemporain // *Revue des Études slaves.* T. LXII. Fasc. 1–2. Paris, 1990.

Fougeron 1991 — *Fougeron I.* Variations sur un thème // *Actes du XII Congrès des sciences phonétiques.* Aix-en-Provence, 1991. Vol. 3.

Fougeron 1995 — *Fougeron I.* Retour sur les conjonctions adversatives *A* et *No* en russe // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.* T. XC. Fasc. 1. Paris, 1995.

Fougeron 2001 — *Fougeron I.* La coordination et ses opérateurs en russe moderne // *Études de linguistique générale et contrastive. Hommage à Jean Perrot.* Paris, 2001.

Fried 1999 — *Fried M.* Inherent vs. derived clisis: evidence from Czech proclitics // *Journal of linguistics.* Vol. 35. Cambridge, 1999.

Gårding et al. 1985 — *Gårding E. et al.* Tone 4 and tone 3 discrimination in modern Standard Chinese // *Work. Papers. Dept. of Linguistics and Phonetics.* Lund Un-ty. 1985. Vol. 28.

Gonda 1954–55 — Gonda J. The original character of the Indo-European relative pronoun *jo-* // *Lingua*. Vol. 4/1. 1954–1955.

Grover et al. 1987 — Grover C., Jamieson D. G., Dobrovolsky M. B. Intonation in English, French and German: perception and production // *Language and speech*. Vol. 30. 1987, № 3.

Hamp 1984 — Hamp E. P. The reconstruction of particles and syntax // *Historical syntax* / Ed. by J. Fisiak. Berlin; New York; Amsterdam, 1984.

Helmbrecht 1999 — Helmbrecht J. The typology of 1-st person marking and its cognitive background // *Cultural, Psychological and Typological issues in Cognitive linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1999.

Haavel 1974 — Haavel R. Experiments on the perception of emphasis and question // *Estonian Papers in Phonetics*. Tallinn, 1974.

t'Hart 1978 — t'Hart J., Collier R. A course of Dutch Intonation // *IPO Annual Progr. Report*. 1978. Vol. 13.

House 1985 — House D. Implications of rapid spectral changes on the categorization of tonal patterns in speech perception // *Work. Papers. Dept. of Linguistics and Phonetics. Lund Univ.* 1985. Vol. 28.

House 2002 — House D. Perception of question intonation and facial gestures // *Tal, Musik och Hørsel. Quarterly Progress and Status Report*. 2002. Vol. 44.

Hermes 1991 — Hermes D. J. Prominence caused by rising and falling pitch movements with different positions in the syllable // *IPO Annual Progr. Report*. Vol. 26. 1991.

Jagić 1919 — Jagić V. Zum altkirchenslavischen Apostolus. I. // *Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Bd. 191. Wien, 1919.

Karcevski 1927 — Karcevski S. Système du verbe russe // *Essai de linguistique synchronique*. Prague, 1927.

Karcevski 1927 — Karcevski S. De l'exclamation à la conjonction // *Karcevski S. Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par I. & G. Fougeron*. Paris, 2000.

Karcevski 1939–1940 — Karcevski S. Deux propositions dans une seule phrase // *Inédits...*

Karcevski 1941 — *Karcevski S.* Introduction à l'étude de l'interjection // Inédits...

Karcevski 2000 — *Karcevski S.* Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par I. & G. Fougeron. Paris, 2000.

Makarova 2001 — *Makarova V.* Perceptual correlates of sentence-type intonation in Russian and Japanese // *Journal of Phonetics*. Vol. 29. 2001, № 2.

Makarova, June-ko 1996 — *Makarova V., June-ko Matsui.* The production and perception of potentially ambiguous intonation contours by speakers of Russian and Japanese // *Proceedings of International Conference on Spoken Language Processing*. 1996. Vol. 3.

Merk 1984 — *Merk S. J.* *Novum Testamentum graece et latine*. Romae, 1984.

Nestle 1950 — *Nestle E.* *Novum Testamentum graece*. Stuttgart, 1950.

Nilsson 1982 — *Nilsson B.* Personal pronouns in Russian and Polish: A study of their communicative function and placement in the sentence. *Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic studies*. Stockholm, 1982.

Nilsson 1979 — *Nilsson B.* On the Thematic Function of Nouns as Subjects // *Scando-Slavica*. T. 25. Copenhagen, 1979.

Palander-Colin 1998 — *Palander-Colin M.* Grammaticalization of I THINK and METHINKS in Late Middle and Early Modern English // *Neophilologische Mitteilungen*. XCIX/4. 1998.

Pakerys 1987 — *Pakerys A.* Relative importance of acoustic features for perception of Lithuanian stress // *Proceedings of the XI-th Internat. Congr. of phonetic Sciences*, August 1–7, 1987. Vol. 1. Tallinn, 1987.

Perrot 1971 — *Perrot J.-Ch.* Problèmes de structures appliquées au messages // *Mélanges offerts à Aurelien Sauvageot pour son 75 anniversaire*. Budapest, 1971.

Rossi 1972 — *Rossi M.* Le seuil de glissando ou seuil de perception des variations tonales pour le son de la parole // *Acta Universitatis Carolinae. Praha*, 1972.

Studdert-Kennedy, Hadding 1973 — *Studdert-Kennedy M., Hadding K.* Auditory and linguistic processes in the perception of intonation contours // *Language and speech*. Vol. 16. 1973. № 4.

Shields 1997 — *Shields K.* On the pronominal origin of the

I.-E. athematic verbal suffixes // The journal of Indo-European studies. Vol. 25. 1997. № 1–2.

Shields 1998 — *Shields K. Jr.* Comments on the evolution of the Indo-European personal pronoun system // *Historische Sprachforschung* (Historical linguistics). Bd. III. 1998. Hft. 1.

Ventsov 1983 — *Ventsov A. V.* What is the reference that sound durations are compared with in speech perception? // *Phonetica*. Vol. 40. 1983, № 2.

Wales, Taylor 1987 — *Wales R., Taylor S.* Intonation cues to question and statements: How are they perceived? // *Language and speech*. Vol. 30. 1987. № 3.

Zwicky 1985 — *Zwicky A. M.* Clitics and paricles // *Language*. Vol. 61. 1985. № 2.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

- В. С. Баевский.** История русской литературы XX века: Компендиум. 448 с. 2003.
- М. М. Бахтин.** Собрание сочинений.
Т. 1. 912 с. 2003.
Т. 6. 800 с. 2002.
- Г. В. Бондаренко.** Мифология пространства Древней Ирландии. 416 с. 2003.
- Е. А. Боратынский.** Полное собрание сочинений и писем: В 4 т.
Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. 512 с. 2002.
Т. 2. Стихотворения 1823–1834 годов. 440 с. 2002.
- В. В. Вейдле.** Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. 456 с. 2002.
- Г. А. Гуковский.** Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.
- А. С. Демин.** Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова. 760 с. 2003.
- Евразийское пространство: Звук. Слово. Образ: Сб. статей. 584 с. 2003.
- Б. Ф. Егоров.** От Хомякова до Лотмана. 368 с. 2003.
- В. М. Живов.** Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. 760 с. 2002.
- «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского. 232 с. 2003.
- В. А. Жуковский.** Полное собрание сочинений: [В 20 т.]
Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.
Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.
Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804–1833. 608 с. 2004.
- А. А. Зализняк.** «Русское именное словоизменение»: С прил. Избр. работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.
- А. А. Зализняк.** Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материалов находок 1995–2003 гг. 872 с. 2004.

- Вяч. Вс. Иванов.** Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I–III–.
Т. I. 912 с. 1998.
Т. II. 880 с. 2000.
Т. III. 816 с. 2004.
- С. А. Иванов.** Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.
- Д. П. Ивинский.** Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. 432 с. 2003
- Из истории русской культуры.
Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.
Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. 944 с. 2002.
Т. III. XVII век. 768 с. 1995.
Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.
Т. V. XIX век. 848 с. 1996.
- А. В. Исаченко.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. 880 с. 2003.
- В. В. Калугин.** «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. 240 с. 2003.
- Дж. Лайонз.** Лингвистическая семантика: Введение. 400 с. 2003.
- Джордж Лакофф.** Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. 792 с. 2004.
- М. Озуф.** Революционный праздник: 1789—1799. 416 с. 2003.
- Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский.** Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. 192 с. 2001.
- А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. 544 с. 2001.
- Р. Пиккио.** Древнерусская литература. 352 с. 2002.
- Л. В. Пумпянский.** Классическая традиция. 864 с. 2000.
- Р. Ратмайр.** Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. 272 с. 2003.
- Русско-французский словарь Антиоха Кантемира.
Т. 1. 870 с. 2004.
Т. 2. 504 с. 2004.
- В. В. Седов.** Славяне: Историко-археологическое исследование. 624 с. 2002.

- А. М. Селищев.** Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. 632 с. 2003.
- Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением: Сб. статей. 560 с. 2002.
- Словарь языка русской поэзии XX века.
Т. I: А – В. 896 с. 2001.
Т. II: Г—Ж. 800 с. 2003.
- А. И. Соболевский.** Труды по истории русского языка. Т. 1. 712 с. 2004.
- И. И. Срезневский.** Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. 2003.
- Ж. Старобинский.** Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. I—II. 2002.
- Старообрядчество в России (XVII—XX века). Вып. 3. 568 с. 2004.
- Н. Н. Старыгина.** Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860—1870-х годов. 354 с. 2003.
- В. Н. Топоров.** Из истории русской литературы. Т. II. Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие.
Кн. I. 912 с. 2001.
Кн. II. 928 с. 2003.
- Я. Ульфелдт.** Путешествие в Россию. 616 с. 2002.
- Б. А. Успенский.** Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. 128 с. 2000.
- Б. А. Успенский.** Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. 144 с. 2000.
- Б. А. Успенский.** Царь и патриарх: Харизма власти в России. 680 с. 1998.
- Ф. Б. Успенский.** Имя и власть. 144 с. 2001.
- Ф. Б. Успенский.** Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. 456 с. 2002.
- А. Я. Шайкевич, В. М. Андрющенко, Н. А. Ребецкая.** Статистический словарь языка Достоевского. 880 с. 2003.
- Дж. Т. Шоу.** Поэтика неожиданного у Пушкина. 456 с. 2002.
- Языки свободного общества: Искусство: Сб. статей. 160 с. 2003.
- В. Л. Янин.** Новгородские посадники. 512 с. 2003.

ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ ОПОРЫ
ПРОСТРАНСТВА МЕЖФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ

Коллективная монография

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Корректор Е. Зоткина

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 09.01.2004. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура Академическая.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 25,92. Заказ № 3776.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc@comtv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru;>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Лингвистика последних лет как будто бы переходит от жесткого «можно / нельзя» к «можно сказать и так, и так, и все будет правильно, но какая-то разница есть».

Какая?

Именно об этом данная книга.

Авторы (ученые России и Франции) в течение ряда лет обнаруживали различия в функционировании, казалось бы, привычных «свободных вариантов»: реплик с *я* и без *я*, сложных предложений с *хотя* и *хоть*, исследовали экспериментально тонкие различия в интонации и порядке слов, которые вели к различиям семантическим.

Оказалось, что и диалектные факты можно интерпретировать совсем иначе, и факты старославянского языка помогают понять живую русскую речь. А «свободные варианты» употребления русских местоимений уводят исследователя в далекую индоевропейскую древность.